

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 4

ТАШКЕНТ — 1963



ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ
МОДДИЙ МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ

4-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ-1963

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ-1963

Выпуск посвящен вопросам археологии Узбекистана. Обзор работ археологов за 1961 г. отражен в статье В. А. Шишкина. В исследованиях О. В. Обельченко и Т. Агзамходжаева рассматриваются различные типы курганных захоронений районов Ташкента и Бухары. Статьи В. А. Булатовой и Д. Вархотовой содержат данные по вопросам искусства и ремесла, в статье Н. С. Гражданкиной рассматриваются различные области технологии и ремесленного производства. В статье Г. В. Шишкиной изложены вопросы формирования сельских усадеб VIII—IX вв. н. э.

Все статьи написаны на основании фактического материала, полученного в результате археологических раскопок, проведенных коллективом сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР.

Сборник рассчитан на историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов и учителей средних школ.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. ШИШКИН

В. А. ШИШКИН

УЗБЕКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1961 г.

(Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции)

Археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР в 1961 г., как и в предыдущие годы¹, исследовала памятники разных периодов — от палеолита до средневековья включительно. Работы экспедиции охватывали все области Узбекистана², за исключением Хорезмской области и Каракалпакской АССР, территория которых входит в сферу исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

Полевые работы проводили отряды: 1) Махандарьинский, который, кроме района Махандарьи — сухого дельтового протока Зеравшана в низовьях этой реки, — производил исследования к северу от Нуратинского хребта и на его южных склонах; 2) Самаркандский, основные работы которого были сосредоточены на городище Афрасиаб; одновременно отряд продолжал раскопки стоянки времени верхнего палеолита в Самарканде и разведку памятников древности и средневековья в Придаргомской степи к югу от Самарканда; 3) Сурхандарьинский, продолжавший исследования на территории строящегося Южно-Сурханского водохранилища и произво-

¹ См. наши обзоры полевых работ экспедиции: Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг., «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 216—230; Узбекстанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), там же, вып. 2, 1961, стр. 18—50; Полевые работы Узбекстанской археологической экспедиции в 1960 г., там же, вып. 3, 1962, стр. 5—18. В предлагаемой статье автор использовал полевые отчеты и устные сообщения сотрудников экспедиции.

² Экспедиция работает под общим руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Шишкина. Кроме сотрудников сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР, в полевых работах принимали участие сотрудники Музея истории АН УзССР, Государственного Эрмитажа, Института археологии АН СССР, Самаркандского государственного университета, Самаркандского, Бухарского и Термезского музеев.

дивший раскопки на некоторых памятниках вне этой территории; 4) отряд по исследованию чустской культуры времени бронзы в Ферганской долине, главным образом, в Чустском и Дальверзинском поселениях; 5) Кувинский, продолживший исследования храмового комплекса на городище Кува в Ферганской области; 6) Карамазарский, занимавшийся исследованием древних выработок полезных ископаемых; 7) отряд, производивший раскопки курганных могильников на северо-восточных границах Бухарского оазиса.

1. Памятники каменного века. В 1961 г. было продолжено исследование большой верхнепалеолитической стоянки на берегу искусственного озера в парке Самарканда³, где в предыдущие годы были вскрыты три последовательных культурных слоя с остатками жилищ, очагов и очень большим количеством кремневого и костяного инвентаря. Стоянка, периодически, по-видимому, возобновлявшаяся, существовала, как показывают полученные материалы, длительное время. Раскопки этого памятника, которые, надо полагать, потребуют еще несколько рабочих сезонов, дадут, вероятно, материал, в какой-то степени смыкающийся с нижнепалеолитической культурой, изучавшейся Д. Н. Левом в пещерной стоянке Аманкутан, расположенной в нескольких десятках километров от Самарканда. Основанием для такого предположения могут служить многочисленные находки в Самаркандской стоянке орудий и сколов мустьерского облика, залегающих вместе с типичными орудиями верхнего палеолита. Д. Н. Лев объясняет наличие таких орудий наряду с новыми типами устойчивостью мустьерских традиций, сохранявшихся и при появлении новых приемов обработки камня. При раскопках собрано много костей животных, служивших объектами охоты, с подавляющим преобладанием костей дикой лошади. Найдены также рога оленя, кости тура или зубра, оленя⁴. Эта стоянка, открытая в свое время Н. Г. Харламовым и разведанная частично М. В. Воеводским и В. В. Шумовым, займет свое место в ряду первоклассных памятников первобытного общества в археологии Узбекистана и Средней Азии.

Значительные работы по выявлению и изучению памятников каменного века были выполнены отрядом, работавшим

³ Раскопки производит Д. Н. Лев. В 1961 г. он пользовался консультацией геологов Г. Ф. Тетюхина и А. А. Юрьева.

⁴ На этой стоянке В. И. Громовой по материалам разведки М. В. Воеводского и В. В. Шумова был определен особый вид лошади (см. В. И. Громова, История лошадей в Старом Свете, Труды ПИН, 1949, т. XVII, вып. 1). Костный материал из раскопок Д. Н. Лева определил Н. К. Верещагин.

под непосредственным руководством Я. Г. Гулямова (Махан-дарьинский отряд)⁵. Важным объектом исследования отряда являлись места добычи кремня и первичной его обработки на южных склонах гор Каратау, представляющих собой западное ответвление Нуратинского хребта. Еще в 1958 г. около кишлака Учтут было обнаружено месторождение кремня в виде желваков и кремнистых пород, а также заготовки для орудий, отбойники и отбросы производства. В 1959 г. А. П. Окладниковым была открыта мастерская каменных орудий у кишлака Иджонт, расположенного приблизительно в 17 километрах к северо-востоку от гор. Навои (Кермине) у выхода в долину сая Сармыч⁶. Работы по исследованию этих мастерских были продолжены в 1961 г. В сая Сармыч обнаружены две пещеры, в одной из которых заложен шурф, не давший, однако, археологического материала. Здесь и в соседнем сая Караунгур обнаружено большое количество наскальных изображений козлов, кабанов, коней и всадников, относящихся к более позднему времени. От кишлака Иджонт была проведена разведка в северо-западном направлении до кишлака Учтут. На выходе из гор сая Вауш собраны многочисленные пластинки, отбойники и отщепы. На склоне горы в сая Вауш около кишлака Кавоби обнаружены ямы воронкообразной формы. Исследование их шурфами и траншеей показало, что в ямах наряду с кремневыми желваками встречаются кремневые изделия, а также дисковидные нуклеусы, свидетельствующие о том, что месторождение кремня использовалось еще человеком мустьерского времени, хотя большая часть материала относится уже к более поздним культурам верхнего палеолита и неолита.

Находка месторождений кремня на южных склонах Каратау позволяет разрешить вопрос о месте, снабжавшем кремнем и другими пригодными для каменной индустрии материалами обширные районы, расположенные южнее, в частности, возможно, и территорию в низовьях Зеравшана.

К памятникам каменного века в низовьях Зеравшана относятся многочисленные стоянки, открытые в прошлом году на берегах бывших озер, а теперь солончаков Большого и Малого Тузкана, расположенных по сухому ныне дельтовому

⁵ Участники отряда: М. Касымов, Х. Насретдинов, У. Исламов, А. Аскарлов, С. Рахимов, А. Мухаммеджанов, Р. Камбариддинов.

⁶ М. Р. К а с ы м о в, Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях — мастерских Средней Азии, сб. «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 253—264; е г о ж е, Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8, стр. 62—64.

протоку Буджайли — одному из ответвлений Махандарьи. В настоящее время район солончаков необитаем. В глубокой же древности, до развития искусственного орошения, для которого использовалась большая часть воды реки, он был обильно снабжен водой, а сам Зеравшан впадал одним из своих русел — Махандарьей — в Аму-Дарью, являясь ее притоком. Местность, отличавшаяся обильной растительностью и большим количеством дичи на озерах и притоках, была удобной для возникновения раннего земледелия, основанного на каирном орошении в тех местах, которые затоплялись водой во время паводков.

Поэтому не случайно берега протоков и водоемов становились обитаемыми в период неолита и позднее, в период бронзы⁷. В 1961 г. отряд Я. Г. Гулямова произвел разведку вдоль русла Махандарьи до берегов Аму-Дарьи.

Отряд нашел на берегах Большого Тузкана относительно хорошо сохранившееся неолитическое жилище, которое имело вид прямоугольного шалаша. План жилища определяется сохранившимися ямками от столбов. Раскопками выявлены два культурных слоя, разграниченных прослойками песка. Найден также и многочисленный инвентарь: хорошо обожженная керамика, остродонная и с округлым дном, каменные ножи, скребки, топоры, ланцетовидные наконечники стрел, а также наконечники с выемкой кельтеминарского типа, микролиты-вкладыши и пр. Сопоставление с находками в Хорезме приводит к заключению, что в стоянках на солончаках Тузкан мы встречаемся с раннекельтеминарской неолитической культурой, ареал которой распространяется, следовательно, на западную окраину Бухарского оазиса и, весьма вероятно, на южные склоны Нуратинского хребта.

2. Памятники периода бронзы. В обзоре работ 1960 г. сообщалось, что на берегах Большого и Малого Тузкана были обнаружены в большом количестве⁸ развешанные стоянки культуры бронзы. В 1961 г. в этом районе были найдены новые пункты с осколками керамики времени бронзы и остатки жилищ.

Поселение периода бронзы исследовалось в местности, расположенной недалеко от оз. Заман-баба. Здесь также

⁷ О работах 1960 г. см.: У. Исламов, Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1, стр. 61—62; он же, Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, сб. «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 258—271.

⁸ См. также: А. Аскар-ов, Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, 1962, стр. 25—41.

раскопано обширное жилище, овальное в плане. Сохранились гнезда от столбов; можно предполагать, что перекрытие имело вид шалаша. В жилище обнаружены два очага. Найдены кремневые наконечники стрел и керамика, типичные для культуры Заман-баба. Отряд продолжал также исследования могильника Заман-баба 1, в котором с 1950 г. были раскопаны 43 могилы.

Осколки керамики периода бронзы собраны были отрядом Я. Г. Гулямова в двух местах около солончака, носящего также название Тузкан, к северу от Джизака. Однако следов поселений в этом районе выявить не удалось. В местности Кульписарата⁹, в 30 км к северу от Джизака, расположено кладбище, могилы которого окружены каменными оградками. В одной из таких оградок отрядом раскопана могила с костяком в скорченном положении и рядом с ним в могиле найден железный браслет.

Продолжалось в 1961 г. изучение памятников чустской культуры в Ферганской долине. На Чустском поселении производились раскопки в южной части оборонительной стены. Теперь эта стена вскрыта полностью, по-видимому, на всем ее протяжении, так как с той стороны, где проходит сай, служивший естественной защитой, стены, вероятно, не существовало. На городище выявлены постройки двух видов: с глиняными стенами и типа каркасных, сооружавшихся, надо полагать, из жердей и камыша, обмазанных глиной. Окончательно установленными могут считаться три периода существования поселения: 1) до постройки оборонительных стен, которые возводились уже на культурном слое, 2) период существования стен, когда поселение представляло собой нечто вроде укрепления, и 3) после разрушения стен — в виде открытого селения. На территории поселения, кроме найденных ранее нескольких погребений людей в скорченном положении, были обнаружены погребения отдельных человеческих черепов.

В результате многолетних исследований поселения¹⁰ могут считаться выявленными в общих чертах как его планировочная структура, так и стратиграфия культурных наслоений. За время работы собрано большое количество материала, характеризующего обитавшее здесь население как оседлое, за-

⁹ Об этой местности см.: Я. Г. Гулямов, Кладбище Кульписар, сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, 1961, стр. 94 и след.

¹⁰ Поселение открыто М. Э. Воронцом в 1950 г. Раскопки производятся с 1953 г. В. И. Спришевским.

нимавшееся земледелием в сочетании со скотоводством и охотой. Свидетельством этому служат находки зерен культурных растений (пшеницы, проса, ячменя, бобовых растений), кости употреблявшихся в пищу домашних животных (собака, лошадь, осел, свинья, крупный и мелкий рогатый скот) и диких животных, добывавшихся охотой (кулан, кабан, архар, джейран, олень и др.). Здесь же найдены и произведения ремесла: расписная и нерасписная разнообразная керамика, формы для отливки предметов из бронзы, различные орудия труда из бронзы и камня, украшения, отпечатки тканей. Все говорит о развитой хозяйственной деятельности земледельцев Ферганской долины в период поздней бронзы — конец II — начало I тысячелетия до н. э., — которым датируется поселение.

Широко распространенная в Ферганской долине чустская культура, памятники которой, выявленные ныне, исчисляются десятками, изучается также на Дальверзинском поселении¹¹, где в 1961 г. было заложено несколько раскопов с целью дополнить и уточнить данные, полученные в предыдущие годы. Здесь так же, как и в Чусте, отмечаются три культурных слоя. Обнаружены оборонительные стены, остатки жилых построек из сырцового кирпича, очаг прямоугольной формы, собран различный хозяйственный инвентарь. Интересно отметить, что здесь, как и на Чустском поселении, во всех вскрывавшихся горизонтах наряду со скоплениями разрушенных человеческих скелетов встречались отдельные человеческие черепа. Следовательно, захоронение отдельных черепов — явление не случайное. В. И. Спришевский высказал предположение, что среди носителей чустской культуры «бытовал обычай охоты за черепами», как это было у отсталых племен Африки¹². Еще раньше он указывал и на возможность каннибальства, так как вместе с костями животных были найдены расколотые человеческие кости¹³. Это очень важный штрих к истории культуры относительно поздних этапов первобытного общества на территории Средней Азии. Однако, как нам кажется, вопрос о каннибализме или возможности человеческих жертвоприношений в период поздней бронзы в Средней Азии требует еще дальнейших подтверждений, как

¹¹ Раскопки Дальверзинского поселения производит Ю. А. Заднепровский.

¹² В. И. Спришевский, Раскопки Чустского поселения, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1, стр. 71.

¹³ В. И. Спришевский, Раскопки Чустского поселения в 1956 г., СА, 1958, № 3, стр. 186—187.

и исследования погребального ритуала, который также мог иметь своеобразные локальные особенности¹⁴.

Кроме раскопок на Дальверзинском поселении, Ю. А. Заднепровский вторично обследовал относящееся к той же чустской культуре поселение на скале в местности Маняк между Андижаном и Ошем, обнаруженное сотрудниками Андижанского музея.

3. Археологические работы в Самарканде. Цель работ в Самарканде — изучение сложной исторической жизни одного из древнейших городов Средней Азии, существующего уже не меньше двух с половиной тысячелетий, а также прилегающих к нему районов. Ближайшей задачей является исследование стратиграфии и исторической топографии города домонгольского времени, основная часть которого занимала холмистую местность, известную под названием «Кала-и Афрасиаб» или просто «Афрасиаб».

В 1958—1960 гг. на городище Афрасиаб были проведены значительные по объему работы: исследование внутренних, деливших город на особые районы, и внешних оборонительных стен городища; стратиграфические раскопки на северной стороне, над протекающим здесь Сиабом, районов гончарного производства и жилых построек и стратиграфии культурных наслоений в западной части городища.

Значительно меньше было сделано для археологического изучения присамаркандских районов, что объясняется большой трудоемкостью работ на Афрасиабе и относительной малочисленностью состава отряда.

В 1961 г. продолжалось исследование оборонительных стен внутри городища¹⁵ — третьей и второй (по счету В. Л. Вяткина)¹⁶. Вторая стена, на которой были сделаны два полных разреза, оказалась на всем протяжении двойной. В западной части расстояние между внутренним (северным) и внешним (южным) обводом равнялось приблизительно 30 м; между ними был вырыт ров около 10 м глубиной. В средней части эти стены несколько расходятся. Максимальное расстояние между ними достигает примерно 100 м. На восточной стороне они снова сближаются и идут двумя параллельными отводами до обрыва канала Сиаб. Это обстоя-

¹⁴ В связи с этим не мешает напомнить сообщение Геродота (IV, 25—27) об исседонах, поедающих покойников, и Страбона (География, XI, 8, 6—8), приписывающего подобный же обряд массагетам.

¹⁵ Работы производили М. Пачос, Я. Крикис и М. Н. Федоров.

¹⁶ В. Л. Вяткин, Афрасиаб, Самарканд (1926), стр. 5 и сл.

тельство не было отмечено прежними исследователями. В средней части стена была сильно разрушена, и остатки ее были скрыты под толщей культурных наслоений. На западной и восточной сторонах, где контуры второго, южного обвода хорошо прослеживаются, этот обвод считался частью третьей (и, как предполагалось, более поздней) стены.

Между тем, так называемая вторая стена может рассматриваться как двойная. Характер постройки этой стены, археологический материал в виде черепков посуды в глинобитной массе, как это установил исследовавший стену М. Пачос, свидетельствуют или об одновременности постройки обоих обводов стены или, по крайней мере, об одном непродолжительном периоде, в течение которого они были возведены. Точную дату постройки определить пока трудно. По найденному в толще стены большому количеству фрагментов керамики можно только сказать, что стена была возведена не раньше VI—VII вв. н. э. В одном случае, в западной части, она была построена частично на материке, частично (с внутренней стороны) на культурном слое, который может датироваться приблизительно указанным временем. В другом месте, около поворота стены в средней части к северо-востоку, под стеной также обнаружен культурный слой, который может быть отнесен к предарабскому времени.

Стена не позднее X в. н. э. была заброшена и подверглась значительным разрушениям. В ней были вырыты ямы для нечистот, в которых найдена керамика X—XII вв. Возможно, как это предположил М. Пачос, стена потеряла свое значение, когда стала более интенсивно заселяться территория южнее и была возведена внешняя стена (четвертая), окружавшая весь холм городища. Больше всего пострадала, видимо, средняя часть стены. Как выяснено раскопками в восточном конце этой средней части, остатки стены были перекрыты даже культурными наслоениями, достигшими толщины 0,8—0,9 м.

Однако, как можно предположить, перед монгольским нашествием, когда согласно распоряжению хорезмшаха Мухаммеда производились работы по укреплению Самарканда, были приняты меры к восстановлению и этой стены. У поворота от средней части в северо-западном направлении, где производилось исследование, поверх старой стены, на накопившемся уже культурном слое, была возведена новая стена, менее мощная, но укрепленная бревнами, заложенными в толщу пахсы. В глинобитном массиве ее были найдены керамика и жженный кирпич X—XII вв.

Менее изучена пока третья стена¹⁷, охватывающая пространство около 15 га перед средней частью второй стены. Исследование ее около юго-западного угла этой площадки показало, что техника постройки сходна с наблюдавшейся во второй стене; восточная часть стены, по-видимому, возводилась наспех на рубеже XII—XIII вв., возможно, также в связи с угрозой монгольского нашествия. Мы полагаем, что «третья» стена была построена приблизительно в то же время, что и вторая и также восстанавливалась в разрушившихся местах. Это предположение, как и некоторые другие выводы, касающиеся исследованных стен, носит предварительный характер и требует дальнейшего накопления фактов.

Следует упомянуть о небольшом укреплении, защищавшем въезд в город, перед воротами в середине «второй» стены. Укрепление представляет собой глинобитную стену, достигающую мощности около 6,5 м. В ней найдены обломки керамики X—XII вв., что и указывает на время ее возведения. Укрепление построено на культурном слое XII в.

Вторая задача, которая ставилась еще в начале исследования Афрасиаба — выяснение стратиграфии культурных наслоений городища, в частности, исследование тех наслоений, которые могли бы считаться остатками древнейшего поселения на холме Афрасиаб. Древнейшие наслоения обнаружены пока в двух местах, расположенных на противоположных краях: в юго-восточной части, около архитектурного ансамбля Шах-и-Зинда, и в северо-западном углу городища, в пределах так называемого «первого укрепления». Керамические изделия из этих слоев датируются приблизительно серединой первого тысячелетия до н. э. Первый из пунктов был открыт А. И. Тереножкиным еще в 1946 г. и частично исследован в 1959 г. Второй — исследовали С. К. Кабанов и М. И. Филанович в 1959—1961 гг.

Недалеко от центра большой впадины, занимающей западную часть упомянутого «первого укрепления», в 1961 г. был заложен глубокий шурф. Верхние слои оказались сильно перемешанными. Наряду с древнейшей керамикой встречены формы, которые можно отнести к первым векам н. э., среди них несколько черепков поливной средневековой посуды. Ниже, на глубине 6,5—7 м шурф прошел через слой с признаками жилья: очагом, золой с керамическим шлаком, костями животных. В этом слое (она встречалась и выше) — типичная керамика, аналогичная той, которая была найдена А. И. Тереножкиным у Шах-и-Зинда. Глубже выявлена слож-

¹⁷ «Третья» стена исследовалась М. Н. Федоровым.

ная структура водного происхождения и вырытые уже в этих слоях водоемы с покатыми стенками и прослойками ила, свидетельствующими о том, что они были длительное время наполнены водой¹⁸.

Неподалеку раскопаны остатки древнего здания и ямы под ним, в которых обнаружены фрагменты керамики тех же типов и двухлопастной бронзовый втульчатый наконечник стрелы. Древнее здание было обнаружено в связи с раскопками здания первых веков н. э., исследование которого было начато также А. И. Тереножкиным в 1927 г. В здании, раскопки которого были окончены С. К. Кабановым в 1961 г., выявлено несколько помещений, подвергавшихся переделкам с изменением уровней полов. Наслоения, на которых было воздвигнуто здание, могут, судя по фрагментам керамики, датироваться первыми веками до н. э. Однако никаких остатков построек в этих наслоениях не обнаружено. В северо-восточной части раскопа древние слои перекрываются ранне-средневековыми, в которых выявлены плохо сохранившиеся остатки построек; самые верхние слои — кладбище, время возникновения которого еще точно не определено, возможно, средневековое.

Таким образом, материалы северо-западного участка городища весьма определенно указывают на его раннее заселение — по-видимому, не позднее середины первого тысячелетия до н. э.

Раскопки продолжены также и на северном краю городища — к северу от цитадели¹⁹. Они показали, что здесь, у берега Сиаба, жизнь продолжалась некоторое время и после монгольского завоевания, примерно до XIV в. н. э. Верхние слои — монгольского времени и IX—XIII вв. — сохранились незначительными фрагментами. Ниже этих слоев — стены здания, датируемого VII—VIII вв., в котором найдены фрагменты керамики того же времени и большое количество согдийских монет с квадратным отверстием. Раскоп еще не закончен, и нижние наслоения не выяснены.

В западной части городища, между стеной и дорогой, ведущей к аэропорту, продолжены раскопки здания, вернее, большого комплекса зданий, часть которых исследовалась в 1959—1960 гг.²⁰ В раскопанных помещениях выяснено несколько периодов. Первоначально это были жилые помеще-

¹⁸ Производившая эту работу М. И. Филанович при определении слоев пользовалась консультацией геологов Н. Н. Салькова и В. С. Корсакова.

¹⁹ Раскопки производит О. В. Обельченко.

²⁰ Раскопки в 1961 г. проводила Г. В. Шишкина.

ния с сырцовыми толстыми стенами, датируемые концом IX началом X в. Сохранились остатки окрашенной в красный цвет штукатурки и стенных росписей. Позднее помещения были приспособлены для каких-то, еще не достаточно выясненных, производственных целей: в полу появились углубления — обложенные кирпичом ящики-резервуары, оштукатуренные в некоторых местах водостойким известковым раствором. Резервуары соединены отводами с поглощающими колодцами. Вдоль стен помещений сооружены ящики типа закровов.

Для третьего периода характерны сооружения в виде небольших печек, свидетельствующие о каких-то новых производственных процессах. В следующем периоде в тех же помещениях, в значительной мере уже переделанных, появляется много тандыров-печей для выпечки хлеба, и, наконец, на последнем этапе — в развалинах здания — возникает гончарная печь, в отвалах которой найдено несколько фрагментов поливной керамики конца XII — начала XIII в. Все упомянутые переделки, по-видимому, заняли относительно короткое время, так как материал, который можно датировать временем, непосредственно предшествующим монгольскому нашествию, появляется только в связи с гончарной печью. Раскопки этого объекта еще не закончены.

Изучение наслоений под этим зданием подтверждает, что культурные слои в этой части городища незначительны и относятся только к средневековью.

Та же картина — отсутствие древних наслоений — наблюдается и на восточной стороне, где в 1960—1961 гг. было раскопано здание на пространстве между Ташкентской шоссе-сейной дорогой и внешней оборонительной стеной городища²¹. Здание, представляющее собой обширное помещение и незначительные пристройки к нему, относится к XI—XII вв. Шурф, заложенный под полом помещения, показал, что культурные наслоения не превышают 40—60 см; под ним лежит материковый слой. Наслоения содержат невыразительные и трудно определяемые фрагменты средневековой керамики.

Упомянем еще о небольшом раскопе в восточной части городища между «второй» и «третьей» стенами²². На месте раскопок обнаружена гончарная мастерская: несколько помещений, четыре керамических печи. К мастерской примыкала улица, вымощенная ломаным камнем. Раскопки дали большой комплекс поливной посуды, датируемой XI в.

²¹ Работу производили М. Пачос и Я. Крикис.

²² Раскопки производил Ш. Ташходжаев.

В результате значительных раскопочных работ, произведенных отрядом начиная с 1958 г., получены новые данные, которые в значительной степени изменяют существовавшие раньше в советской археологии представления о характере древнего городища. На большей части его не обнаруживаются предполагавшиеся некоторыми исследователями мощные наслоения времени до и непосредственно после начала н. э. Это может объясняться или тем, что город того времени занимал относительно небольшую территорию, а на остальной части холма Афрасиаба существовали лишь отдельные строения, или тем, что при многочисленных перестройках некоторая часть древних культурных наслоений была уничтожена в период средневековья. Последнее, несомненно, имело место, но едва ли в больших размерах: керамики, которую можно было бы отнести к глубокой древности, во всех наших раскопах (кроме раскопов в северо-западной части) мы пока не встречали. Значительному пересмотру подвергается и вопрос о времени возведения как внешних, так и внутренних стен, окружавших те или иные территории. Однако следует еще раз оговориться, что при обширной территории городища и очень плохом состоянии нижних наслоений, сильно разрушенных всевозможными хозяйственными ямами, прорезающими их до материкового лесса, для разрешения основных вопросов заселения и характера развития города потребуются еще весьма значительные работы, которые должны проводиться в течение ряда лет.

В 1961 г. особая группа под руководством Н. С. Гражданкиной начала исследования архитектурного ансамбля Шах-и-Зинда²³. Постановка этой работы вызвана большим интересом, который представляет история возникновения и развития этого получившего всемирную известность архитектурного ансамбля. Шах-и-Зинда привлекает внимание исследователей и как часть городища Афрасиаб. В связи с ремонтными и реставрационными работами в этом ансамбле произведено в прошлом очень большое количество вскрытий фундаментов, зондажей, шурфов и т. д., в результате чего накопилось много разрозненных фактов и данных, недостаточных, однако, для выявления более или менее полной и документированной истории памятника, весьма сложной и длительной.

В 1961 г. производились раскопки по восточной стене «коридора», объединяющего сохранившиеся до нашего време-

²³ Работа проводится совместно с Управлением по охране памятников при Министерстве культуры УзССР. В составе отряда, кроме Н. С. Гражданкиной, археологи Н. Б. Немцева и Е. Б. Пругер, технолог по силикатам Ф. А. Бурнашева и архитектор Ю. З. Шваб.

ни мавзолей; был заложен стратиграфический шурф около остатков мавзолея XIV в., открытого в 1957 г., а также вырыты шурфы у мавзолея Туман-ака, продолжена расчистка остатков древних построек у безымянного мавзолея № 2 и безымянного мавзолея, построенного мастером Усто Али Насафи, и т. п. Одновременно производилось изучение строительных материалов, конструкций и облицовки зданий.

В результате установлено, что наиболее древние наслоения под некрополем Шах-и-Зинда в местах, где производились раскопки, возникли не раньше IX—X вв., и что под существующими ныне сооружениями имеются остатки жилых построек IX—X вв. В XI—XII вв. существовал уже большой комплекс построек: мавзолей Куссама б. Аббаса, купольное сооружение у современного входа в мечеть при этом мавзолее, два здания по «коридору» и другие здания, наличие которых устанавливается по большому количеству фрагментов резных терракотовых плиток.

Наиболее старые, восходящие к караханидскому времени, элементы зданий обнаружены у входа упомянутого купольного сооружения в примыкающем к нему небольшом минарете и в стенах сооружений у самого «мазара», где находится надгробие Шах-и-Зинда — двоюродного брата пророка Куссама б. Аббаса. В небольшом помещении, примыкающем к «зиорат-хона» мавзолея, несколько лет тому назад была обнаружена деревянная балка, вделанная в стену, с вырезанной на ней куфической надписью. Сохранившийся остаток ее содержит часть типичной эпитафии:

«...[غفر الله له و لوالديه و لجميع المسلمين « « « «

يا الرحمن لراحمين بتاريخ محرم...»

«да простит Аллах его, его родителей и всех мусульман...
...О, милостивый к милосердным. В мухарраме...»²⁴.

Таким образом, ни имени того, к кому относится эпитафия, ни даты нет. Только характер письма с элементами «цветущего куфи» указывает на наиболее вероятную дату изготовления надписи — вторая половина XI или начало XII в. Упомянем попутно о майоличной надписи в «зиорат хона», проходящей по восьмигранному основанию купола над поясом тромпов. Выполнена она белыми буквами по голубому фону с резным цветочным орнаментом. Нам удалось сделать эстампаж надписи и прочитать ее. Стиль курсивного письма типичен для монументальных надписей XIV в., близок

²⁴ Прочитано по эстампажу, предоставленному архитектором В. М. Филимоновым.

по характеру надписям мавзолея Ходжа Ахмада, Туркан-бика-ака и некоторых других зданий того же комплекса Шах-и-Зинда. Надпись в «зиорат-хона» содержит коранический текст (Коран, сура 9, стихи 18—22), после которого стоит дата:

تمت في سنة خمس و ثلسين (sic) و سبعماية

«Окончено в году семьсот тридцать пятом» (1334/1335 г. н. э.). Таким образом, декоративное оформление помещения было выполнено в первой половине XIV в. Надписи помогают установить только два этапа в очень сложной истории сооружения, многократно перестраивавшегося и возобновлявшегося. Ничего более древнего в пределах ансамбля Шах-и-Зинда пока обнаружить не удалось.

4. Сурхандарьинский отряд²⁵. Работы производились на нескольких памятниках. Были продолжены прежде всего археологические исследования в зоне затопления Южно-Сурханского водохранилища, начатые в 1959 г.²⁶ Продолжались раскопки памятников Джинтепе, Кальтепе, Караултепе и Яхшибайтепе. Как и раскапывавшиеся раньше Чаянтепе, Имамтепе, Мунчактепе, они представляют собой остатки небольших поселений или отдельных зданий, датируемых временем от начала н. э. до XI—XII вв. включительно.

Весной 1961 г. была произведена археологическая разведка на одном из крупнейших в долине Сурхандарьи городище Дальверзин, в 12 км к северу от Шурчи. Здесь был выполнен разрез стены, возведенной на естественной платформе из крупного квадратного сырцового кирпича, производились раскопки двух жилых помещений с красной ангобированной керамикой, типичной для кушанского времени. Во время разведки 1960 г. на этом городище были найдены в выбитой в стене погребальной камере три женских скелета и рядом с ними обломок бронзового зеркала, перстень и эфталитская монета. Несколько подобных же погребений выявлено и в 1961 г. Кроме того, вне стен городища обнаружены погребения костей в оссуариях. Исследователи пришли к выводу, что город, находившийся на месте городища Дальверзин, возник в первые века н. э., пришел в запустение в III—IV вв., а в V—VII вв. служил местом погребения.

²⁵ В составе: Л. И. Альбаум (начальник отряда), В. А. Нильсен, Б. Я. Ставиский, Л. Н. Мережин, К. А. Шахурин, Т. Агзамходжаев и др.

²⁶ Сведения о работах 1959—1960 гг. см.: Л. И. Альбаум, Археологические работы на территории Южно-Сурханского водохранилища, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 2, стр. 57—60.

Осенью 1961 г. основные силы отряда были сосредоточены на раскопках другого значительного сооружения — Зангтепе (Абидабадтепе) в Ангорском районе. Выяснено, что Зангтепе представлял собою замок, построенный не раньше конца V в., и существовал в своем более или менее первоначальном виде до VII в. н. э. Наверху — остатки построек XI—XII вв. Здание имело два этажа и относительно хорошо сохранилось; стены сложены из продолговатого сырцового кирпича, типичного для раннего средневековья. Раскопано более 20 помещений верхнего этажа. При раскопках найдено большое количество керамики и осколков стекла. Интересна находка шелковичных коконов, свидетельствующих о существовании здесь в VI—VII вв. н. э. шелководства. Пока совершенно уникальной для территории Средней Азии следует считать находку фрагментов бересты с четко сделанными каллиграфическими надписями, выполненными письмом брахми²⁷. Находка представляет большой интерес как указание на то, что в правобережном Тохаристане в VII—VIII вв. применялась индийская система письма, связанная, надо полагать, с какими-то группами населения, продолжавшими исповедывать буддизм. Интересен и сам факт (насколько нам известно, нигде еще не зафиксированный) использования в Средней Азии бересты в качестве материала для письма.

Б. Я. Стависким продолжено начатое еще в 1937 г. Е. Г. Пчелиной²⁸ исследование буддийского пещерного монастыря на Каратепе в развалинах домонгольского Термеза. Здесь было выявлено надземное сооружение, построенное из сырцового кирпича. Здание состояло из центрального помещения — целлы, охватывающего ее с трех сторон обходного коридора, и небольшого жилого помещения. Около входа в целлу в 1937 г. были обнаружены плохо сохранившиеся остатки росписи клеевыми красками по глиняной штукатурке. В склонах холма Каратепе выбито в песчанике значительное количество пещер, состоящих обычно из центрального помещения и окружающих его коридоров. В 1961 г. на стенах пещер обнаружены остатки раскраски и процарапанные контурные рисунки. Найдены фрагменты керамики, покрытой красным ангобом с лощением, обломки архитектурных украшений — изображений аканфа, зубцов и т. п., кусок барельефа с частью человеческой фигуры, обломки алебастровой

²⁷ Надписи еще не прочтены.

²⁸ Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе (Термез), Доклады и сообщения исторического факультета (МГУ), вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.

скульптуры, подкрашенные черной и красной красками, со следами позолоты.

В Каратепе найдены также фрагменты индийских надписей на черепках. Одна из надписей сделана письмом карош-ти, остальные — брахми. Таким образом, 1961 г. ознаменовался находками памятников индийского письма сразу в двух местах, что представляет очень большой интерес для истории культуры правобережного Тохаристана, так как до сего времени единственным памятником этого рода была надпись на обломке каменного сосуда, найденном в Термезе в 1936 г.

Монастырь в Каратепе и сделанные там находки хорошо датируются найденными в 1961 г. монетами Вима Кадфиза (?), Канишки и Васудевы (первые века н. э.).

5. Раскопки на городище Кува²⁹. В 1961 г. продолжено исследование комплекса жилых построек, примыкающих к обнаруженному ранее храму, и, несомненно, связанных с ним. Выявлено значительное количество помещений (всего 24 комнаты), сгруппированных вдоль коридора, вытянутого с запада на восток. Стены этих помещений возведены из сырцового кирпича и пахсы. В некоторых помещениях видны следы пожара: на полу образовался слой угля от сгоревших балок и жердей перекрытия.

Сравнение приемов строительства, инвентаря и пр. позволяет установить одновременность существования храма и раскопанных сооружений. Однако в коридоре и некоторых помещениях сохранились следы вторичного обживания комплекса. В целом постройка датируется найденными в 1961 г. тринадцатью медными монетами согдийского чекана, с квадратным отверстием (VII—VIII вв. н. э.).

Некоторые из раскопанных помещений были хозяйственными. В них сохранились каменные жернова, большое количество хумов, различной бытовой посуды и т. п. В других помещениях можно предположить существование мастерских, в частности, для изготовления каменных бус и печатей, о чем свидетельствует большое количество заготовок прозрачных и полупрозрачных пород камня, часть которых уже подверглась предварительной обработке. Вместе с ними найдены вставки и бусы из изумруда, горного хрусталя, сердолика, оникса и т. п., а также шлифовальные камни, наковаленки и пр. Из находок, сделанных в помещениях, следует отметить железные ножи, скребки, два железных наконечника стрел и весьма интересный медный штамп с изображением сидящего

²⁹ Работы производили В. А. Булатова и Д. П. Вархотова.

мужчины с ритонем в правой руке, кувшином и висящим рядом бурдюком³⁰.

6. Раскопки могильников в Бухарской области. О. В. Обельченко продолжил исследование курганных погребений в могильниках около станции Кызылтепе, у городища Шахри-Вайрон и близ сел. Хазара³¹.

В 1960—1961 гг. был раскопан 21 курган. В первом из могильников оказались погребения разных типов — подбойные и катакомбные, датируемые началом н. э., с двухлезвийными мечами, кинжалами и железными наконечниками стрел. В могилах встречается бытовая глиняная посуда, пряжки из железа и кости. Более поздние погребения — первых веков н. э. содержат в качестве погребального инвентаря посуду. В одной из могил найдена серебряная монета — подражание монетам Евтидема.

Самые поздние погребения — в неглубоких узких ямах. Найден однолезвийный железный кинжал, трехреберные наконечники стрел. В насыпях курганов этого могильника делались также захоронения костей в хумах. Возможная дата этих захоронений — VI—VIII вв. н. э.

В Шахривайронском могильнике раскопано 5 насыпей. Одна из них в прямой яме, четыре — с подбоями. В могилах — железные мечи, наконечники стрел того же типа, что и в Кызылтепинском могильнике, кувшины и кубки, по времени, по-видимому, синхронные ранней группе погребений кызылтепинского могильника.

Хазаринский могильник содержит около 500 насыпей, из которых было раскопано 14. Могилы оказались простыми грунтовыми, с подбоями и катакомбами. В катакомбных погребениях, которые, как и подбойные, могут датироваться первыми веками н. э., обнаружены остатки деревянных долбленых гробов. Инвентаря эти могилы не имели. В подбойных найдена посуда, украшения, статуэтка Анахит. Грунтовые могилы с различной ориентировкой погребального инвентаря не содержат и могут быть только предварительно датированы временем раннего средневековья, предшествующим арабскому завоеванию³².

7. Обследование древнего горно-рудного района в Ташкентской области. В заключение нашего краткого обзора упомянем о только что начатой работе по изучению горно-рудного района в горах Карамазар, которую проводил в 1961 г.

³⁰ См. заметку В. А. Булатовой в этом же сборнике.

³¹ В работах принимали участие Х. Дуке и Г. Суюнов.

³² Все приведенные датировки погребений принадлежат О. В. Обельченко.

Ю. Ф. Буряков. Им была предпринята маршрутная поездка в Карамазар, Лошкерак, Каратепе и Алмалык. Осматривались древние рудные выработки, места плавки руды, отвалы шлаков и находящиеся поблизости остатки поселений. Исследовались холмы, состоящие из шлаков, недалеко от развалин гор. Тункента, где обнаружены также и остатки печей. Время образования шлаковых отвалов на основании найденного археологического материала определяется в пределах от начала н. э. до XI—XII вв. н. э. В Алмалыксае обнаружены остатки нескольких поселений. При разведке, кроме бытового керамического материала, собраны крицы и некоторые орудия горного дела — каменные молоты для дробления руды и пр.

Сведения, вошедшие в предлагаемый краткий обзор полевых работ, произведенных в течение 1961 г., носят предварительный характер.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ ХОДЖАКЕНТСКОЙ ПЕЩЕРЫ В 1958 г.

Раскопки Ходжакентской пещеры производились с 18 по 27 апреля 1958 г. при следующем составе участников работ: начальник экспедиции — А. П. Окладников, сотрудники — З. А. Абрамова, В. И. Сенчуков, М. Касымов, Х. Насретдинов, Ю. Ф. Буряков, К. И. Бирюлина.

История исследования такова: весной 1957 г. Г. В. Парфенов поручил двум отрядам школьников¹ обследовать Ходжакентские гроты. Школьники нашли в пещере пластины мустьерского типа. Найденные пластинки и нуклеусы заинтересовали В. П. Любина и Г. В. Парфенова, той же весной посетивших пещеру. Затем по поручению Института истории и археологии АН УзССР мы произвели там раскопки.

Сел. Ходжакент находится в 75 км к северо-востоку от Ташкента при слиянии рек Угама и Пскема в Чирчик, на левом берегу Пскема-Чирчика. Над селением возвышаются скалистые выходы известняка с расщелинами, нишами и неглубокими гротами.

Один из гротов (№ 1), расположенный в нижней части гряды на высоте 10—15 м над основной ходжакентской террасой, и служил убежищем древним людям. Грот неглубокий, открытый на северо-запад; высота его в средней части у входа достигает 2,5 м, глубина не более 4 м, ширина входа около 6 м. Скальный пол, почти на всей поверхности обнаженный от наслоений, круто поднимается от входа к задней стенке грота.

Перед гротом находится небольшая, довольно ровная площадка, которую пересекает невысокий расплывшийся вал,

¹ В обследовании участвовали: К. Губайдуллин, Ю. Лысенко, Ю. Прицеляев, С. Маленко и Е. Слепков.

возможно, образовавшийся за счет выброса из пещеры. На этой площадке и частично в наружной части грота был заложен раскоп размерами 6 × 6 м. В восточной части грота у выхода на небольшой глубине в слое желтой вязкой глины сохранились культурные остатки мустьерского времени. В западной части культурный слой не сохранился. За пределами грота находится мощный гумусированный слой, толщина которого увеличивается по мере удаления от грота соответственно падению скального основания. На поверхности этого слоя и в нем изредка встречаются в переотложенном состоянии мустьерские изделия, а также обломки керамики XIV—XV вв. н. э.

Рядом с этим гротом, к западу от него, расположен второй грот. На поверхности перед ним поднят массивный отщеп мустьерского облика. На склоне, ведущем от пещер к поселку, неоднократно находили палеолитические изделия. На участке, ближайшем к известным ходжакентским писаницам, был поднят нуклеус из роговика.

Во время раскопок площадки перед гротом № 1, после снятия и удаления верхней мешаной толщи рыхлых отложений, выяснилось, что собственно культурный слой или вернее нижняя часть его, оставшаяся непо потревоженной в позднейшее время, перекрывала непосредственно скальную поверхность — дно грота.

Культурный слой с уцелевшими на месте изделиями мустьерского времени представлял собой довольно мелкую щебенку, смешанную с глиной, в которой и находились обработанные камни. Поверхность дна пещеры полого понижается по склону к реке, т. е. на северо-запад. Перекрытая козырьком грота верхняя или внутренняя часть площадки, где рассеян обработанный камень, почти лишена рыхлых отложений. Небольшой глинистый покров сохранился только в самой глубине грота там, где он делится на две небольшие развилки. Затем глинистый слой выклинивается на 2 м и обнажается скала, далее рыхлые отложения начинаются снова и, утолщаясь вниз по склону, достигают мощности 1 м. Учитывая, что отложения пещеры были нарушены и, по-видимому, изъятые в позднесредневековое время, можно предположить, что они первоначально покрывали ее сплошным чехлом. Можно предполагать, что верхняя часть пещеры была заселена в древности, а культурный слой, по-видимому, изъят оттуда в позднесредневековое время, а частью мог сползти вниз. Однако несомненно, основным местом, где протекала жизнь обитателей пещеры, была ее наружная часть, т. е. площадка перед входом в грот.

Поверхность скалы на этом участке — ровная, хотя на ней имеются небольшие расщелины и углубления, заполненные отщепами и пластинами мустьерского времени. На внешнем краю площадки кв. Дз, в неповрежденном мустьерском слое обнаружены остатки очага — небольшое скопление древесного угля очень плохой сохранности толщиной до 1 см. Это скопление угля залегает прямо на камнях скального дна пещеры на расстоянии 2 м от края козырька пещеры, т. е. целиком на площадке. Скопление имело неправильно округлую форму, диаметром несколько более 40 см. Площадка почти горизон-

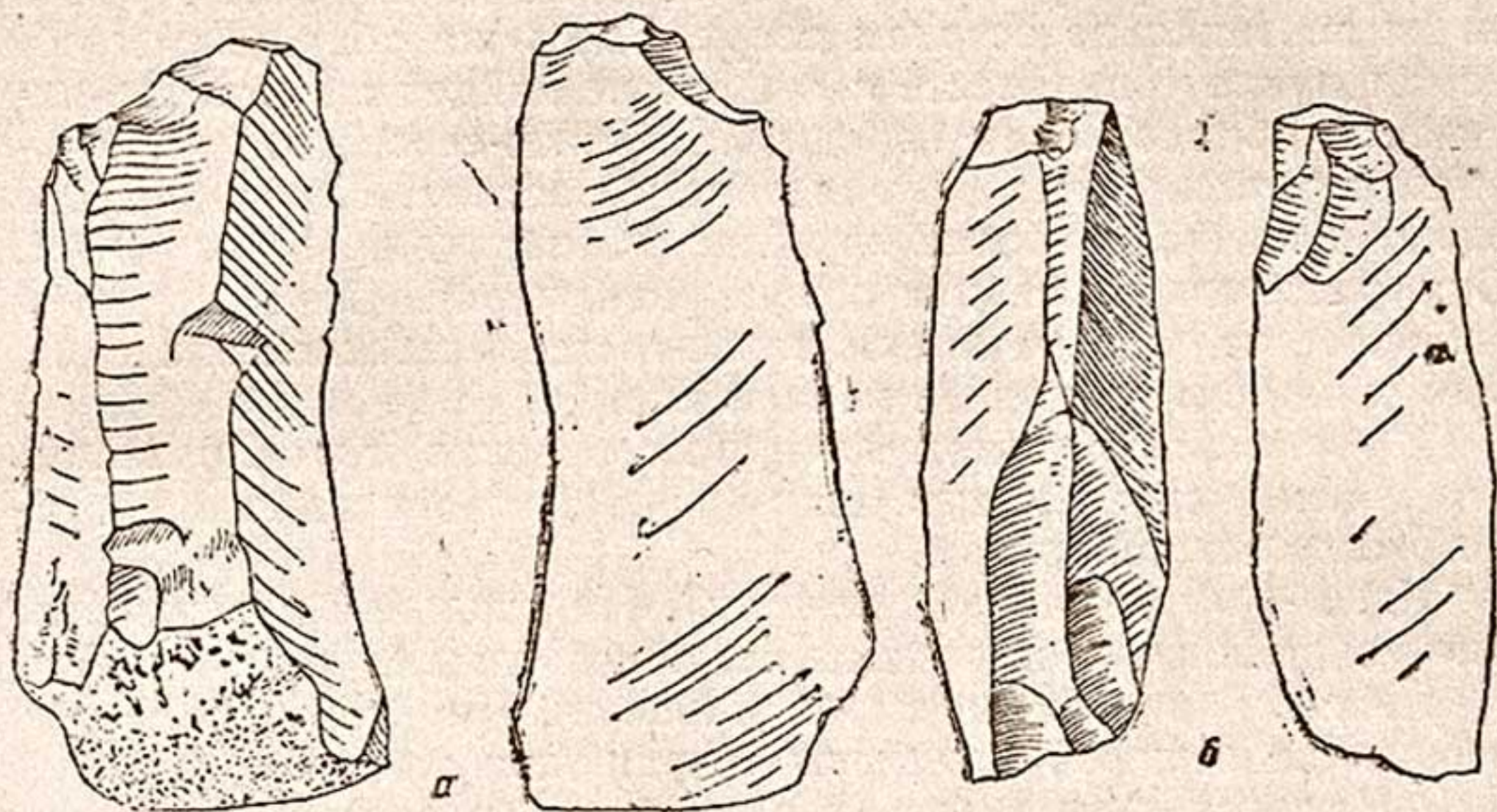


Рис. 1.

а — крупный отщеп, снят с одноплощадного нуклеуса (кв. Г-4); *б* — массивная длинная пластина (кв. Г-3).

тальная, с легким уклоном вниз по склону от пещеры. Таким образом, очевидно, что очаг горел вне пещеры, перед входом в грот. Слой древесного угля в средней части очага — там, где он был всего толще, — рыхлый и распадается отдельными крупинками. Он перекрыт пятном буровато-красной земли. Это, несомненно, результат длительного обжига глины огнем. Почему жженный слой оказался над углем — неясно, но, возможно, это результат оплывания глины из части очага, расположенной вверх по склону. Очаг перекрывает мелкая щебенка, которая и составляет обычно сама по себе культурный слой мустьерского времени. Таким образом очаг был углублен на 8—10 см ниже основного слоя: очевидно, был впущен в глину пола обитаемой части площадки. Камни, на которых залегает углистая прослойка, обожжены настоль-

ко, что почернели и покрыты копотью. Отдельные угольки и пятна жженой земли распространены также и за пределами очага. Выше прослойки щебня залегает глина, смешанная со щебенкой мустьерского времени.

На расстоянии 30 см к западу от очага (кв. Г-4) в небольшом углублении в скале уцелело скопление обработанного камня и галек. Здесь были найдены превосходные крупные пластины из кремнистого известняка и изверженных пород и такие же крупные отщепы (рис. 1, а), но отщепов значительно меньше. Пластины и отщепы лежали плашмя или слегка наклонно между кусками щебенки. Одна из пластин торчала почти вертикально острием вверх. Здесь же обнаружены обломки нуклеусов. Вместе с отщепами найдены куски, по-видимому, обработанной породы желтовато-серого цвета, которые встречались и в других частях раскопа. Галек найдено около десятка, наиболее крупные из них длиной до 10 см. Они рассеяны более или менее равномерно. Создается впечатление, что гальки имели какое-то хозяйственное значение, возможно, с их помощью варили пищу.

В остальных частях площадки изделия группировались отдельными скоплениями. Ниже приводим описание культурного слоя по квадратам.

Кв. А-1 (под навесом пещеры). На скальной поверхности дна сохранился слой желтой пещерной глины, смешанной со щебенкой. Глина очень сырая и вязкая. Дно круто падает к выходу из пещеры, и отщепы сохранились только в самой нижней части слоя. В щебенке найдено 2 пластины и 7 отщепов. Остальные квадраты линии А лишены напластований, и только в расщелине скальной поверхности кв. А-3 была найдена одна пластина.

Кв. Б-1 (при выходе из пещеры на площадку). Слой глины, также сырой и вязкой, в смеси со щебенкой достигает толщины 20—25 см. Часть квадрата занимает упавший со свода массивный обломок скалы размерами 1,40 × 0,80 × 0,80 см. Глыба эта упала в недавнее время, и, возможно, ее падение связано с какими-то поздними сейсмическими явлениями. В щебенке обнаружено 6 отщепов, а на границе кв. Б-1 и Б-2 — обломок кости очень плохой сохранности.

Кв. Б-2. Мощность культурного слоя падает, достигая не более 15 см. Скалистое дно в южной части квадрата выходит на поверхность. В северной половине квадрата в щебенке найдено 9 отщепов.

Кв. Б-3. Культурного слоя почти нет, только местами глина сохранилась в расщелинах скалистого дна. В ней найдены 3 отщепа и одна пластина.

Квадраты Б-4 и Б-5 почти полностью лишены наслоений. В северо-западной части кв. Б-6 под средневековым слоем в щебенке, на глубине 0,4 м найдены 5 отщепов и 1 пластина.

Кв. В-1. Частично занят упавшей сверху глыбой. Глубина залегания находок не более 20 см, непосредственно под средневековым слоем в щебенке. Местами при зачистке скальной поверхности отщепы лежали в ямках между щебенкой. Здесь обнаружены обломок нуклеуса и 4 отщепа.

Кв. В-2. Характер отложений тот же, что и на кв. В-1. Под средневековым слоем между щебенкой по всему квадрату рассеяны мустьерские изделия: обломок нуклеуса, 2 пластины и 7 отщепов. Наибольшее число находок залегало на границе квадратов В-2 и В-3, там, где имеется неглубокая естественная щель, вытянутая по склону.

Кв. В-3. Находки — 2 обломка нуклеусов, пластина и 5 отщепов — концентрируются в верхней, по склону, части квадрата. Остальная часть занята ровной скальной поверхностью, прикрытой средневековыми отложениями.

Далее по линии В скальное дно постепенно понижается по склону, и мощность средневековых наслоений достигает у западной стенки 40 см. Мустьерские изделия залегают в щебенке и под ней.

Кв. В-4. Найдено 11 отщепов, залегающих по 2 и по 4 вместе.

Кв. В-5. Находки — обломок нуклеуса, три пластины и 13 отщепов — рассеяны по всему квадрату.

Кв. В-6. Находки залегают в щебенке на глубине 40—45 см от поверхности; это — 3 пластины, одна из них с крупной ретушью по краю, и 4 отщепа.

Кв. Г-1. Средневековый слой залегает непосредственно на скальной поверхности. Найдена только одна галька со следами оббивки.

Кв. Г-2. На глубине 20 см от поверхности — ровная площадка скалы. Только у западной стенки дно немного понижается к кв. Г-3. В понижении найдены 2 пластины.

Кв. Г-3. В западине, отходящей вниз по склону от квадратов В-2 и В-3, обнаружены пластина (см. рис. 1, б.) и 5 отщепов, а в северо-западном углу квадрата — обломок нуклеуса.

Кв. Г-4. Здесь находится крупное скопление отщепов и пластин, описанное выше. После разборки этого скопления в щебенке найдено еще 5 пластин и отщепов, а также фрагмент щитка черепахи.

Кв. Г-5. Часть его занята скоплением, на остальной части обнаружены крупная пластина с крутой зазубривающейся ретушью и 4 отщепа.

Кв. Г-6. Средневековый слой достигает большой мощности — скальное дно находится на глубине 60 см от поверхности. На дне в щебенке найдены: галька с обработкой, обломок нуклеуса, пластина, 5 отщепов и обломок рога горного козла.

Кв. Д-1. Характер отложений тот же, что и на кв. Г-1, но на дне сохранилось большее количество находок: обломок нуклеуса, пластина и 3 отщепа.

Кв. Д-2. Находки довольно редки — 3 отщепа и галька, а также очень расслоившееся и деформированное изделие из мягкого материала. Подобные изделия довольно часто встречаются в раскопе, но сохранность настолько плоха, что сказать о них что-либо определенное невозможно.

Кв. Д-3. Сохранились остатки очага, описанного выше. В северо-восточном углу квадрата найден отщеп.

Средневековый слой на других квадратах линии Д становится все более мощным, скальная поверхность круто падает к северо-западу, достигая у северо-западного угла кв. Д-6 глубины 75 см. Находки на этих квадратах единичны: в кв. Д-4 — обломок нуклеуса, в кв. Д-5 — пластина и отщеп, в кв. Д-6 — галька, нуклеус и 3 отщепа (обнаружены в неглубокой западине со щебенкой).

На квадратах линии Е средневековый слой еще больше утолщается, желтой пещерной глины и щебенки почти нет. Средневековый слой залегает непосредственно на скальной поверхности, в углублениях которой находятся отдельные мустьерские вещи: кв. Е-1 — нуклеус, пластина и отщеп (у южной границы); кв. Е-3 — обломок нуклеуса и 4 отщепа (в углублениях скалы); кв. Е-4 — пластина и 6 отщепов (количество находок увеличивается за счет скальной расщелины, идущей по склону); кв. Е-5 — нуклеус и 6 отщепов; кв. Е-6 — только обломок нуклеуса (у западной стенки). Выпуклая скальная поверхность кв. Е-2 не сохранила культурных остатков.

Кв. Ж-1 и Ж-2 лишены находок, так как средневековый слой лежал непосредственно на скальной поверхности.

Кв. Ж-3 — сохранился лишь один отщеп.

Кв. Ж-4. В глубокой западине в северо-восточном углу квадрата находились 2 обломка нуклеусов, пластина и 2 отщепа.

Кв. Ж-5 представляет собой почти гладкую скальную поверхность без щебенки, зато на кв. Ж-6 находится глубокая яма, в которую вниз по склону сползли мустьерские изделия: 2 нуклеуса, пластина и 9 отщепов.

К квадратам Г-1 и Д-1 была сделана прирезка, упирающаяся восточным краем в скалу. Скальная поверхность лишена здесь щебенки, но непосредственно на ней и в вышележащем слое находится средневековая керамика.

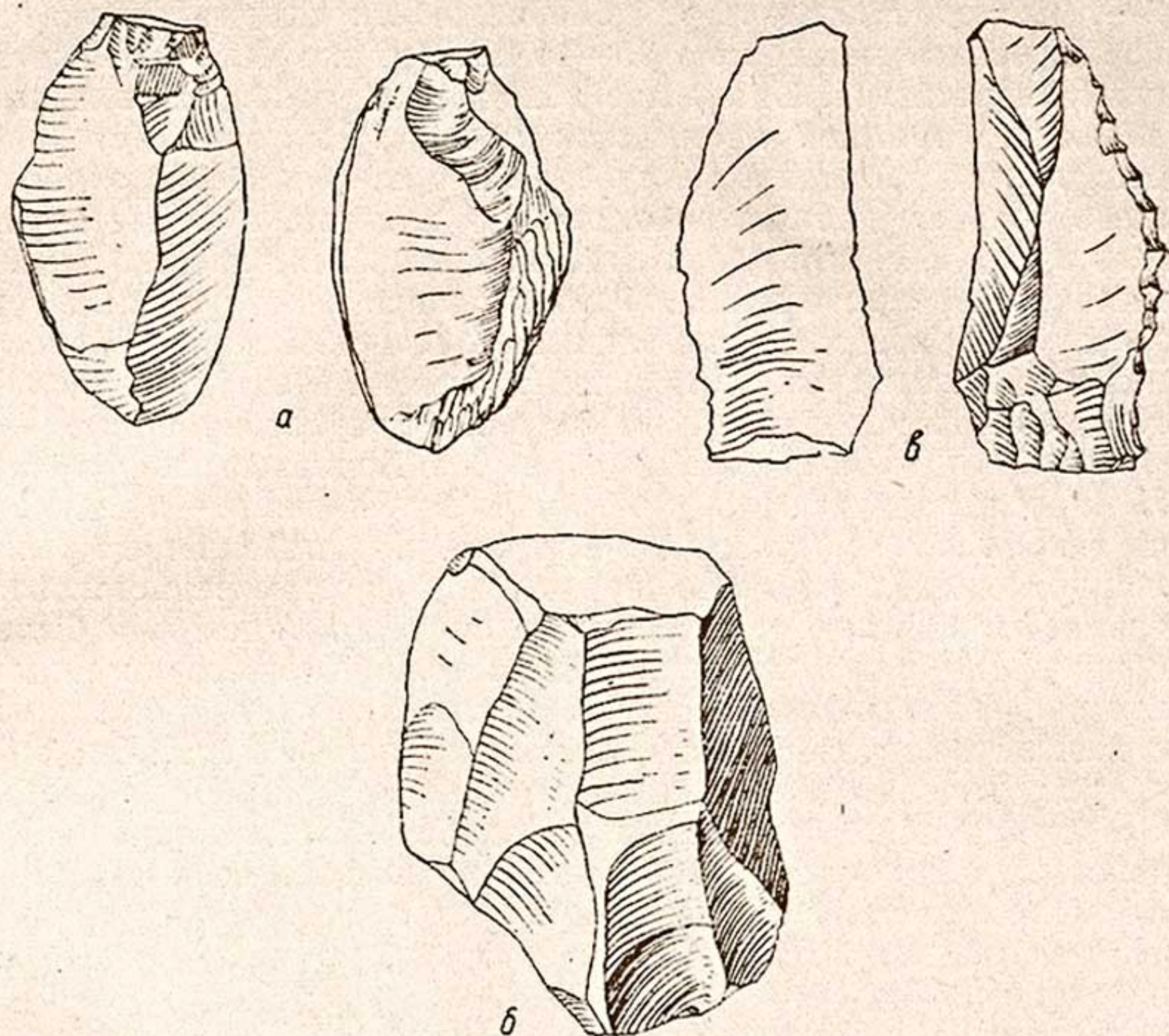


Рис. 2.

a—отщеп (кв. А-1); *b*—двухплощадочный нуклеус, (кв. Ж-6); *в*—пластина с дугообразно ретушированным краем (кв. Г-5).

Таким образом, мы видим, что в нижней части раскопа поверхность скалы круто падает вниз, образуя определенный уступ. На поверхности уступа тоже были рассеяны мустьерские кремни и гальки, но в самом низу образовались как бы своего рода кюветы, в которых кремнь встречался чаще, сползая вниз и скопляясь в углублениях.

Особенно глубокая расщелина обнаружилась на кв. Ж-6. Борта ее окатаны потоками воды, а поверхность скалы округлена и зашлифована. Здесь, очевидно, был водоток из пещеры до поселения мустьерского человека. Водоток был позднее заполнен щебенкой с примесью мелкой гальки. Среди гальки

тоже встречаются отдельные отщепы, в том числе массивные, и пластины. Тут же найдена большая плоская хорошо окатанная галька-кайрак.

Вдоль западной границы раскопа по линии квадратов 6—7 проходит длинное углубление, почти сплошь заполненное щебенкой мощностью 35—45 см. Тут же лежит большая глыба известняка. Около нее находилась большая плоская галька из плотной кремнистой породы. На одной стороне этой гальки имеется 6 неглубоких лунок. В щебенке обнаружено большое количество отщепов и пластин, а также крупный нуклеус, самый большой из найденных в пещере. Сверху щебенка перекрыта мешаной глиной с примесью щебня; и тут же глубоко врезалась, по-видимому, плавильная яма, заполненная мелким древесным углем и землей. Можно предполагать, что отщепы и пластины сплыли в углубление сбоку.

Таким образом, произведенные в Ходжакентском гроте № 1 раскопки показали, что грот был убежищем — пещерной стоянкой людей мустьерского времени. Наполнявшие его рыхлые отложения частично нарушены в позднесредневековое время, однако, непосредственно на скалистом дне грота были обнаружены в неповрежденном состоянии многочисленные изделия мустьерского человека. В слое щебенки, смешанной с желтой пещерной глиной, лежали каменные изделия: нуклеусы, отщепы, пластины, в том числе ретушированные. Особенно важно, что уцелел небольшой очаг, находившийся непосредственно у козырька навеса, но за пределами внутренней части грота. Это свидетельствует о том, что пещерный человек обитал не только внутри грота, но и на площадке перед ним.

Комплекс каменных изделий, обнаруженный в гроте, очень характерен и вместе с тем своеобразен. Он требует дальнейшего тщательного изучения, и существенно отличен от классических находок Тешик-Таша. Для него характерны длинные правильные пластины и нуклеусы, приближающиеся по типу к призматическим. Очень важно наличие орудий с одним дугообразным выпуклым краем, обработанным крутой, почти ориньякской ретушью. Допустимо предполагать, что мы находим здесь свидетельство о перерастании леваллуа-мустьерской культуры Средней Азии в верхний палеолит. Однако в целом материал из Ходжакента остается еще на чисто мустьерском уровне.

Первые находки в Ходжакенте вносят существенный вклад в изучение древнейшего прошлого Средней Азии.

У. ИСЛАМОВ

МНОГОСЛОЙНАЯ СТОЯНКА КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА

С 1950 г. археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством Я. Г. Гулямова ведет систематическое изучение района Махандарьи¹.

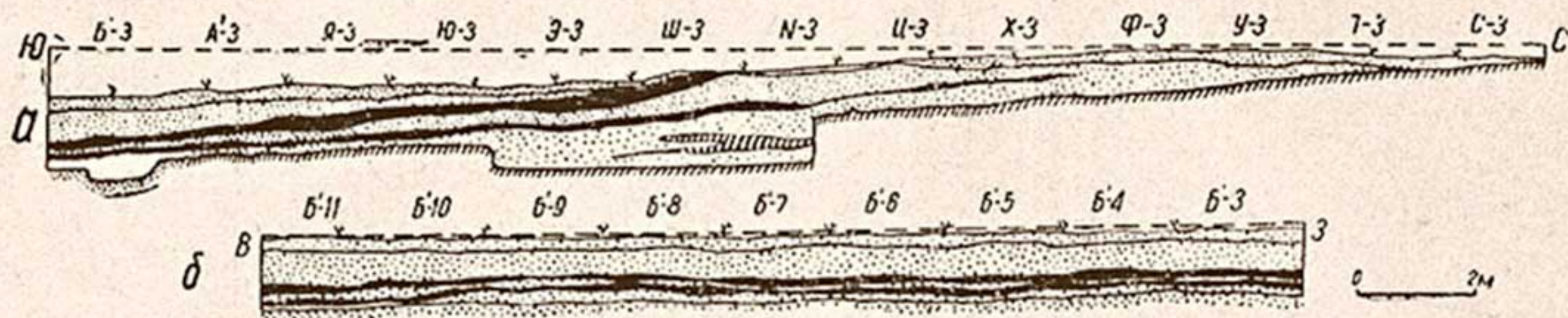
В 1960 г. отрядом было обнаружено 28 развеечных стоянок неолитического времени у озер Большой и Малый Тузкан².

Весной 1961 г. отряд, производя разведку по сухому руслу Зеравшана — Махандарьи, обнаружил несколько развеечных стоянок эпохи неолита и бронзы. Среди них наиболее интересной оказалась стоянка № 26 на берегу Большого Тузкана, на участке Дарбаза-кыр. На этой стоянке мы заложили шурф размерами 1 × 1 м, который позволил установить наличие первого многослойного памятника эпохи неолита на Махандарье. Стоянка расположена у подножия небольшой возвышенности, с юго-западной стороны (рис. 1). Поверхность ее почти сплошь покрыта многочисленными культурными остатками: черепками, раковинами, кремневыми орудиями и отщепами.

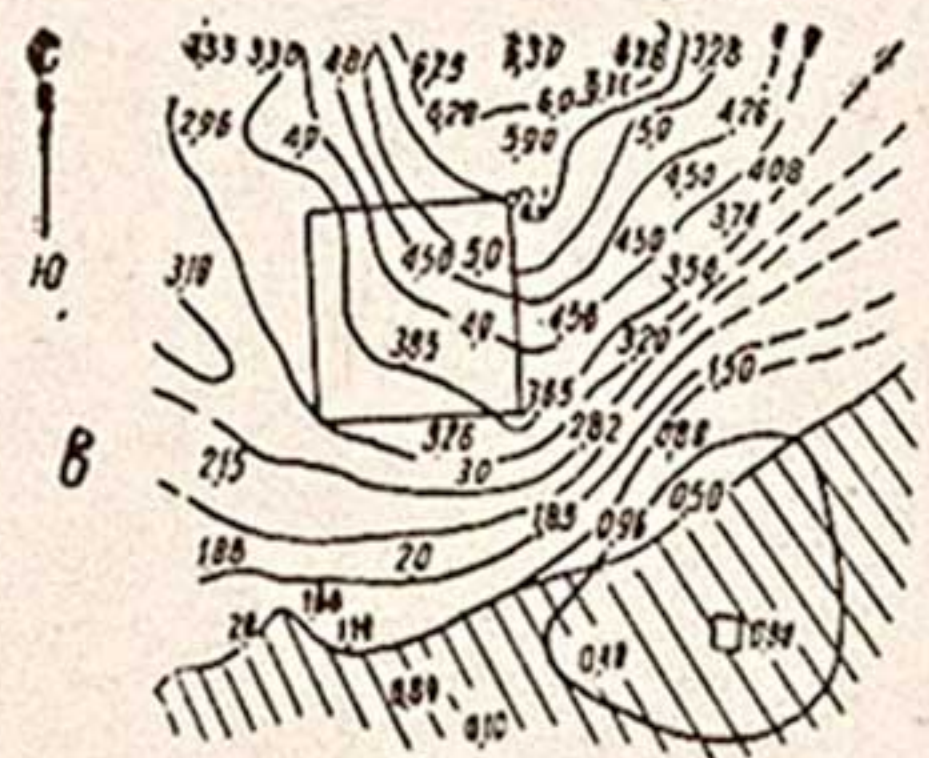
Осенью того же года специальная экспедиция под руководством Я. Г. Гулямова вскрыла трехслойное поселение, располагавшееся когда-то на берегу большого водоема, представляющего ныне обширный солончак (Большой Тузкан), в 40 км к северо-западу от райцентра Каракуль.

¹ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 150—156.

² У. Исламов, Кельтеминарская культура на Махандарье. «Научные работы, и сообщения», кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 258—271.



[Symbol] Верхний рыхлый слой песка [Symbol] Культурный слой
 [Symbol] Плотный серо-желтый песок [Symbol] Такыр



Масштаб
 10 0 10 20 30 40 50
 Горизонталы проведены через 0,5 м
 система высот произвольная

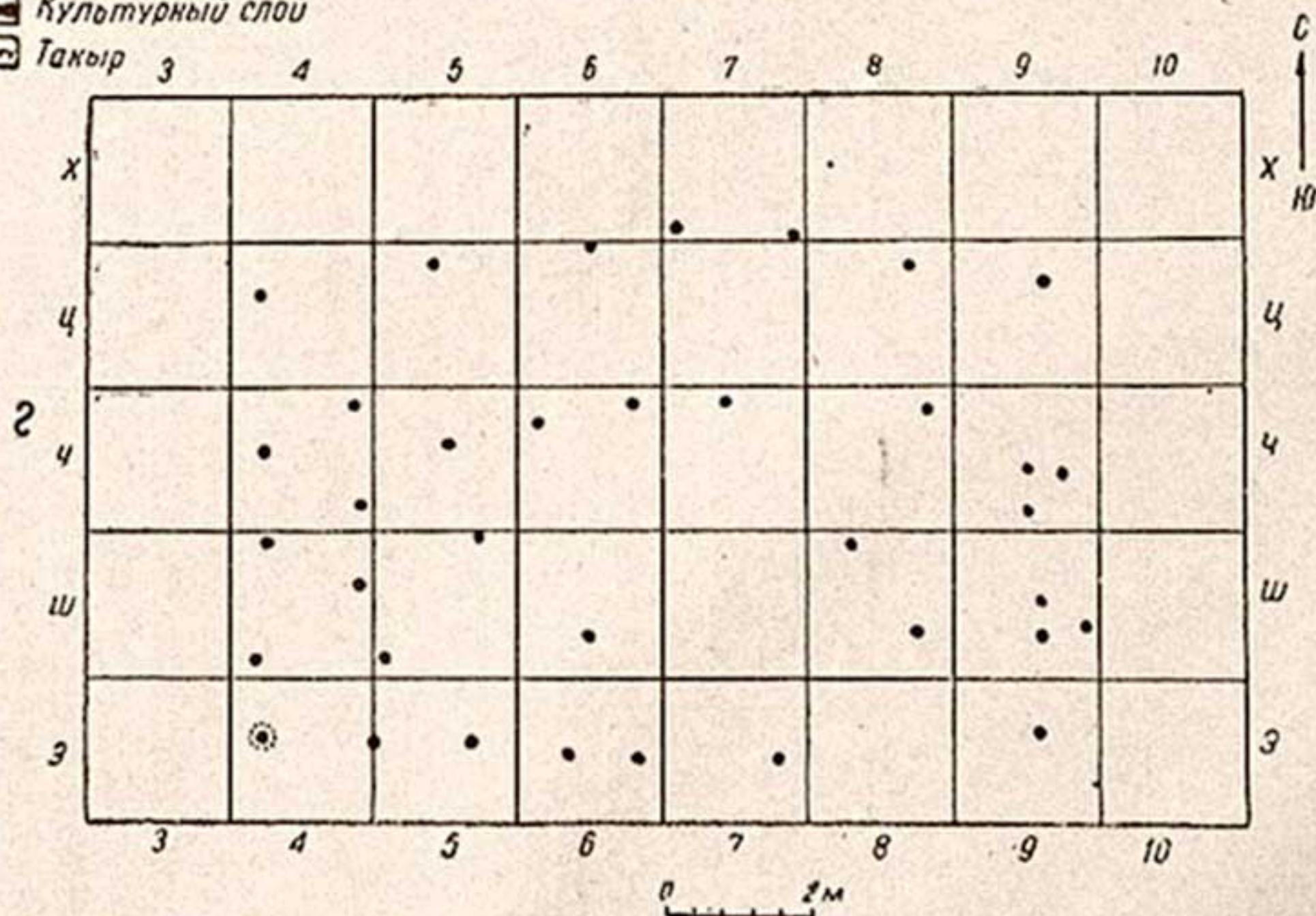


Рис. 1. Планы и разрезы раскопа.

а—разрез по северному фасу раскопа; б—разрез по восточному фасу; г—план раскопок; г—план следов жилища.

Первый стратиграфический шурф, заложенный в центральной части поселения, ближе к его южному краю, размерами 2×4 м дал следующую картину наслоений (рис. 2).

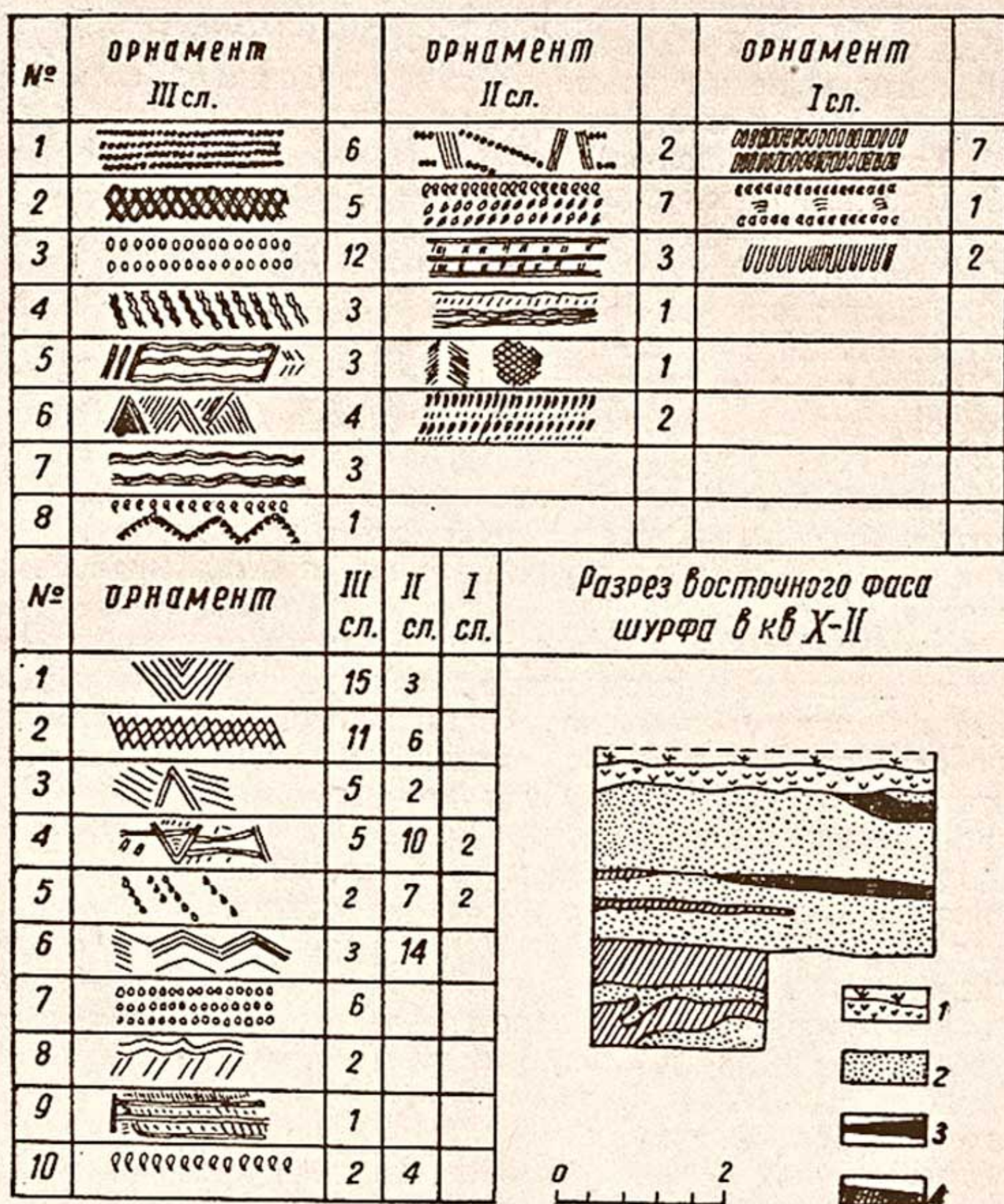


Рис. 2. Типы орнаментации и разрез шурфа.

1—верхний рыхлый слой песка; 2—плотный песок серо-желтого цвета; 3—культурный слой; 4—такыр.

1. Рыхлый слой песка толщиной 25—30 см. Культурные остатки лежат прямо на песке и на несколько сантиметров в глубь песка.

2. Плотный песок серо-желтого цвета толщиной в 15—20 см. Культурных остатков нет.

3. Красноватый обгорелый песок. Это второй культурный слой толщиной в 30—40 см.

4. Плотный песок серо-желтого цвета толщиной в 1 м. Культурных остатков нет.

5. Красноватый обгорелый песок. Это третий культурный слой, который лежит прямо на такыре. Толщина слоя 15—20 см, насыщен культурными остатками.

6. Такыр толщиной в 10 см.

7. Плотный песок толщиной 45—50 см.

8. Такыр толщиной в 50—60 см.

9. Плотный песок толщиной в 20—25 см.

10. Такыр толщиной в 35—50 см.

11. Стерильный песок.

Можно полагать, что здесь 4 раза были наводнения, поэтому образовалось 4 такыра. Общая толща наслоений в шурфе 3,7—3,8 м.

Керамика и кремневый инвентарь трех культурных слоев в шурфе не обнаруживает существенных изменений. Несомненно, все вскрытые культурные слои принадлежат одной культуре.

Можно предположить, что первые обитатели Дарбаза-кыра, поселившиеся в древности на такыре, спустя некоторое время по каким-то причинам оставили его. Затем поселение было покрыто подвижными песками и там вновь поселились обитатели этой культуры. Судя по обнаруженным четырем такырным слоям, такой процесс произошел еще три раза.

Наряду с изучением стратиграфии Дарбаза-кыра, начаты широкие раскопки верхнего слоя поселения. В настоящее время вскрыт весь верхний слой поселения. Второй и третий культурные слои удалось вскрыть только на сравнительно небольшом участке на юго-западе поселения. Раскопано 576 м² (18 × 32 м). Верхний культурный слой беловато-серый, богатый, но разрушенный. Второй культурный слой красновато-желтого цвета, сравнительно бедный, но мощный. Третий культурный слой очень богатый и мощный, красновато-желтого цвета. Здесь обнаружены остатки жилища.

Жилище было расположено на такыре и имело в плане прямоугольную форму (рис. 1). Общая площадь его 81 м² (7 × 11,6 м), вытянуто с востока на запад. В центре и по углам — круглые ямы для больших опорных столбов. По периметру осталось два ряда ям — внешний и внутренний. Они, очевидно, служили для установки каркаса стен и кровли жилища.

Жилище было наземным, типа шалаша и имело деревянный каркас в виде системы столбов и балок, перекрытых

сверху камышовой кровлей. Вход в жилище с восточной стороны. Очаги расположены за пределами жилища, к северо-западу и юго-западу от него. Очаг с северо-западной стороны (размером $2,4 \times 1,6$ м) вытянут с севера на юг. Южный очаг (размером $40 \text{ см} \times 1,2$ м) тоже вытянут с северо-востока на юго-восток. Кроме того, в южной части раскопа встречено несколько кострищ.

Жилища эпохи неолита подобного плана известны и в других районах нашей страны: на Днестре в Луке-Врублевцевой — прямоугольное жилище³ размером 66 м^2 ; в поселениях Трипольской культуры⁴ — жилища размерами от 70 до 140 м^2 и от 20 до 30 м^2 . Очень любопытно жилище, раскрытое О. Н. Бадером на втором Ново-Ильинском поселении. Оно прямоугольное в плане, как и наше, но по площади еще меньше ($7,5 \times 6$ м). Очаг в основной части жилища отсутствует. Кострища находятся вне жилища⁵. Из приведенных аналогий видно, что в эпоху неолита также имелись прямоугольные жилища, малые по площади.

Среди находок, обнаруженных на поселении Дарбаза-кыр, значительное место занимают кремневые орудия с ярко выраженным кельтеминарским характером.

Кремневые изделия изготовлены из материала, различного по качеству и цвету. Преобладает более качественный кремнь молочно-белого (халцедон) и желтовато-белого цветов, встречается также кремнь коричневатого-красных тонов⁶.

При раскопках стоянки Дарбаза-кыр собрана большая коллекция каменных орудий, представленная многочисленными скребками, скобелями, проколками, нуклеусами и т. д. Наряду с орудиями труда обнаружена масса отщепов, пластин, чешуек, обломков и других отбросов производства. Всего найден 3731 каменный предмет, из них примерно 35% — орудия труда. Среди орудий преобладают изделия микроли-

³ С. Н. Бибииков, Поселение Лука-Врублевцевая, МИА, 38, М., 1953, стр. 35.

⁴ Т. С. Пассек, Исследование Трипольской культуры в УзССР за 20 лет. ВДИ, I (2), М., 1938, стр. 276.

⁵ О. Н. Бадер, Второе Ново-Ильинское поселение, Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР, вып. 2, 1961, стр. 23.

⁶ Месторождение молочно-белого кремня (халцедона) нам еще не известно. Кремнь коричневатого-красных тонов, возможно, привозной. Единственное в этом районе месторождение подобного кремня нам известно по палеолитической мастерской, расположенной близ кишлака Уч-тут на южной скале Каратау. М. Р. Касымов, Кремневая мастерская близ кишлака Иджант, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8, стр. 62—64.

тического типа (свыше 90%), изготовленные из ножевидных пластинок.

Скребки условно можно разделить на четыре типа:

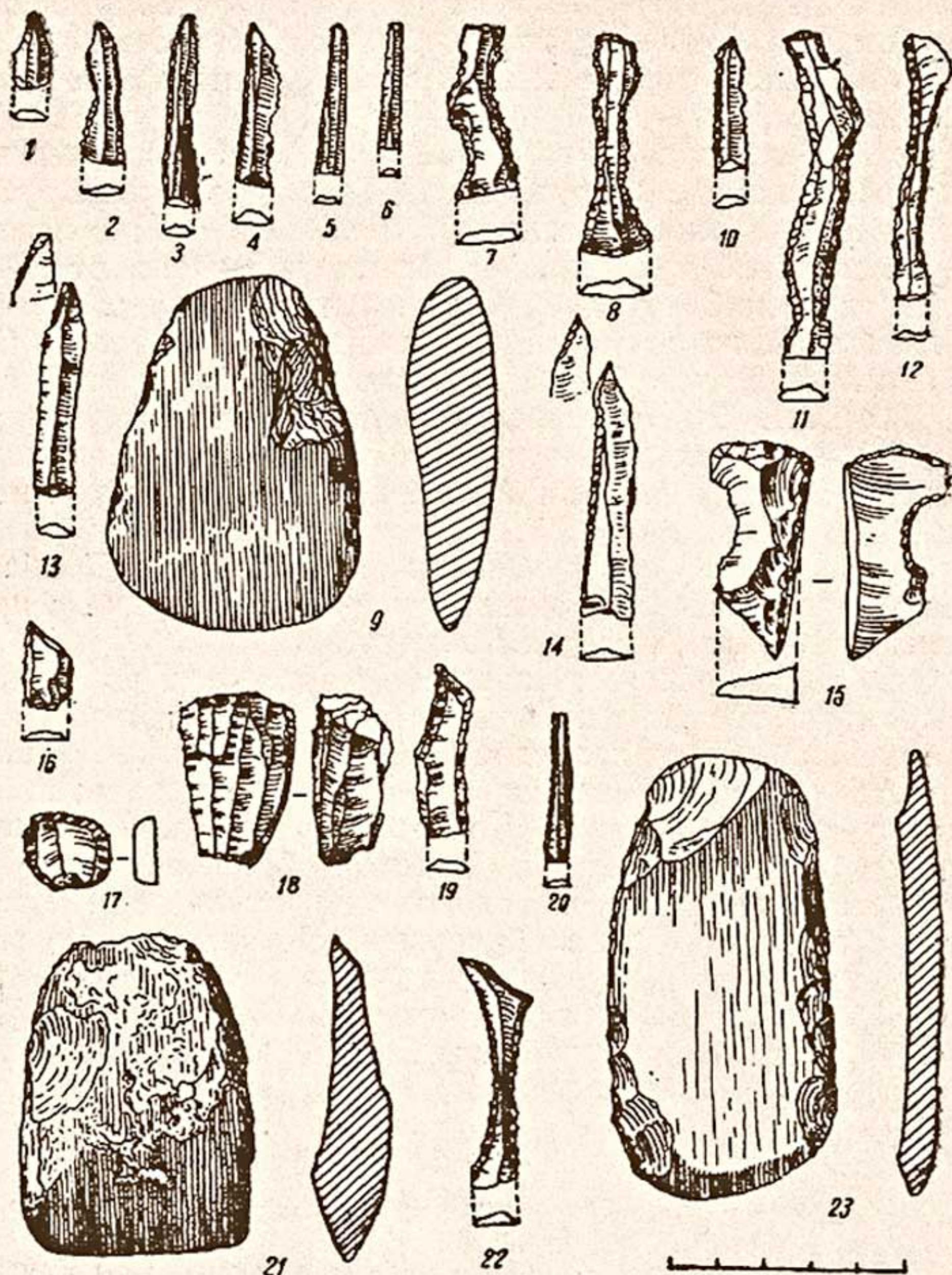


Рис. 3. Кремневые орудия на стоянке Дарбаза-кыр.
1—9—первый слой; 10—14—второй слой; 15—23—третий слой.

1. Концевые скребки на широких коротких пластинках (рис. 3, 16). Рабочий край находится на широком конце пластинки. Противоположный конец, где находится ударный бугорок, значительно уже, поэтому пластинка имеет под-

треугольные очертания. Длина их 5 см, ширина — 1,5 см. Выпуклый овальный рабочий край обработан мельчайшей ретушью. Продольные края пластины обработаны противолежащей ретушью.

2. Концевые скребки на массивных удлинённых пластинках составляют небольшую группу орудий, сделанных из довольно грубых пластинок (рис. 3, 15). Средняя длина 4,5 см, ширина — 2,3 см. Ретушь, оформляющая рабочий край, крутая, имеет вид узких фасеток, идущих от брюшка пластинки к ее верхнему ребристому краю на спинке. Сам рабочий край подправлен еще дополнительной мелкой оббивкой. Один продольный край пластины имеет широкую и глубокую выемку, которая очень тщательно ретуширована со стороны брюшка. Основание пластинки заострено, на нем четко прослеживаются следы работы, характерные для сверла. Видимо, это комбинированное орудие использовалось как скребок, скобель и сверло.

3. Концевые скребки на узкой и тонкой пластинке представляют собой миниатюрную правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем. Длина 1,1 см, ширина 0,8 см. Рабочий край обработан мельчайшей ретушью, некруто заостряющей лезвие. Ретушь заходит за продольные края пластинки.

4. Скребки на отщепах (рис. 3, 17). Обычно они изготовлены на тонких отщепах неправильной формы, у которых ретушью выработан полукруглый или слегка выпуклый рабочий край. По своему назначению группа скребков на отщепах неотделима от концевых скребков.

Столь многочисленная группа скребков, обнаруженных при раскопках в Дарбаза-кыре, свидетельствует о широком использовании этих орудий в быту.

Сверла — наиболее широко распространенный на Дарбаза-кыре вид орудий. Их условно можно разделить на три типа:

1. Сверла на массивных призматических пластинках (рис. 3, 3, 13) составляют небольшую группу орудий. Длина их 4 см, ширина — 1, 1 см. Кончик пластинки острый и обработан противолежащей ретушью, которая заходит на продольные края пластинки. Иногда продольные края ретушированы только со стороны спинки.

2. Сверла на узких и тонких пластинках. Это — обычный тип сверла (рис. 3, 10). Кончик пластин заострен в виде хорошо отретушированного стерженька. На рабочей части сверла прослеживаются круговые линии, перпендикулярные его оси, образовавшиеся вследствие употребления. Продольные

края пластины ретушированы противоположащей ретушью. Длина 2,5 см, ширина — 0,5 см.

3. Сверла на сломанных пластинках (рис. 3, 1). Они не составляют самостоятельного типа орудий и могут быть объединены в одну группу со сверлами на узких пластинках. Нет никаких оснований предполагать, что сверла преднамеренно изготовлялись на концах сломанных пластин. Некоторые сверла, несмотря на то, что были сломаны, еще употреблялись. Поломки, вероятно, происходили во время работы, так как каменные сверла, несмотря на их твердость, довольно хрупки и легко ломаются от крутых поворотов.

Скобели условно можно разделить на два типа:

1. Скобели, изготовленные из удлиненно-призматических пластин с вогнутыми краями (рис. 3, 7, 11, 12, 22). Выемки образованы тщательной крутой ретушью в основном со стороны спинки, имеют характерные для раннего кельтеминара пропорции: они очень широкие, но не глубокие и расположены асимметрично по обеим сторонам пластинки. Длина их 5 см, ширина — 0,4 см.

2. Скобели, изготовленные из призматических удлиненных пластин с выемкой, подправлены крутой заостряющей ретушью со стороны спинки и брюшка. Длина их 3,7 см, ширина 0,6 см. Выемки узкие, неглубокие, обычно расположены по одному, иногда по обоим краям пластины.

Проколки также условно можно разделить на два типа:

1. Проколки, изготовленные из пластинки со скошенным краем, представляют собой правильную призматическую пластинку, на конце которой слева или справа сформован ретушью боковой угол (рис. 3, 2, 16). В основном проколками служили пластинки со скошенным острым краем, имеющие нитеобразные следы, идущие от самого кончика острия параллельно оси пластинки. Продольные края пластинки тоже ретушированы. Длина 1,8 см, ширина — 0,6 см.

2. Проколки, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (рис. 3, 3, 14, 19). Это правильные призматические пластинки с очень острым кончиком, ретушированным со стороны брюшка. В основном затупляющей ретушью обработан один продольный край пластины. Другой край острый. По характеру ретуши такие пластинки, по-видимому, использовались как проколки и как вкладыши ножа. Длина 3, 4 см, ширина — 0,8 см.

Микропластинки можно условно разделить на два типа: с ретушью и без ретуши.

1. Микропластинки с ретушью изготовлены в основном из халцедона (рис. 3, 4, 20). Правый или левый край и осно-

вание пластинок ретушированы притупляющей крутой ретушью, другой край острый. В некоторых пластинках имеются линейные следы, характерные для вкладыша ножа. Но и по характеру ретуши такие пластинки мы считаем вкладышами ножа. Длина 3,2 см, ширина — 0,3 см.

2. Микропластинки без ретуши изготовлены также из халцедона, но не имеют следов обработки (рис. 3, 5). Очевидно, такие пластинки были заготовками.

Кроме того, имеются экземпляры, обработанные заостряющей противоположащей ретушью. Размеры: длина 3 см, ширина — 0,3 см. Назначение их пока неизвестно.

Нуклеусы из разноцветного кремня и обычно предельно использованы. Их условно можно разделить на две группы — односторонние и двухсторонние.

1. Односторонние нуклеусы (рис. 3, 18). На одной стороне следы последовательных сколов узких ножевидных пластин, на другой — желвачная корка. Она патинизирована, белого цвета. Размеры: длина 3 см, ширина 2 см, толщина 1 см.

2. Двусторонние нуклеусы имеют следы снятия ножевидных пластин по всей окружности. Размеры: длина — 2,6 см, ширина — 1,7 см, толщина — 1,5 см.

Пластинки с ретушью условно можно разделить на 4 типа:

1. Пластинки, ретушированные только со стороны спинки, изготовленные из различного по цвету кремня. Обработаны очень аккуратно отжимной ретушью со стороны спинки. Назначение их нам не известно.

2. Пластинки, ретушированные по одному продольному краю и основанию притупляющей крутой ретушью. Другой край острый. По характеру ретуши можно предполагать, что они использовались как вкладыши ножа.

3. Пластинки с противоположащей ретушью. Ретушированы очень аккуратно отжимной техникой. Назначение их неизвестно.

4. Пластинки, ретушированные со стороны брюшка. По характеру ретуши такие пластинки могли употребляться как боковые скребки, но следы работы не прослеживаются.

Пластинки без ретуши встречаются в большом количестве и, вероятно, представляют собой заготовки для орудий.

Отщепы с ретушью. Они разной неправильной формы, их края частично ретушированы. Но назначение их нам не известно.

Остальная часть кремневого инвентаря — отбросы производства: отщепы, чешуйки и кусочки кремня.

Наряду с обилием кремневого материала на поселении найдена небольшая коллекция шлифованных неолитических

орудий, представленных четырьмя экземплярами топоров-тесел (в том числе один обломок), сделанных из галечного камня, лезвия которых шлифованны с двух сторон.

1. Рабочий край широкий и овальный, противоположный конец значительно уже и приближается по формам к острообушным топорам (рис. 3, 9). Длина 7,5 см, ширина 5 см, толщина 2 см. Многочисленные линейные следы, расположенные перпендикулярно лезвию топора, свидетельствуют о длительном его употреблении.

2. Обушок плоский с симметричным профилем, прямоугольной формы (рис. 3, 21). Имеет линейные следы работы. Длина 7 см, ширина 4,7 см, толщина 1,5 см.

3. Сравнительно длинный топор-тесло с плоским обушком (рис. 3, 23). Продольные края топора очень грубо ретушированы. Длина 9,5 см, ширина 4,6 см, толщина 1 см.

4. Обломок топора.

Помимо кремневого и каменного материала, использовались костяные орудия. В некоторых обломках костей прослеживаются линейные следы, характерные для скребка, проколки и шила.

Найденные на поселении многочисленные нуклеусы, отщепы, пластинки, заготовки, обломки, чешуйки кремня и другие отбросы производства свидетельствуют о том, что обработка кремня, его расщепление производились здесь же на поселении.

Разнообразие рассмотренных выше форм каменных орудий характеризует уровень хозяйственного развития населения Дарбаза-кыра.

Большой интерес представляет глиняная посуда Дарбаза-кыра. Все сосуды вылеплены от руки, сравнительно тонкостенны и равномерно обожжены. По наиболее характерному внешнему признаку керамику Дарбаза-кыра можно разделить на орнаментированную и гладкую. Дарбазакырская керамика, изготовленная из местных лессовидных глин с примесью шамота, дресвы, толченых раковин и песка, имеет следующие основные формы.

1. Большие сосуды вертикально удлинённых пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом (рис. 4, 1, 4, 11, 18, 20). Дно круглое или слегка заостренное.

2. Небольшие сосуды, приближающиеся к грушевидной форме, с сильно отогнутым венчиком (рис. 4, 19). Край венчика округлый, утонченный. Дно круглое.

3. Сосуд удлинённый, полуяйцевидной формы, с почти

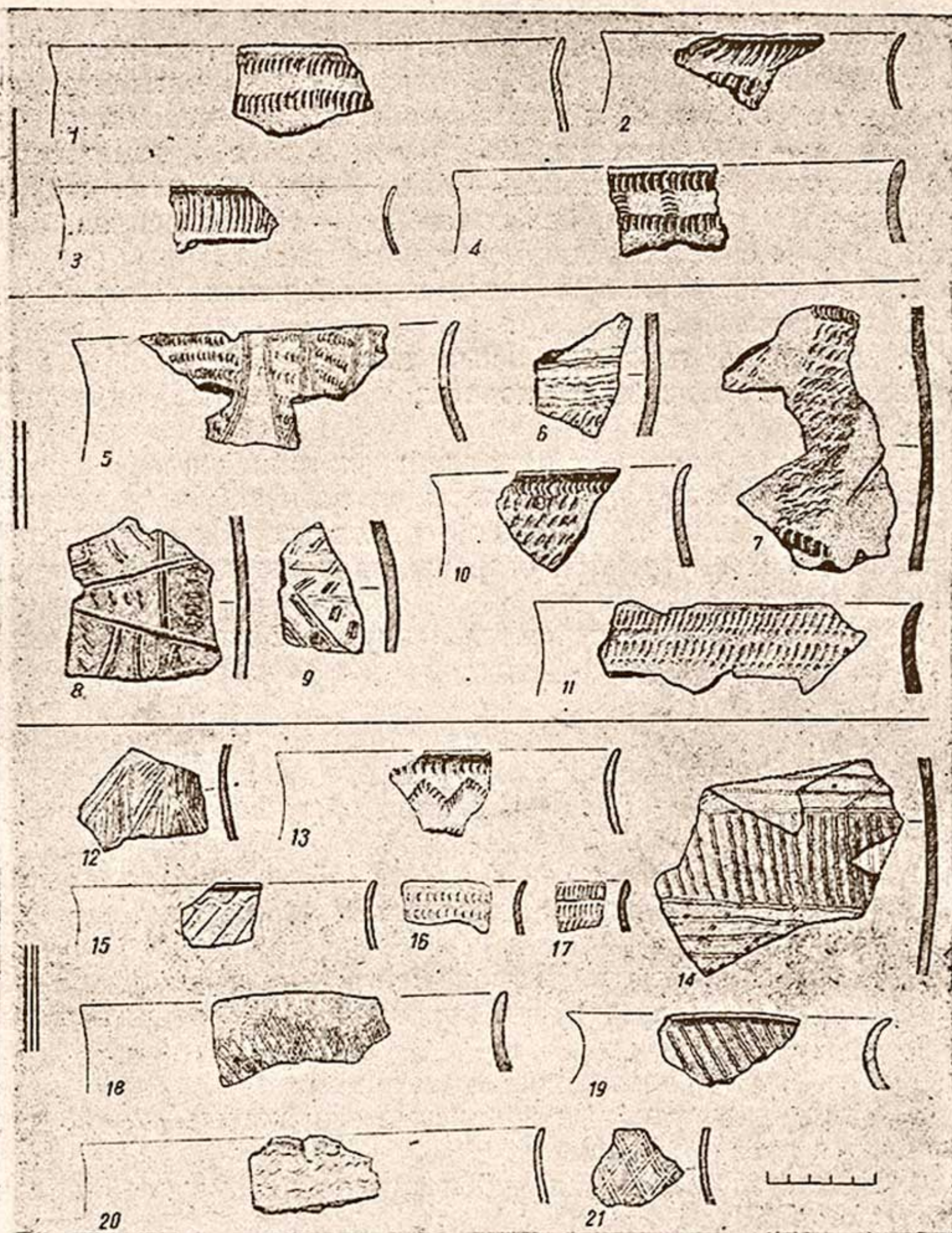


Рис. 4. Керамика на стоянке Дарбаза-кыр.
1—4—первый слой; 5—11—второй слой, 12—21—третий слой.

прямым венчиком (рис. 4, 10). Край венчика округлый. Дно круглое.

4. Сосуд, примыкающий к предыдущей форме, но со слегка изогнутым венчиком (рис. 4, 2, 3, 5, 13, 15). Край венчика округлый и утонченный.

Большая часть сосудов имеет аналогии в Джанбас-4, Ку-няк-1⁶ и Джебел-4 слой⁷ 7.

На поселении было найдено 3760 черепков, из них орнаментированных 393 черепка. В первом слое фрагментов керамики с орнаментом насчитывается 35 черепков, без орнамента — 1094 черепка. Во втором слое с орнаментом — 135 черепков, без орнамента — 1099. В третьем слое с орнаментом — 190 черепков, без орнамента — 1567 черепков.

В первом слое встречаются орнаменты:

1. Два ряда горизонтальных параллельных полос, вдавленных палочкой (рис. 4, 1).

2. Два ряда горизонтальных полос и соединяющие их вертикальные короткие полосы, вдавленные палочкой (рис. 4, 4).

3. Широкая полоса из параллельных линий, прочерченных палочкой, с небольшим наклоном на вогнутой части сосуда ниже венчика (рис. 4, 3). Ниже — полоса глубоких вдавлений лопаточкой. С внутренней стороны по краю венчика мелкие косые насечки.

Во втором слое встречаются следующие типы орнамента:

1. Ряды вдавлений тонкой изогнутой лопаточкой (рис. 4, 4).

2. Горизонтальная полоса параллельных вдавлений палочкой с небольшим наклоном (рис. 4, 4, 11).

3. Ряды вдавлений острой палочкой, обведенные слабой двойной линией (рис. 4, 9).

4. Горизонтальная полоса вдавлений острой палочкой, ниже — широкая полоса из 7 волнистых линий, типа струйчатых (рис. 4, 6).

5. Горизонтальные и наклонные линии (двойные, тройные), между которыми пучки коротких параллельных линий (рис. 4, 5).

В третьем слое следующие типы орнамента:

1. Три горизонтальные волнистые струйчатые линии, прочерченные двойной палочкой.

2. Ряды угловых вдавлений и вдавлений округлой палочкой (рис. 4, 16).

3. Треугольники, заполненные параллельными штрихами, прочерченные палочкой (рис. 4, 12).

⁶ А. В. Виноградов, К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1, стр. 26; его же, Ранняя кельтеминарская стоянка Кунык — 1. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, стр. 18.

⁷ А. П. Окладников, Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 105.

4. Горизонтальные линии мелких наклонных вдавлений палочкой (рис. 4, 17).

5. Орнамент в виде сетки или ромбов, прочерченных двойной палочкой (рис. 4, 21).

6. По венчику линия в виде маленьких треугольных вдавлений, ниже этой линии — четкий зигзаг из мелких треугольников (рис. 4, 13).

7. Вертикальные (с небольшим наклоном) прямые двойные прочерченные линии, а между ними волнистые струйчатые двойные параллельные линии (рис. 4, 14).

8. От венчика наклонные (вправо) двойные прочерченные волнисто-струйчатые линии (рис. 4, 19).

Прежде всего обращает на себя внимание то, что керамика, поднятая из нижнего слоя, особенно богата орнаментом. Преобладают в основном волнистые струйчатые линии, треугольники, заполненные штрихами, мелкие горизонтальные вдавления и т. д. Эти композиции не встречаются в керамике второго и первого слоев.

На керамике второго слоя встречаем ряды вдавлений тонкой изогнутой лопаточкой, горизонтальные полосы параллельных вдавлений отступающей палочкой, ряды вдавлений острой палочкой, обведенные слабой двойной линией и т. д. Эти орнаменты не встречаются в других слоях.

На керамике первого слоя орнамент немного беднее. Он представляет собой два ряда горизонтальных полос параллельных вдавлений палочкой и соединяющие их вертикальные короткие полосы, вдавленные палочкой и т. д.

По общему облику кремневого инвентаря и керамики можно предполагать, что нижний слой Дарбазакырской стоянки принадлежит к раннему этапу кельтеминарской культуры, о чем свидетельствуют следующие данные.

1. Пластинки с притупляющей ретушью со скошенным концом известны в раннекельтеминарских стоянках Джанбас-4, Куняк-1, Кугунек-22, Бала-Ишим-9⁸ и также в Джебельской пещере (IV слой, который датируется IV тысячелетием до н. э.).

2. Скребки на пластинке, миниатюрные скребки на пластинке и на отщепе с округленным лезвием известны в Джанбас-4, Кугунек-22 и Бала-Ишим-9.

3. Пластинки с выемкой асимметричной формы, с прямоугольной крутой заостряющей ретушью со спинки и брюшка,

⁸ М. А. И т и н а, Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, Труды ХЭ, т. II, М., 1958, стр. 288—293, 295—299.

т. е. скобели, встречаются на Дарбазе-кыре значительно больше, чем другие виды орудий. Они известны в Джебельской пещере (V слой), Джанбас-4 и Куняк-1.

4. Односторонние нуклеусы встречаются также в Джанбас-4, Куняк-1 и т. д.

Эти типы орудий встречаются в основном на раннем этапе кельтеминарской культуры, позднее они встречаются реже, в единичных экземплярах (таблица).

Т а б л и ц а

Слой	I	II	III	Всего сосудов
Орнаментированных только по венчику	26	34	24	84
Орнаментированных сплошь	5	64	57	126
Всего	31	98	81	210

Типы изделий из кремня, формы и приемы орнаментации керамики в стоянке Дарбаза-кыр имеют исключительно близкие аналоги в материалах Джанбас-4 и Куняк-1.

1. Основная ведущая форма сосудов на стоянке Дарбаза-кыр — это большие сосуды вертикально удлиненных пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом. Дно круглое или слегка заостренное. Это же — основная форма сосудов для Джанбас-4⁹.

2. В нижнем слое сосудов, сплошь покрытых орнаментом, вдвое больше, чем сосудов, орнаментированных только по венчику или в верхней половине сосуда. В верхнем слое преобладают сосуды, орнаментированные только по венчику. Сосуды, сплошь покрытые орнаментом, характерны для раннего кельтеминара.

3. Основные орнаменты Дарбазакырской стоянки — волнисто-струйчатые линии, мелкие горизонтальные вдавления и т. д. Эти орнаменты аналогичны орнаментам Джанбас-4.

4. Орнамент в виде двух рядов горизонтальных полос параллельных вдавлений палочкой и соединяющих их вертикальными короткими полосами, вдавленными палочкой,

⁹ А. В. Виноградов, указ. статья, стр. 26.

встречаются в Дарбаза-кыре только в верхнем слое. Эти орнаменты находят себе аналогии в коллекции Джанбас-4¹⁰.

В то же время крайне близкие аналогии волнистому орнаменту Дарбаза-кыра, доходящие иногда до почти полного тождества композиции, в которой он применен, мы находим в культурах крашеной керамики. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы поселения Джейтун (V тысячелетие до н. э.)¹¹, обитатели которого целиком находились на стадии неолита, а также в Дашлы-депе¹², Кара-2 и Кара-3¹³ (IV тысячелетие до н. э.). Эти факты подтверждают и дополняют наше представление о тесных связях кельтеминара с югом.

Учитывая форму и орнаментацию керамики, которые являются основными датирующими признаками при хронологической классификации кельтеминарского материала, нижние слои Дарбазакырской стоянки можно предварительно датировать концом IV или самым началом III тысячелетия до н. э., а верхние слои — серединой III тысячелетия до н. э.

Таким образом, в эпоху неолита (конец IV и III тыс. до н. э.) на Дарбаза-кыре обитала племенная группа, являвшаяся носителем кельтеминарской культуры. Племя вело рыболовно-охотничье хозяйство и находилось в тесных связях с племенами древнего Хорезма и Южной Туркмении.

¹⁰ Коллекция Джанбас-4 хранится в ГИМ, шифры черепка

ГИМ	ГИМ	ГИМ
80821	80821	80821
6509	9884	1135

¹¹ В. М. Массон, Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 102, табл. XX, рис. 11, 21.

¹² И. Н. Хлопин, Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркестана, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 209, табл. I, рис. 6, 8, 9.

¹³ В. М. Массон, Кара-депе у Артыка, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 424—425; табл. IV, рис. 1, 11, табл. V, рис. 5, 10, 11.

Х. К. НАСРЕТДИНОВ

**РАЗВЕДКА СЛЕДОВ КАМЕННОГО ВЕКА
В БОСТАНДЫКСКОМ РАЙОНЕ В 1959 г.**

Весной 1958 и 1959 г. Институт истории и археологий АН УзССР организовал палеолитическую экспедицию под руководством А. П. Окладникова с целью проведения детальных археологических исследований в районе Ходжакента. При этом особое внимание было уделено раскопкам Ходжакентской пещеры¹.

Ходжакентская пещера расположена в 75 км к северо-востоку от Ташкента, где сливаются реки Пскем и Чирчик на 15 м выше уровня ходжакентской террасы.

После двухгодичных раскопок в пещере Ходжакента автор настоящей статьи по поручению А. П. Окладникова занимался дополнительной разведкой² в той же местности.

Основной задачей разведки было выяснение вопроса о наличии и характере следов каменного века в окрестностях Ходжакента и прилегающих к нему горных районах. По указанию жителя сел. Юсупхана 70-летнего Усманова Джурабека, Х. К. Насретдинов и У. Исламов обследовали горные районы в поисках выходов кремня, а также следов каменного века.

Перед этим, 28 апреля 1959 г., по поручению А. П. Окладникова ферганский археолог-краевед П. Т. Конопля провел обследование окрестностей кишл. Бричмуллы, где обнаружил два местонахождения остатков каменного века. Одно из них расположено на склоне горы по течению ручейка Тусье, в двух километрах к северу от сел. Аурахмат и Бричмулла.

¹ А. П. Окладников, Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. КСИА АН СССР, 1962, вып. 82, стр. 68—75; его же, Работы палеолитического отряда в 1958 г. «Известия АН УзССР, серия общественных наук, 1958, № 4, стр. 55.

² Пользуюсь случаем поблагодарить участников этой разведки У. Исламова и С. Рахимова.

Второе местонахождение, обнаруженное П. Т. Коноплей, находится в местности Купрук-Баши в трех километрах к юго-востоку от сел. Бричмулла. Здесь были найдены нуклеусы дисковидной формы, массивные широкие пластины, отщепы и обломки кремнистого известняка различной формы.

Участником палеолитического отряда М. Бриллиантом в конце апреля 1959 г. поблизости от сел. Юсупхана на высокой (60—80 м) террасе между 75 и 76-м км (от Ташкента к Бричмулле), на левом берегу р. Пскем был найден великолепный дисковидный нуклеус мустьерского облика, изготовленный из темно-бурого кремня с тщательной подтеской площадки³. Имея ввиду эти находки, автор провел разведку по левому берегу р. Чирчик и Пскем.

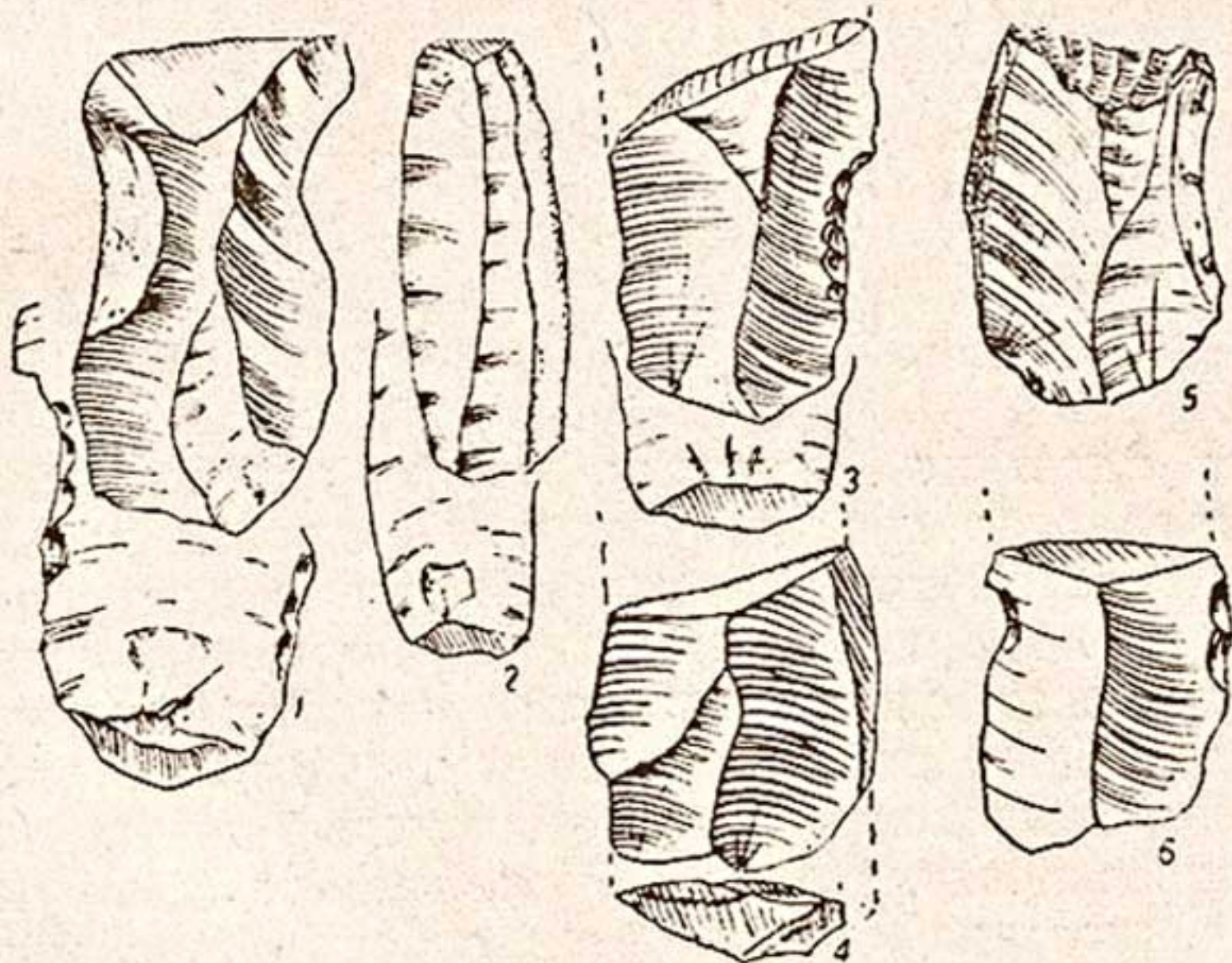


Рис. 1.

На 67-м км к северо-востоку от Ташкента и в двух километрах к северо-западу от Ходжакента на уровне ходжакентского грота (т. е. выше второй террасы) автором данной статьи были найдены три пластинки.

Одна — из серого кремнистого известняка, на спинке — два параллельных скола. Вдоль одного длинного края пластины сохранилась первичная желвачная корка. Нижняя поверхность (брюшко пластины) гладкая. Ударная площадка не подправлена. Ударный бугорок расположен на левом

³ Нуклеус передан А. П. Окладникову.

боку основания и слегка наискось по отношению к длинной оси пластины. Длина пластины 5,6 см, ширина 2 см, толщина 0,5 см. На пластине имеется типичная метка от удара (рис. 1, 2).

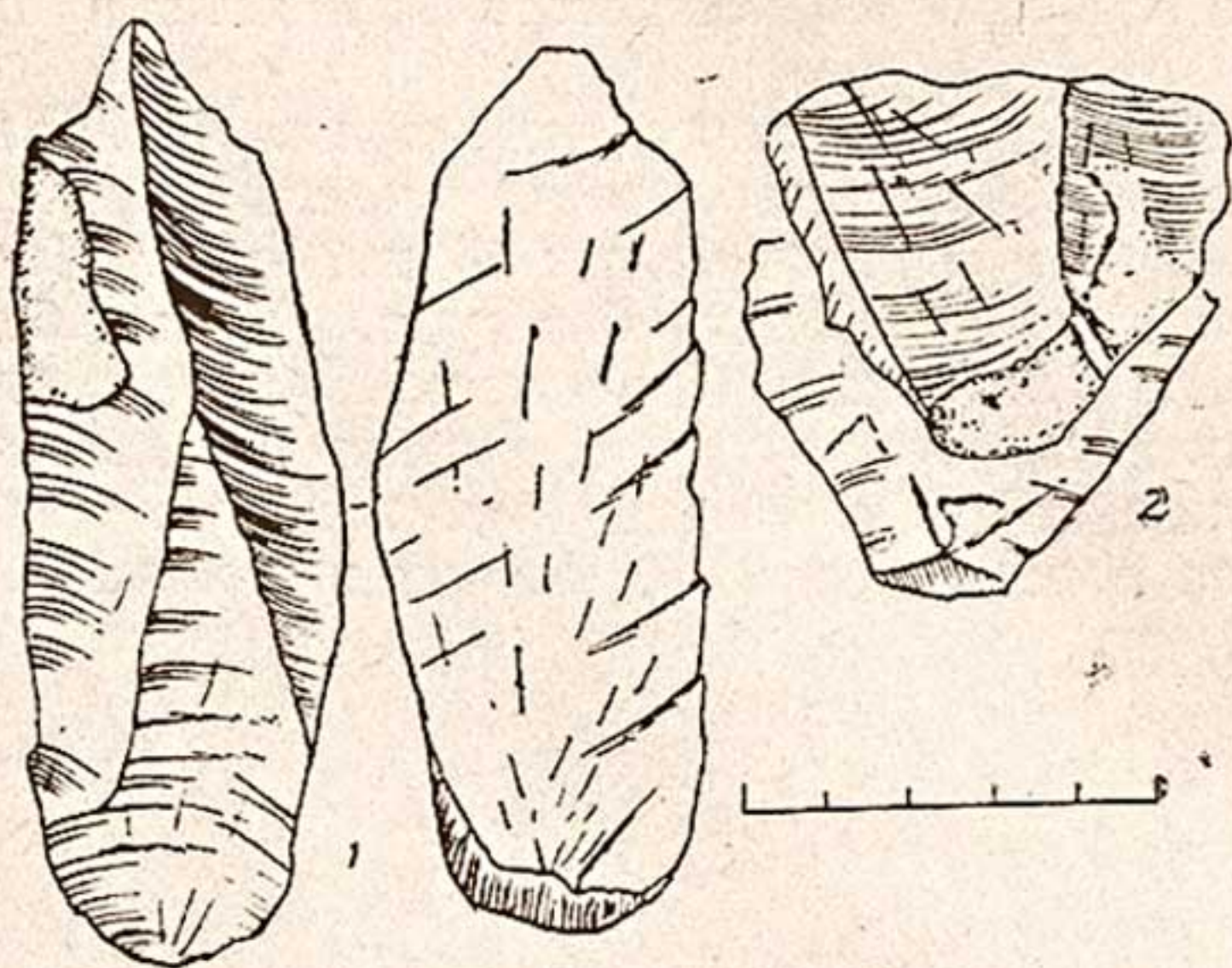


Рис. 2.

Вторая пластина из темно-серого известняка, сильно окатана и глубоко патинизирована. По длинному краю пластины, на нижней поверхности, имеются следы сработанности и ретуши. На спинке пластины хорошо видны следы предшествующего скола, который свидетельствует о том, что нуклеус был двухплощадочным. Ударная площадка широкая, расположена слегка наискось по отношению к нижней поверхности. Длина 6,5 см, ширина 3 см (рис. 1).

Третья пластина представляет собой обломок с характерным ударным бугорком. По технике обработки напоминает каменные изделия мустьерского облика. По длинному краю, со стороны отбивной поверхности, имеются следы сработанности. Длина ее 5 см, ширина 3 см, толщина 0,8 см.

На 72-м км на склоне горы был также поднят массивный четырехугольный отщеп укороченной формы. На спинке отщепе имеются три скола, соответствующие одноплощадочному нуклеусу. На нижней поверхности его хорошо видны следы раковистого излома. Ударный бугорок весьма выпуклый, занимает почти всю нижнюю поверхность. Максимальная длина 6 см, ширина 7 см, толщина 1,5 см.

На левом крыле Ходжакентской пещеры, в 100 м к северо-западу, вдоль узкой крутой дороги, поднимающейся вверх по склону горы, были подняты обломок пластины из

темно-серого кремнистого известняка и отщеп, относящийся к мустьерскому времени. Пластина была снята с хорошо обработанного нуклеуса, на ударной площадке ее имеются следы подправки. В середине спинки вдоль длинной оси пластины — ребристая грань со следами предшествующего скола. Ударная площадка подправлена, ударный бугорок очень выпуклый. Длина изделия 3,5 см, ширина — 4 см (рис. 1, 4).

На спинке тонкого плоского отщепа треугольной формы — ребристая грань со следами предшествующего скола широкими фасетками. Местами сохранилась первичная галечная корка. Нижняя поверхность гладкая, ударная площадка слегка подправлена, ударный бугорок выпуклый. Поверхность отщепа сильно патинизирована, длина — 4,5 см, ширина — 5,3 см (рис. 2, 2).

Над самой кровлей Ходжакентской пещеры № 2 был найден хороший пластинчатый отщеп с характерным ударным бугорком и площадкой. Длина отщепа 6 см, ширина 3 см.

На 76 км, неподалеку от того места, где М. Бриллиант поднял мустьерский нуклеус, были найдены изделия из известняка и галек. В 0,5 км к северо-западу от сел. Юсупхана, между двумя древними террасами, имеется высокий обрыв. Террасы высотой более 50 м. Максимальная ширина оврага в этом месте около 25 м. По всему склону этого оврага выступают галечники из кремнистых пород, весьма плотных, хорошо поддающихся скалыванию и вторичной обработке⁴. В овраге были подняты два массивных отщепа и четыре пластины.

Отщеп из темно-бурого кремнистого известняка; по краям сохранилась первичная валунная корка. На обеих поверхностях ясно видны следы предшествующих сколов с хорошими раковистыми изломами. Ударная площадка широкая, ударный бугорок не очень выразительный. С того и другого бокового края отщепа имеются длинные намеренные сколы для удаления желвачной корки. Длина отщепа 8 см, ширина 9 см, толщина более 1,5 см.

Удлиненная пластина из черной кремнистой гальки довольно правильной формы. Спинка пластины весьма крутая с ребристой гранью, однако сильно окатана; с одного длинного края сохранилась первичная валунная корка. Нижняя поверхность гладкая, слегка вогнутая. Ударная площадка

⁴ В этом автор убедился во время экспериментальной работы по изготовлению ручного рубила из темно-бурой гальки.

тонкая, не подправлена. Ударный бугорок ясно выражен. Длина пластины 10,5 см, ширина 3,8 см, толщина 1,0 см (рис. 2, 1). Такая же пластина была найдена при раскопе Ходжакентской пещеры⁵.

Кроме вышеуказанных изделий, были найдены еще три пластины размером от 4 до 6 см.

Две из них имеют следы сработанности, третья — без вторичной обработки (рис. 1, 6).

В самом сел. Юсупхана, на верхней террасе, были найдены небольшие отщепы. Один из них имеет мелкую ретушь на узком конце и представляет собою скребок с вогнутым дугообразным лезвием, удобным для скобления дерева или кости (рис. 1, 5).

Таким образом, на основании новых находок можно сделать вывод, что обследованные районы населены человеком каменного века, начиная с мустьерского времени.

Дальнейшие разведки в горных и предгорных районах вблизи гор. Ташкента несомненно будут способствовать углублению наших знаний о древнейших этапах истории Средней Азии.

⁵ Х. К. Насретдинов, Ходжакентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 4, стр. 65, рис. 2—3, 7; См. А. П. Окладников, Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник в Узбекистане, КСИА АН СССР, вып. 82, стр. 75, рис. 34, 3.

И. А. АНБОВ

ДРЕВНОСТИ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Голодная степь характеризуется наличием 4 террас: 1) пойменной, 2) надпойменной, 3) Абайской и 4) Голодно-степской. Все эти террасы резко выделяются крутыми уступами и составом пород, их слагающих. Три первых террасы имеют аллювиальное происхождение и сформированы р. Сыр-Дарьей. Четвертая терраса сложена аллювиально-пролювиальными и эоловыми отложениями мощностью до 250 м. Голодная степь — это котлообразная, глубокая тектоническая впадина, заполненная аллювиально-пролювиальными и эоловыми отложениями, относящимися к разным периодам геологических эпох. На глубине 100—120 м часто встречаются куски дерева (по-видимому, арчи и лиственных пород); фрагменты дерева также были извлечены из буровых скважин в 1950—1954 гг. в районе Мирзачуля. Котлообразная форма голодно-степской впадины была установлена большим количеством скважин.

В процессе исследования Голодной степи для освоения целинных земель с 1948 по 1954 г. автором были обнаружены нижеописываемые остатки древних культур¹.

Городище Чардара. В 3,0—3,5 км на юго-восток от поселка Чардара и в 1,0 км на северо-восток от левого берега Сыр-Дарьи на Абайской террасе расположено городище Чардара; оно представляет собой возвышенную площадку высотой от 1 до 3 м подпрямоугольной формы, размером 310 × 240 м, ориентированную, примерно, по странам света. Почти в центре площадки расположен бугор округлой фор-

¹ Собранные автором находки хранятся на кафедре археологии Истфака, Геологическом музее ТашГУ и в фондах Музея истории Узбекской ССР АН УзССР.

мы с усеченной вершиной, высотой до 15 м; размеры бугра у основания 120 м × 140 м. Верхняя площадка бугра является остатком цитадели, имеющей размеры в направлении с севера на юг 60 м и с востока на запад 30 м. Вокруг основания цитадели, примерно, в 10—15 м от нее, проходит ров (ширина — до 6 м, глубина — 2—3 м) с земляной перемычкой с северо-западной стороны. По обе стороны рва прослеживаются два земляных вала (вероятно, насыпанных землей, выброшенной при прорытии рва) с проходами в них против перемычки рва. На северо-западной и южной сторонах заметны следы древних ирригационных сооружений, с выводом магистрального (заборного) канала из Сыр-Дарьи; с южной стороны видны ответвления канала, проведенного за вал городища, и следы заброшенной пашни.

По всему городищу беспорядочно разбросана масса фрагментов неполивной керамики, в основном, раннесредневековой (VIII—X вв.), разных форм и орнаментации; встречаются и отдельные экземпляры архаической и грубо-лепной керамики; везде виден цельный и битый платняковый четырехугольный кирпич и кирпичная щебенка; встречаются зольные пятна, древесные угли, гипс, раздробленные и обожженные кости животных и человека. Были встречены и подняты: две бусины: одна — пастовая, черная с белыми и красными пятнами и кружками (диаметр — 0,8 см) и другая — из розового сердолика (1,2 × 1,1 см), граненая, с 14 плоскостями (рис. 1, 76); медный трехперый, втульчатый наконечник стрелы приблизительно начала н. э. (рис. 1, 5). фрагменты железных кинжалов; много круглых железных пушечных ядер (5—6 см в диаметре); круглая свинцовая «шрапнель», множество свинцовых предметов в виде полукругов, диаметр 1,5—2,0 см; монетообразные свинцовые кружки (диаметр 2,0 см, толщина 0,03 см) и 16 медных монет, из которых (по предварительному определению Г. А. Алимова), одна датируется периодом Караханидов, а остальные — Тимуридов (XV в). Были встречены спаянные с металлическим шлаком медные монеты плохой чеканки, наводящие на предположение или о местной чеканке монет или о существовании здесь мастерской фальшивомонетчика².

² Рекогносцировочное обследование городища было проведено, помимо автора, археологическим отрядом Казахской Академии наук. См. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич, Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, Труды Института истории, археологии и этнографии, т. V, Археология, Алма-Ата, 1958, стр. 117.

Кроме перечисленных выше находок, при зачистке откоса рва (с юго-восточной стороны), окаймляющего городище, в лессовидном суглинке, на глубине 1,5 м от поверхности земли были обнаружены четыре каменных орудия: концевой

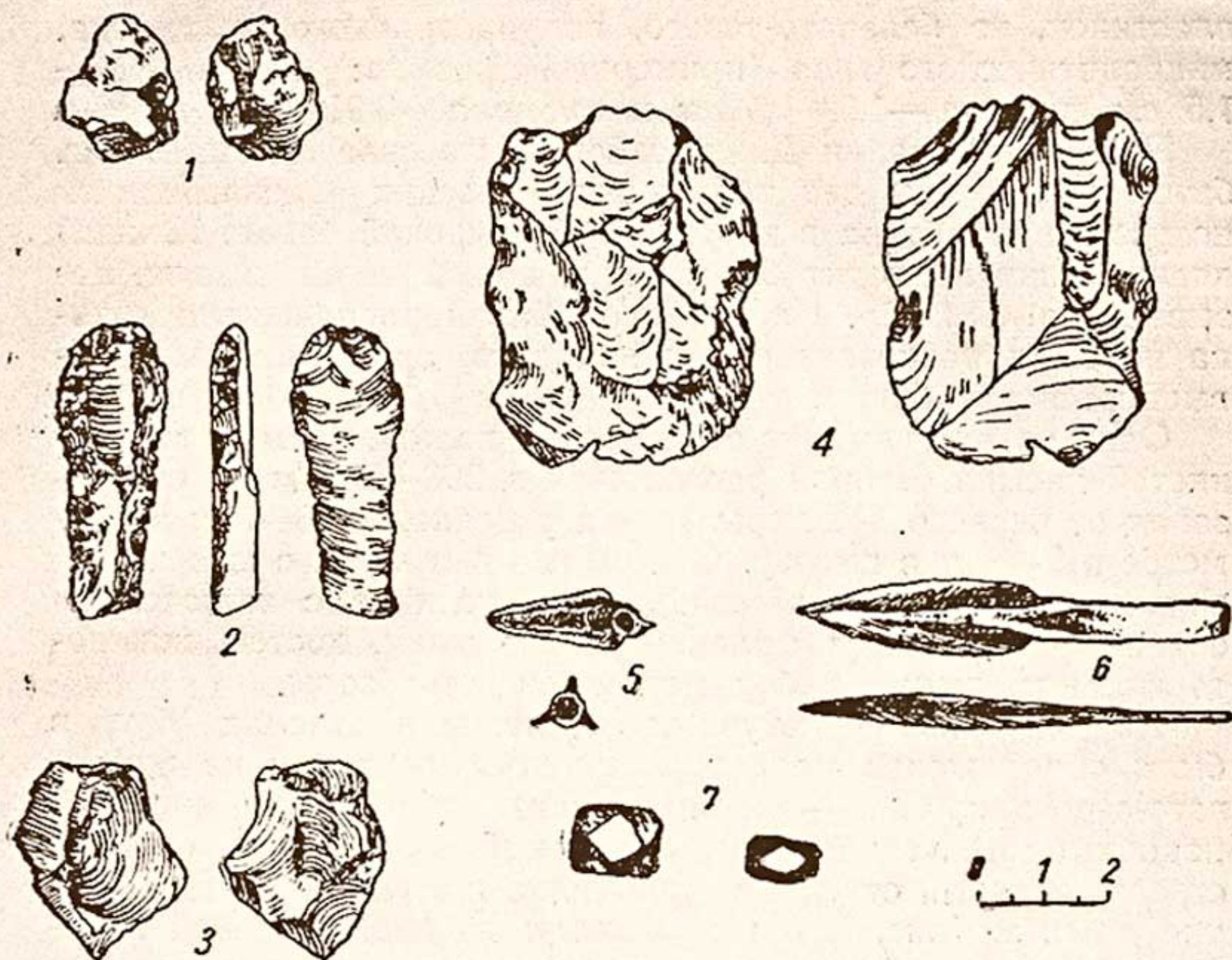


Рис. 1

1, 3, 4—нуклеусы; 2—концевой скребок с ретушью; 5, 6—наконечники стрел; 7—бусина из сердолика.

кремневый скребок на пластинчатом отщепе с хорошей боковой ретушью (длина 4,4 см, ширина 1,6 см, при толщине 0,5 см) (рис. 1, 2); небольшой дисковидный нуклеус мустьерского типа (5,4×4,0×3,0 см) (рис. 1, 4) и 2 нуклевидных осколка из светло-серого прозрачного халцедона верхнепалеолитического типа³ (рис. 1, 1, 3).

³ По сообщению археолога М. С. Мерщикова, участника археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР 1960 г. в Южно-Казахстанской области, в окрестностях городища Чардара, им были подняты три кремневых скребка неолитического типа.

Коксутепе расположен ниже Чардара, примерно, в 16 км, на территории совхоза Коксу, в 6 км (вниз по течению Сыр-Дарьи) от центрального хутора совхоза. У подножия Коксутепе были найдены шесть тонких, небольших ножевидных пластинок, из беловато-серого, полупрозрачного халцедона, микролитического типа (примерный размер: длина — 1,0—1,5 см, ширина — 1,0—1,5 см и толщина — 0,01—0,04 см)⁴.

При обследовании Джетысайского массива летом 1950 г. были обнаружены два небольших, плоских расплывшихся искусственных бугра в короткой, но широкой балке. Южный конец балки подходит близко к концевой части канала, называемого «К-21-5». На дне этой балки расположена группа из 12-ти разновозрастных колодцев, среди которых возвышаются эти бугры.

Один из них вытянут с запада на восток, состоит из глинистой насыпи. Второй расположен в 200—250 м на северо-запад от первого. Размеры бугров у подножия 6—8 м в диаметре и 2—3 м в высоту. Они слегка вытянуты с юга на запад и сложены из лёссовидного суглинка с включением большого количества фрагментов керамики, костей, жженого кирпича, угля и небольшого количества золы.

Из найденных культурных остатков в отвалах бугров были обнаружены: мелкие кремневые пластинки из желтовато-серого кремня — неолитического облика и времени, подобные вышеописанным; бронзовый, плоский наконечник стрелы, который относится, примерно, к середине I тысячелетия до н. э. (рис. 1, б); фрагменты древней лощеной керамики, окрашенной в темно-красный и реже в черный цвета, фрагменты поливной керамики с одно- и двухсторонней голубой поливой с орнаментами и без орнамента, примерно, VIII—XII в. н. э.; много фрагментов сфероконических сосудов с различным лепным и резным орнаментом, и посуда без орнамента, примерно XIV—XVI в. н. э.; много шлаков гончарного производства и обломков жженого квадратного кирпича и керамические шлаки.

Наличие этих бугров у группы колодцев и остатков древней культуры в пределах неосвоенной Голодной степи можно объяснить существованием в прошлом пересекавшей Голодную степь караванной дороги, которая была приуро-

⁴ В 3—4 км, недалеко от Коксутепе, имеются старицы Сыр-Дарьи, в пределах Абайской террасы, где вполне возможно, будут открыты стоянки людей каменного века, откуда, надо полагать, и были занесены вышеописанные каменные орудия в качестве поделочного материала для огнив.

чена к балкам и логам, где можно было добывать питьевую воду и укрываться от сильных ветров. Следы древней дороги в некоторых местах сохранились и поныне.

Питьевую воду в Голодной степи в то время можно было добывать только в балках или глубоких логах, где на глубине 10—20 м скапливались пресные воды в виде линз, образованных фильтрационными водами осадков, которые обычно, как более легкие, залегают по верху соленых вод. В остальной части степи грунтовые воды горьковато-соленые и для питья непригодны.

Наличие двух курганов и следов древнего селища в балке у караванного пути с культурными остатками для здешних мест большая редкость.

Описанные выше памятники не являются единственными. Они были обнаружены и в соседних районах Голодной степи другими исследователями.

В 1951 г. отряд Зеравшанской экспедиции АН УзССР под руководством проф. Я. Г. Гулямова в районе Джизака выявил ряд следов стоянок бронзовой эпохи; стоянки расположены в районе оз. Тузкан, в 50 км к северу от Джизака и на запад по солончаку Калган-сыр, в песках, прилегающих с юга к этому солончаку. Следы стоянок экспедиции удалось проследить на небольшом участке в р-не Тузкана и на урочище Хан-Чарвак, к северу от каракулеводческого совхоза «Кызылча».

На развеечных стоянках обнаружена керамика темно-серого цвета с елочным и сетчатым орнаментом. Кроме того, во многих местах были обнаружены развеечные стоянки с кремневыми орудиями эпохи неолита и фрагменты керамики эпохи бронзы⁵.

Н. Н. Вактурская сообщает, что в результате археологической поездки в Южные Кызылкумы весной 1955 г. были обнаружены материальные памятники прошлого, весьма разнообразные по своему характеру и принадлежащие разным эпохам⁶. Древнейшие из них — изделия из камня и орнаментированная керамика, относящиеся к временам энеолита и бронзы. Эти ранние предметы довольно часто попадают в разрозненном виде, часть их происходит со стоянок: Андакуль, Сатыбалды, Лявлякан и Беш-Булак.

⁵ За устное сообщение и разрешение его публиковать выражаем глубокую благодарность Я. Г. Гулямову.

⁶ Н. Н. Вактурская, О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г., Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1954—1956 гг., М., 1959, стр. 39—51.

Судя по находкам на Чардаратепе, расположенном на так называемой Абайской террасе в Голодной степи, и находкам на р. Келес в пределах этой же террасы, где под 4—5-метровой толщей лёссовидных суглинков были найдены каменные орудия в виде скребков, нуклеусов и отщепов из кремня периода верхнего палеолита и кости ископаемых животных, можно полагать, что Абайская терраса была сформирована в конце плейстоцена — начале голоцена⁷.

⁷ Необходимо отметить, что в 1893 г. Н. П. Остроумов, раскапывая городище Каратюбе (расположено на правом берегу р. Келес в десяти километрах от устья), нашел каменный наконечник стрелы. Эта стрела свидетельствует о наличии здесь следов каменного века, подтверждая описанные наблюдения и сборы автора в Голодной степи (см. Н. С. Лыкошин, Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1896, стр. 46; Г. В. Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении, «Известия АН КазССР», № 46, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 56, прим. I).

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

КУРГАНЫ ОКОЛО СЕЛЕНИЯ ХАЗАРА

Степь Малик на севере подходит к пойме р. Зеравшан, протекающей с востока на запад. На южном берегу реки находится сел. Хазара, сады и поля которого расположены на культурных землях оазиса. В этом районе степь имеет волнистый рельеф; пересекающие ее в меридиональном направлении овраги образуют возвышенности между ними. Около оазиса степь крутыми склонами понижается к Зеравшану, русло которого образует меандры. Там, где река вплотную подходит к степи Малик, ее южный берег крутой и пустынный, где река удаляется на север, ее берега покрыты полями и садами. На возвышенных участках степи в большом количестве расставлены курганные насыпи, тянувшиеся вдоль оазиса с востока на запад¹. Курганы в степной полосе имеются там, где к степи прилегает оазис; там, где к степи подходит река, курганы отсутствуют. Эта особенность в расположении курганных насыпей прослежена на всем протяжении северной границы степи Малик, от переезда через железную дорогу Кермине-Тамды, до бурга Абу-Муслим. Здесь же, по северной границе степи Малик, проходит вал древней стены Кампыр-Дувал, начинающийся северо-западнее железнодорожного переезда у южного берега р. Зеравшан и тянувшегося в широтном направлении к бугру Абу-Муслим. Там, где степь прорезана оврагами, выходящими к пойме Зеравшана, вал стены отсутствует. Здесь, как и в восточной части оазиса, стена

¹ На наличие курганов около мечети Дегарон обратил наше внимание археолог С. Н. Юренев. При осмотре их оказалось значительно больше и во многих местах. В работах принимали участие Х. Дуке и лаборант Г. Б. Суюнов.

Кампыр-Дувал проходила по границе культурных земель и степи. Все курганные группы этого района расположены в непосредственной близости к оазису, к югу от остатков древней стены. Одна из таких курганных групп расположена на возвышенном участке степи в 1—1,5 км юго-восточнее мечети Дегарон, находящейся в оазисе. Пространство, на котором находится курганное поле, с востока и запада ограничено оврагами, на севере в пониженной части расположены небольшие курганные насыпи, а на юге, где степь ровная, могильник замыкает цепочка из 6 больших курганов, расставленных в широтном направлении на протяжении 130 м. Курганы в этой цепочке имеют высоту до 1,5 м и диаметр 20 м, насыпи полусферические с крутыми склонами. Весной 1960 г. были вскрыты три кургана: один — большой в середине цепочки, второй — меньшего размера северо-западнее его и третий — самый маленький — северо-восточнее первого. Насыпи всех курганов возведены из супеси с включением галек и небольшого количества измельченного гипса. В насыпях встречались куски чистого белого гипса.

Курган № 1. Диаметр насыпи 18 м, высота 1 м. Под насыпью кургана в центре была обнаружена северная стена дромоса, сам же дромос находился в южной половине кургана. Дромос прямоугольный в плане и ориентирован с юга на север, его длина 2,9 м, ширина — 1,25 м, пол дромоса слегка покаты к северу, глубина его у входа в катакомбу 2 м. Вход в катакомбу был заложен сырцовыми кирпичами из серо-зеленоватой глины, положенными без раствора. Эта закладка занимала всю северную половину дромоса от его пола до северной стены, в которой был сделан вход, также заложенный восемью рядами кирпича. В закладке имеется кирпич двух видов: длинный — размером $47 \times 33 \times 8$ см; $45 \times 33 \times 8$ см и кирпич с разными короткими сторонами размером $47 \times 33 \times 25 \times 9$ см. Катакомба в плане — прямоугольник с округленными углами, длина ее 2,17 м, ширина 1,25 м. Длинная ось катакомбы перпендикулярна длинной оси дромоса, т. е. катакомба ориентирована с востока на запад. Потолок катакомбы у входа ровный, а затем круто понижается к северу и смыкается с полом. Высота катакомбы 0,8 м, потолок немного обвалился и присыпал находящееся в нем погребение. В катакомбе обнаружено захоронение в гробу. От гроба сохранилась коричневая труха, лежащая прямоугольником, короткие стороны которого ориентированы на запад и восток. Истлевшие доски лежали сверху и под этим прямоугольником. В остатках гроба находился скелет, лежащий в вытянутом положении, головой на вос-

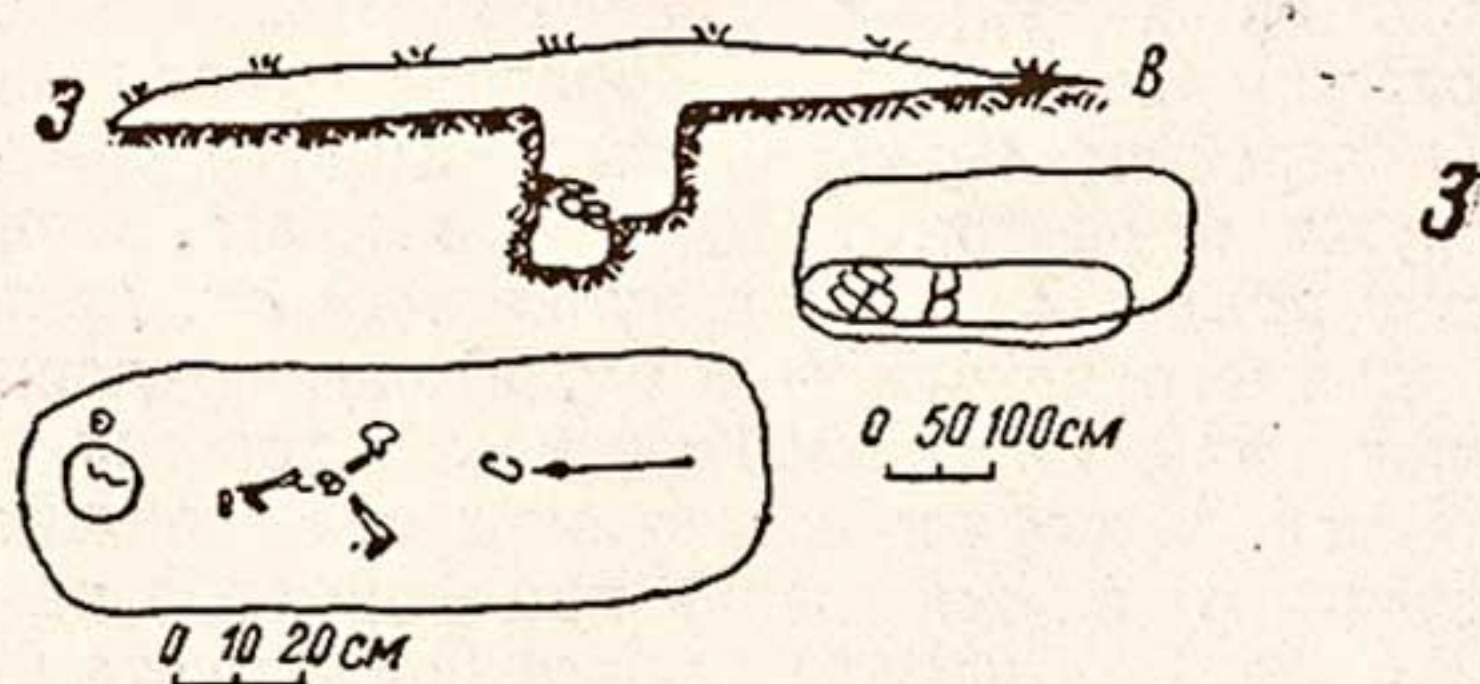
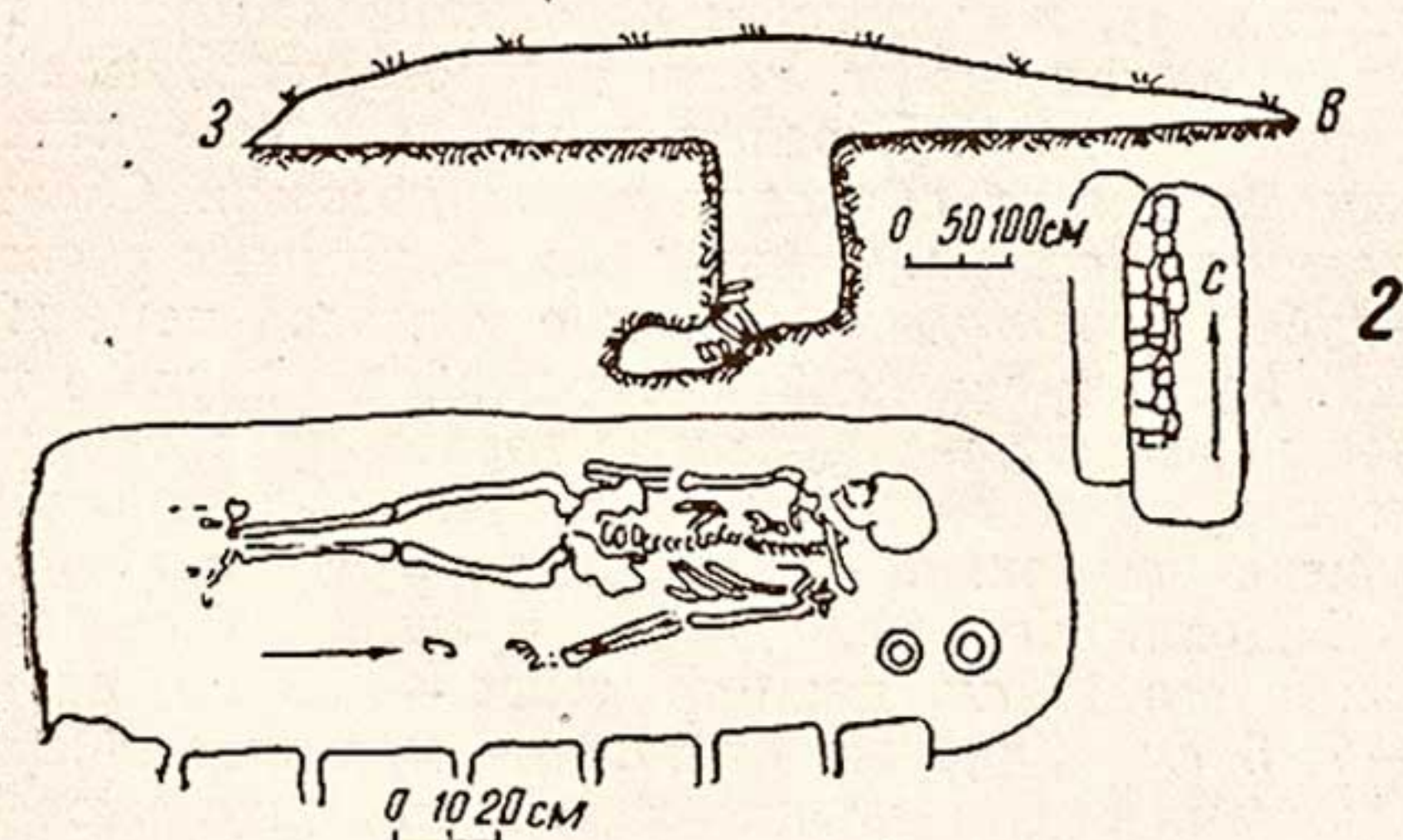
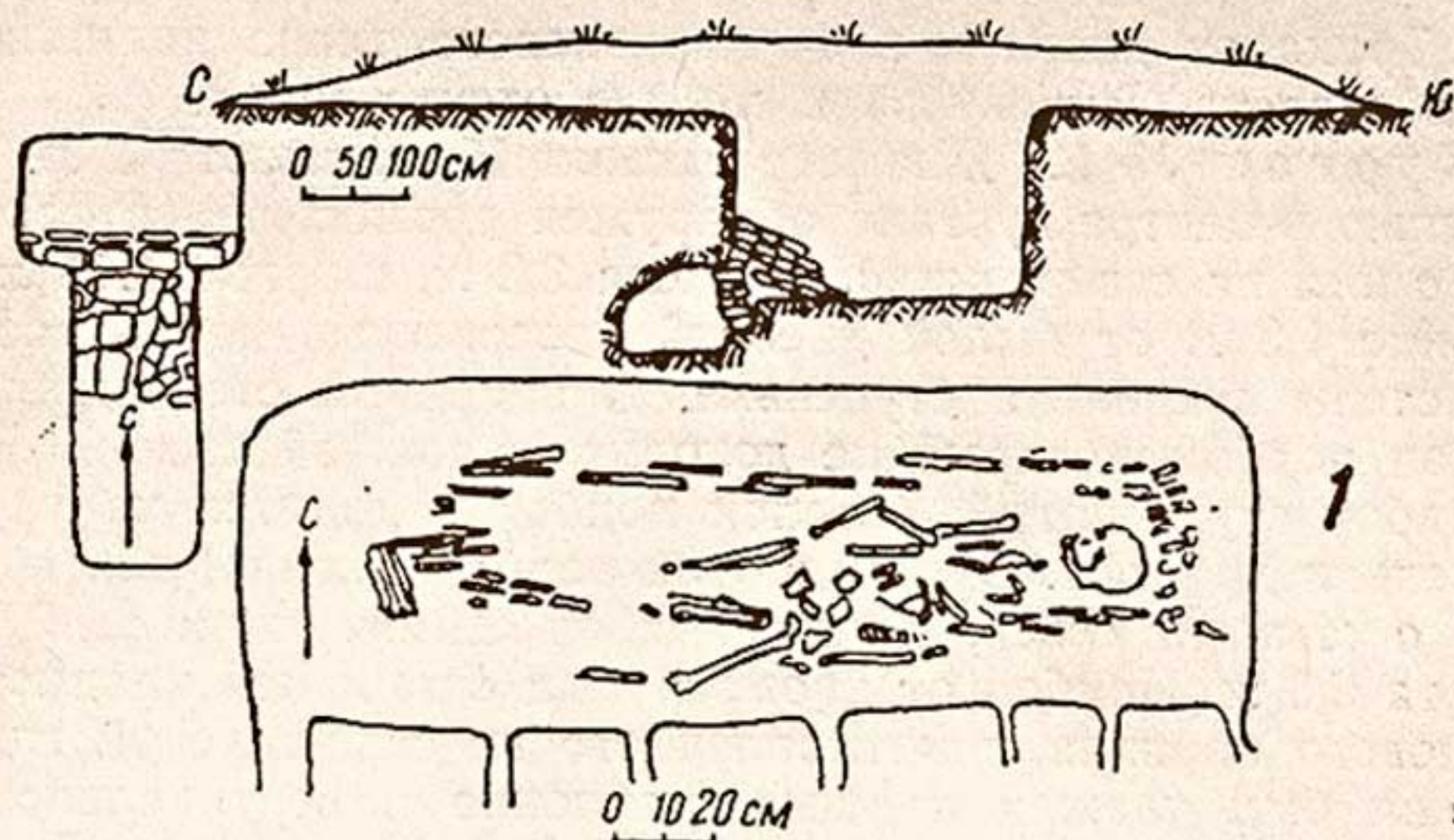


Рис. 1. Разрезы и планы курганов.
1—курган № 1; 2—курган № 2; 3—курган № 3.

ток. Труха от досок в виде коричневого тлена налипла на кости скелета. Инвентарь в могиле отсутствовал.

Курган № 2. Диаметр насыпи 10 м, высота 1 м. Под насыпью в центре кургана обнаружен дромос, ориентированный с юга на север, длина дромоса 3,2 м, ширина 1,15 м, на глубине 1,2 м от бывшей дневной поверхности вдоль восточной стены оставлена ступенька. В западной стене дромоса сделан подбой, который не доходит до южной стены. Вход в подбой ступенчатый, потолок подбоя находится на уровне ступеньки дромоса. Ориентирован подбой так же, как и дромос, с юга на север, длина подбоя 2,9 м, ширина 0,8 м, высота 0,5 м. Подбой от дромоса был отгорожен кладкой из сырцового кирпича, приготовленного из серо-зеленой глины. Кирпич был уложен плашмя, наклонно и вертикально без раствора. Кирпич закладки имеет форму клина, размер кирпича $44 \times 29 \times 19 \times 8$ см. Нижний ряд кирпичной закладки лежал на полу подбоя, потолок которого оказался цел. В подбое, на полу, в вытянутом положении на спине, головой на север, лежал скелет, кости которого сохранили свой анатомический порядок. Череп и кости скелета покрыты коричневым тленом от обкладки трупа досками. Слева от головы стояли два сосуда. Один из них — кувшин с ручкой, а другой — кубок грушевидной формы с короткой петлеобразной ручкой. Кувшин с ручкой имеет полное, округлое тулово, которое переходит в небольшую горловину с округлым, отогнутым наружу венчиком. От венчика на плечики кувшина опущена широкая, уплощенная ручка с ложбиной посередине. Донце плоское, сделан кувшин на гончарном круге, высота его 17 см, диаметр донца — 10,5 см, диаметр венчика — 7,5 см. Снаружи он покрыт марганцево-черным ангобом, местами видны изъяны от выпавших кусочков гипса. На плечике до обжига процарапана ломаная линия.

Кубок с петлеобразной ручкой имеет грушевидное тулово, округлое внизу и суженное, вытянутое вверх, переходящее в отогнутый наружу тонкий венчик. Выше средней части тулова прикреплена петлеобразная ручка с небольшой ложбиной посередине. Кубок изготовлен на гончарном круге, глина снаружи и внутри темно-серого цвета, около донца видны следы подрезки. Высота кубка 14,5 см, диаметр донца — 5 см, диаметр венчика — 8 см. У самого донца на боковой стенке снаружи прочерчен косой крестик, нанесенный до обжига. Снаружи в глиняном тесте видны кусочки гипса и изъяны от их выпадения при формовке на круге.

Курган № 3. Диаметр насыпи 8 м, высота 0,5 м. Под насыпью в центре находился дромос, ориентированный с юга

на север. Длина дромоса 3,1 м, ширина 1,20 м, на глубине 0,9 м вдоль восточной стены оставлена ступенька. В западной стене устроен подбой, который на 0,5 м короче дромоса. Длина подбоя 2,6 м, ширина 0,6 м, высота 0,5 м. Подбой в западную стену углубляется на 0,2 м. Закрыт был подбой кладкой из сырцового кирпича, остатки которой сохранились в северной части дромоса. Ориентирован подбой длинной осью с юга на север. Подбой был засыпан песком и фрагментами сырцового кирпича. Кирпич из закладки имеет размеры: $34 \times 28 \times 8$ см; $30 \times 25 \times 9$ см. Глина кирпича такая же, как и в предыдущих двух курганах. В подбое лежала часть разрозненных костей скелета.



Рис. 2. Слева направо:
из кургана № 3; из кургана № 2.

У северной стены подбоя лежал разбитый череп, южнее его — позвонки и ребра, далее находилась часть таза и фрагменты длинных костей.

Слева от черепа стоял грушевидный кубок из глины красновато-желтого обжига. Снаружи местами имеется черноватый ангоб и крупницы кварцевого песка. Высота кубка 21,5 см, диаметр донца 8 см, диаметр венчика 8 см. Донце плоское, тулово внизу округлое, верхняя часть вытянута и оканчивается отогнутым наружу тонким венчиком. Небольшая петлеобразная ручка прикреплена чуть выше широкой части тулова. Кубок сделан на гончарном круге, в глиняном тесте имеются незначительные изъяны от выпавших при формовке кусочков гипса. Снаружи у самого донца до обжига прочерчена прямая линия.

Из трех курганов, раскопанных около сел. Хазара, один оказался потревоженным. Под двумя насыпями обнаружены

подобные могилы, а под одной — катакомба. Погребения в подбойных могилах одинаковые и по устройству подбоя, закладке, по ориентации скелета головой на север, и по инвентарю, который представлен тремя сосудами, изготовленными на гончарном круге.

Подбойные могилы широко распространены в могильниках Средней Азии. Они известны на Памире и Алае², в Таджикистане³, в Ферганской долине и ее подгорных районах⁴. Территориально наиболее близки подбойные могилы Куюмазарского и Лявандакского могильников⁵. Но они отличаются способом закладки подбоя, который, почти как правило, в курганах этих могильников отгораживался от дромоса камышом и кусками гипса. Одинаковым по закладке подбоя и частично по инвентарю можно считать курган № 37 на поле № 1 Куюмазарского могильника. Разница между этими двумя погребениями в ориентации скелетов: в кургане № 37 скелет лежал головой на юг, а в кургане № 2 и № 3 — на север; различен и кирпич закладки⁶.

Устойчивая северная ориентация в двух исследованных погребениях характерна для захоронения первых веков н. э. в Куюмазарском могильнике⁷, в курганах этого же времени у станции Вревской⁸ и грунтовых могилах могильника Тупхона в Таджикистане⁹. Северная ориентация господствует в захоронениях первых веков н. э. курганов Нижнего

² А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, 1952, № 26, стр. 193 и след.

³ А. М. Мандельштам, Могильник Арук-Тау в Бишкекской долине (Южный Таджикистан), КСИИМК, 76, стр. 73 и след.

⁴ Ю. А. Заднепровский, Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960, стр. 113 и след.

⁵ О. В. Обельченко, Лявандакский могильник, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 97 и след.

⁶ Его же, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды САГУ, Новая серия, вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 116—117.

⁷ Там же, стр. 123—129.

⁸ М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 46.

⁹ М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА СССР, 1950, № 15, стр. 159—162.

Поволжья¹⁰, где только за советское время изучено более двух тысяч курганных погребений¹¹.

Погребальный инвентарь, найденный в двух курганах, состоит лишь из трех сосудов — одного кувшина с ручкой и двух грушевидных кубков, слегка отличающихся своими верхними частями. Кувшин с ручкой по форме, покрытию черноватым ангобом, который местами облез, почти идентичен кувшину из кургана № 37 Кюмазарского могильника¹². Оба эти кувшина очень схожи с кувшинами, найденными на «Никифоровских землях» под Ташкентом¹³. Сосуды с грушевидным туловом широко известны по находкам на Каунчитепе¹⁴ и курганам около этого городища¹⁵, причем у некоторых из них на ручках имеется изображение баранов¹⁶. Известны они и по находкам из погребений в Фергане¹⁷ и Карамазарских горах¹⁸, причем датируются они Б. А. Литвинским не позже I в. н. э.¹⁹. По приведенным аналогиям видно, что керамика из курганов около сел. Хазара идентична по своему облику керамике каунчинской культуры Ташкентского оазиса и смежных с ним областей. От двух рассмотренных захоронений отличается погребение в кургане № 1 как конструкцией могильного сооружения, так и захоронением в нем. Одинаков во всех трех курганах только кирпич;

¹⁰ К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. V, М., 1947, стр. 77.

¹¹ И. В. Силицын, Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья, «Ученые записки СГУ», т. 68, вып. исторический, Изд-во Саратовского университета, 1960, стр. 13.

¹² О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков н. э., стр. 124.

¹³ Хранятся на кафедре археологии ТашГУ.

¹⁴ Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 16.

¹⁵ Г. В. Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении, ИАН КазССР, № 46, серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948, стр. 55 и след.

¹⁶ А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, стр. 154, см. табл.

¹⁷ М. Э. Воронец, Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 70.

¹⁸ Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов, Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, 1956, стр. 21, см. табл. 5.

¹⁹ Б. А. Литвинский, Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах, Труды АН ТаджССР, т. XIII, 1956, стр. 42.

в кургане № 1 вход в катакомбу заложен таким же кирпичом, каким в курганах № 2 и № 3 заложены входы в подбой. Катакомба этого кургана по своей форме отлична от катакомб Куюмазарского и Лявандакского могильников, в последних катакомбы в плане овальные, и их длинные оси являются продолжением длинных осей дромосов. Эта характерная черта резко отличала их от катакомб всех других могильников Средней Азии²⁰. Катакомба в кургане № 1 в плане прямоугольна, как у кургана № 2 в могильнике близ Тойтюбе²¹. По ориентации скелета головой на восток погребение в кургане № 1 схоже с курганами около Янгиюля, которые исследовал Г. В. Григорьев²², с погребениями в Пскентском могильнике²³, могильнике Калантар-хана²⁴ и других²⁵ могильниках II—IV вв. н. э.

Обряд захоронения в деревянном гробу, который был помещен в катакомбу, — явление совершенно новое для курганов не только Бухарского, но и Ташкентского оазисов. Погребения в гробах известны по Кенкольскому могильнику²⁶, Ворухскому²⁷, Кара-Булакскому²⁸ и Боркорбазскому могильникам²⁹.

В Средней Азии захоронения в гробах найдены в могильниках первых веков н. э., а в Нижнем Поволжье они известны в курганах первых веков до н. э.³⁰. Досками было обложено захоронение в кургане № 2 рассматриваемого могильника. Этим оно схоже по ритуалу погребения с захо-

²⁰ О. В. Обельченко, Лявандакский могильник, стр. 124—125.

²¹ М. Е. Массон, Ахангеран, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 21.

²² Г. В. Григорьев, указ. соч., стр. 55 и след.

²³ А. А. Потапов, Пскентский курганный могильник, стр. 77 и след. Рукопись, Архив Комитета по охране памятников материальной культуры при СМ УзССР, № 31.

²⁴ Б. А. Литвинский, Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Труды АН ТаджССР, т. ХСІ, Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, вып. IV, 1959, стр. 77 и след.

²⁵ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 16—18.

²⁶ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940.

²⁷ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, 1955, стр. 29—30.

²⁸ Ю. Д. Баруздин, Кара-Булакский могильник, Труды Института истории АН КиргССР, вып. II, Фрунзе, 1956, стр. 58.

²⁹ С. С. Сорокин, Боркорбазский могильник, Культура и искусство народов Востока, 6, Труды Гос. Эрмитажа, т. V, Л., 1961, стр. 130, 140—141.

³⁰ И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 73—74.

ронением в кургане № 1. Несмотря на общие черты в погребальном обряде и в конструкции могил, эти два погребения резко отличны по антропологическому типу скелетов, обнаруженных в них. В кургане № 1 череп относится к брахицефальному типу, а в кургане № 2—к долихоцефальному³¹. Это различие антропологических типов, связанное с определенным погребальным ритуалом, пока трудно объяснить ввиду малого количества исследованных курганов. Несомненно, здесь имеет место и разница во времени между этими двумя типами погребений. Все три раскопанных кургана можно отнести к I—III вв. н. э., причем погребения в подбоях следует датировать началом этого периода, а в гробу—концом этого периода. Дальнейшие исследования этого могильника дадут новые интересные материалы для изучения древней истории Бухарского оазиса.

³¹ Предварительное определение черепов сделано В. Я. Зезенковой.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

КЫЗЫЛТЕПИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Археологические раскопки Кызылтепинского могильника, проведенные археологом О. В. Обельченко в 1960 г., дали весьма интересный, но слишком фрагментарный краниологический материал. Просмотрен костный материал 37 черепов. Преобладающая часть фрагментов настолько мелка, что по ним трудно сделать какие-либо выводы даже после склеивания и реставрирования. Измерения можно было произвести только на двух черепах.

В кургане № 1, расположенном южнее железной дороги, около газопровода, найден целый череп и очень мелкие фрагменты нескольких черепов, которые датируются I в. н. э. По фрагментам невозможно было восстановить даже отдельные кости черепа. Некоторые из них свидетельствуют о значительной массивности черепных костей.

Целый череп обнаружен в катакомбе. По общему впечатлению — женский, зрелого возраста. Череп долихоцефальный с головным указателем 71,82 при очень малом поперечном диаметре головы. Общая форма — овоидная. На теменных костях в области брегмы и по протяжению венечного шва отмечается небольшое вдавливание, несколько напоминающее искусственную деформацию, но, по-видимому, не являющееся результатом последней. Такое вдавливание могло получиться при неравномерном развитии лобной и теменных костей. Рельеф сглаженный: затылочный бугор нулевой степени, выраженность надбровных дуг — средняя, лоб средненаклонный. На вид череп низкий. По высотно-продольному указателю относится к низкому черепу, а по высотно-поперечному — к средневысокому и среднеширокому. Ушная ширина и диаметры лба малые и, наоборот, ширина затылка большая. Лицо ортогнатное, характеризуется большой высотой, большой длиной основания, средним скуло-

вым диаметром. Для лицевого скелета вообще характерны средние широтные диаметры. Горизонтальный профиль лица средний, и клыковые ямки среднеглубокие (2—3). По черепно-лицевому указателю лицо определяется как очень длинное и узкое. Нос высокий, средней ширины и лепторинный по носовому указателю; судя по средневысокому переносью, очень большой дакриальной высоте и среднеразвитой передненосовой ости (2—3 по шкале Брока), — средневыступающий. Глазницы средней ширины, высокие, что отмечается и абсолютными измерительными величинами, и орбитными указателями. Надпереносье не сильно развито (2— по шкале Мартина).

Измерительные данные и указатели приводим ниже.

1	Продольный диаметр	181
8	Поперечный диаметр	130
8:1	Головной указатель	71,82
17	Высотный диаметр базион-брегма	124
17:1	Высотно-продольный указатель II	68,51
17:8	Высотно-поперечный указатель	95,38
5	Длина основания черепа	99
9	Наименьшая ширина лба	89
10	Наибольшая ширина лба	105
9:8	Лобнопоперечный указатель	68,46
11	Ушная ширина	113
12	Ширина затылка	109
45	Скуловой диаметр	124
45:8	Черепно-лицевой указатель	95,38
40	Длина основания лица	92
40:5	Указатель выступания лица	92,93
48	Верхняя высота лица	74
48:45	Верхнелицевой указатель	59,68
43	Верхняя ширина лица	100
46	Средняя ширина лица	92
62	Длина нёба	42
63	Ширина нёба	37
55	Высота носа	54
54	Ширина носа	25
54:55	Носовой указатель	46,30
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	39,5
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	37
52	Высота орбиты	35
52:51a	Орбитный указатель I	94,59
52:51	Орбитный указатель II	89,74
50	Межглазничная ширина	18,75
	Высота над хордой	7,2
13(I)	Биорбитальная хорда	89,60
	Высота назиона над биорбитальной хордой	15,1
	Назوماлярный указатель	16,85
	Назوماлярный угол	142,4
	Зигомаксиллярная хорда (по Абиндеру)	91,40

верхней ширине лица и учитывая положительную коррелятивную связь широтных диаметров, можно предположить, что лицевая часть была узкая.

В кургане с грунтовой могилой около линии газопровода из костного материала найдены очень мелкие фрагменты черепа. Некоторые из них свидетельствуют о массивности черепных костей.

В насыпи кургана около газопровода раскопано оссуарное погребение. Фрагменты краниологического материала очень мелки. На фрагментах двух лобных костей отмечается сильная выраженность надпереносья. На одном надпереносье, по Мартину, выраженность — шестой балл; на втором фрагменте — четвертый-пятый балл. Наличие такого мощного переносья отмечается очень редко у современного человека. Развитие надбровья и выраженность переносья несколько напоминают лобную часть кроманьонского черепа. Создается впечатление, что лоб был низкий или сильно покатый. На фрагменте затылочной кости резко выражена верхняя выйная линия, несколько напоминающая гребень.

Череп, по массивности фрагментов и толщине кости напоминающие вышеописанные, встречались и в других курганах, например, фрагменты в кургане с грунтовой могилой около линии газопровода и в кургане № 1. В последнем на фрагментах двух черепов отмечалась толщина, достигающая на некоторых костях 1 см.

Курган южнее станции, датируемый первыми веками н. э., дал мелкие фрагменты черепов. По фрагментам верхних челюстей и скуловым костям двух черепов, а также по лобной и носовым костям определили, что захороненные в этом кургане относятся к европеоидному типу. На фрагменте верхней челюсти, относящейся к тому же черепу, что и фрагменты лобной кости, отмечается такое строение челюсти, которое мы наблюдали на черепе из катакомбы в кургане № 1.

Курган с подбоем южнее полотна железной дороги дал также весьма фрагментированный материал. Захоронение датируется II—I вв. до н. э. Из всех переданных нам фрагментов удалось склеить только часть черепной крышки, на которой никаких измерений произвести нельзя. По общему впечатлению, череп брахимезокранный.

Таким образом, краниологический материал Кызылтепинского могильника, несмотря на его фрагментарность, представляется весьма интересным.

Весь имеющийся краниологический материал Кызылтепинского могильника относится к европеоидному типу.

В катакомбных захоронениях отмечается долихоцефальный, европеоидный, близкий к закаспийскому, тип, но с своеобразной спецификой в строении верхнечелюстной кости (которая, возможно, говорит о легкой монголоидной примеси).

В остальных курганах и в оссуарных погребениях наблюдался мезоцефальный европеоидный тип.

Особый интерес представляют материалы из оссуарных погребений в насыпях кургана и из грунтовой могилы. Судя по массивности костей и сильно развитым надпереносьям, здесь была погребена какая-то особая группа населения, возможно, очень древняя.

Европеоидный тип, живший в первых веках н. э. и ранее на данной территории, сохраняется и в V—VI в. н. э., хотя тип захоронения другой.

МОГИЛЬНИК У СЕЛ. ХАЗАРА

Из Хазаринского могильника археологическими раскопками О. В. Обельченко в 1960 г. добыто 2 черепа сравнительно хорошей сохранности, датируемые первыми веками н. э. Один из них найден в катакомбе, другой — в подбое. Оба черепа европеоидные, но существенно отличаются по головному указателю.

Юношеский череп из катакомбы резко брахикранный с головным указателем 88,17 при малом продольном, большом поперечном диаметрах и сфероидной форме черепной крышки. Рельеф слабо выражен, надбровные и затылочный бугры нулевой степени, лоб прямой, выпуклый. Череп небольшой высоты. Поперечные диаметры лицевого скелета средние, горизонтальный профиль лица тоже средний, клыковые ямки среднеглубокие. Надпереносье выражено слабо (второй балл, по Мартину). Нос, судя по носовому отростку верхней челюсти, был сильно выступающим.

Череп мужчины возмужалого возраста из подбоя имеет головной указатель — 75,79 при большом продольном диаметре. Общая форма черепной крышки — пентагоноидная. Рельеф черепа характеризуется средней выраженностью. Надбровье по выраженности относится к второй-третьей степеням, затылочный бугор — к первой степени. Лоб — неширокий, средненаклонный с сильно выраженным надпереносьем (4 — по шкале Мартина). Череп средней высоты и ширины. Лицевой скелет высокий с большими поперечными диаметрами, что характеризует лицо как очень длинное и узкое. Лицо ортогнатное, со средним горизонтальным профилем лица, среднеглубокими клыковыми ямками (второй-третьей степени), с сильно выступающим носом.

Все измерительные данные описанных черепов и соответствующие указатели приводим ниже.

Признаки		Череп из катакомбы, из подбоя	
1	Продольный диаметр	169	190
8	Поперечный диаметр	149	144
8:1	Головной указатель	88,17	75,79
17	Высотный диаметр базион-брегма	126	136
17:1	Высотно-продольный указатель II	74,56	71,58
17:8	Высотно-поперечный указатель	84,56	94,44
5	Длина основания черепа	87	104
9	Наименьшая ширина лба	95	91
10	Наибольшая ширина лба	126	120
9:8	Лобнопоперечный указатель	63,76	63,19
11	Ушная ширина	125	130
12	Ширина затылка	114	117
45	Скуловой диаметр	120	138
45:8	Черепно-лицевой указатель	80,54	95,83
40	Длина основания лица	—	97
40:5	Указатель выступания лица	—	93,27
48	Верхняя высота лица	60(?)	73
48:45	Верхнелицевой указатель	50,00	52,90
43	Верхняя ширина лица	98,5	110
46	Средняя ширина лица	81	102
62	Длина нёба	—	48
63	Ширина нёба	—	43
55	Высота носа	45	54
54	Ширина носа	—	25
54:55	Носовой указатель	—	46,30
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	40	—
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	38	42
52	Высота орбиты	33	33
52:51a	Орбитный указатель I	86,84	78,57
52:51	Орбитный указатель II	82,50	—
13(I)	Биорбитальная хорда	90,80	102,65
	Высота назиона над биорбитальной хордой	15,2	17,0
	Назوماлярный указатель	16,74	16,56
	Назوماлярный угол	143,1	143,3
	Зигомаксиллярная хорда (по Абиндеру)	—	102,2
	Высота субспинале над зигомаксиллярной хордой	—	23,5
	Зигомаксиллярный указатель	—	22,99
	Зигомаксиллярный угол	—	130,6
	Дакриальная хорда	—	23,0
	Дакриальная высота	—	12,8
	Дакриальный указатель	—	55,65
	Симотическая хорда	—	6,30
	Симотическая высота	—	4,5
	Симотический указатель	—	71—43
32	Профиль лба от назиона	91°	82

—	Профиль лба от глабеллы	87°	73 ,
72	Общий угол лица	—	89
73	Угол средней части лица	—	90
74	Альвеолярный угол профиля	—	77

Все описательные и измерительные признаки показывают, что череп из катакомбы относится к брахикранному европеоидному типу, близкому к типу среднеазиатского междуречья, а череп из подбоя — к долихо-мезокранному европеоидному, причем имеет некоторые признаки монголоидного типа — отсутствие крючка в верхней челюсти и сравнительно большая ширина скул.

Ввиду единичности краниологического материала из Хазаринского могильника затруднительно делать окончательные выводы. Можно лишь констатировать наличие в Хазаре в первых веках н. э. двух антропологических типов, имевших различный обычай погребения.

Л. И. АЛЬБАУМ

РАСКОПКИ ЗАМКА ЗАНГТЕПЕ

Более десяти лет на территории Сурхандарьинской области Институтом истории и археологии АН УзССР проводятся большие археологические исследования. Раскопки уже дали новые интересные данные для разрешения ряда важных вопросов истории, архитектуры, искусства и культуры Средней Азии.

Среди архитектурных памятников Сурхандарьинской области выделяются такие памятники, как Балалыктепе, настенная живопись которого стала известна не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Она открывает особую страницу в истории монументальной живописи Востока.

Великолепные образцы резного дерева были получены нами в результате раскопок замка VI—VII вв. Джумалактепе.

Отряд в течение нескольких лет ведет работы на новостройках республики — Южносурханском водохранилище.

Осенью 1961 г. были начаты большие раскопочные работы по изучению замка Зангтепе, находящегося в Ангорском районе Сурхандарьинской области в 30 км к северу от Термеза на территории колхоза им. К. Маркса.

Этот памятник имеет и другие названия: Кулаглытепе и Абидабадтепе. Последнее связано с наименованием кишлака, в котором он находится; целый ряд других памятников, расположенных в той же местности, носит также название Кулаглытепе. Поэтому мы предпочитаем пользоваться названием Зангтепе.

Осенью 1961 г. отряд работал в следующем составе: Л. И. Альбаум, археологи Л. Матвеева, А. С. Воскресенский и лаборант А. Кобзев; от Сурхандарьинского областного музея в работах принимали участие В. А. Козловский и

Р. Ф. Фаязов. Широкие раскопочные работы были начаты 26 сентября и завершены 10 ноября.

Холм Зангтепе расположен в 500 м южнее школы, сразу же за колхозным садом. Подступы к нему заболочены в результате стока вод, остающихся от полива садов и хлопковых полей. Заболоченная местность заросла камышом, здесь нашли пристанище сотни птиц и несметное количество комаров. Холм возвышается над местностью более чем на 15 м. В отвесных склонах хорошо видны сырцовые кирпичи, пахсовые блоки, в некоторых местах можно проследить контуры помещений. С наружной стороны стены прорезаны бойницами, расположенными на двух уровнях. Это позволило нам сделать вывод, что здание состояло из двух этажей.

Здание в плане квадратное, в нижней части 60×60 м, в верхней — 40×40 м. По углам, кроме северо-восточного, выступают мощные квадратные башни. На юго-восточной и юго-западной башнях хорошо сохранились более поздние постройки, сложенные из квадратного сырцового кирпича. Стены их возвышаются над поверхностью башен до 5 м. Размер этих помещений 5×7 м. Северо-восточная угловая башня не сохранилась; этот угол наиболее разрушен, так как здесь в последний период жизни замка был вход наверх.

Основание стен со всех сторон присыпано разрушившейся и оплывшей сверху кирпичной кладкой. Рельеф верхней площадки холма очень неоднороден. Северо-западная его часть (примерно четверть всей площади) занимает возвышение прямоугольной формы (высота до 5 м по отношению к окружающей площади). Дождевые воды, сбегаящие с этой возвышенности, образовали в юго-западной части площадки глубокую промоину. Небольшие промоины имеются и в северо-восточной части площадки. Можно предположить, что в этом месте находились какие-то помещения.

В последний период существования замка его верхняя площадка использовалась как арк небольшого поселения. Арк был включен в поселение, стены которого примыкают к северо-восточному и юго-западному углам арка. При этом он был заново укреплен и на нем сооружены названные помещения.

Крепостные стены укреплены промежуточными башнями, не имеющими фортификационного значения. На верхней площадке центрального объекта было заложено 3 раскопа. Первый включает юго-восточную башню и прилегающую к ней площадку. Второй раскоп заложен у северной стены, где в промоине, разрушившей центральную часть стены, хорошо видна ее кладка. Затем этот раскоп был расширен

в восточную и западную стороны. Третий раскоп заложен в центральной части поселения¹.

В настоящем предварительном сообщении мы кратко остановимся на описании вскрытых помещений в порядке, обозначенном на плане (рис. 1).

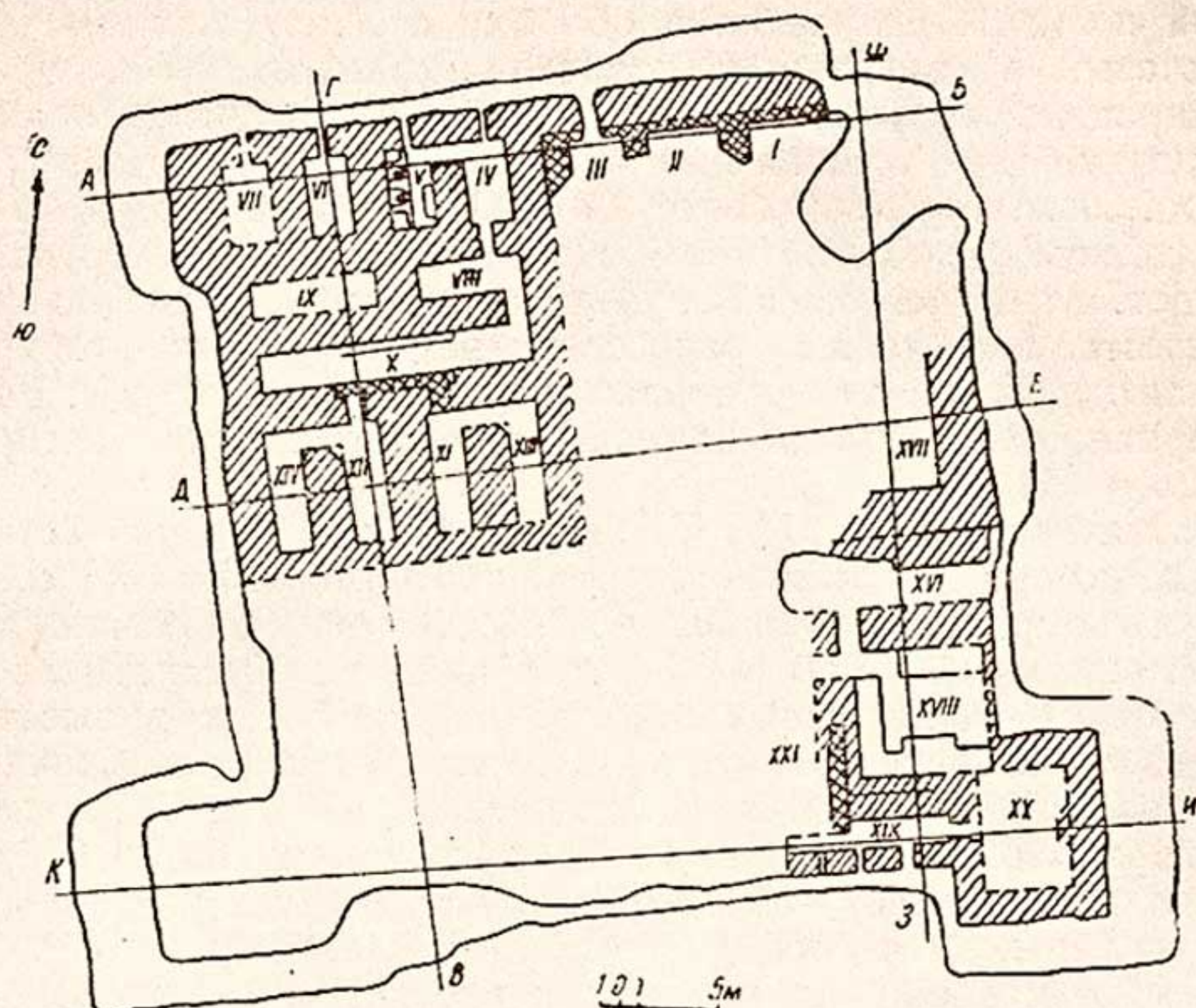


Рис. 1. План раскопок.

Помещения I, II, III построены одновременно. Северная стена их примыкает вплотную к более ранней оборонительной стене, сложенной из пахсовых блоков и продолговатого сырцового кирпича. Восточные и западные стены комнат сохранились частично. Помещения сложены из квадратного сырцового кирпича $28 \times 28 \times 4$ см.

Стены этого периода сохранились на высоту от 1 до 1,4 м. Пол помещений находится на глубине 3,5 м от нулевой точки². Пол и стены сооружены на глинобитной подушке, толщиной 60 см.

¹ За раскопками наблюдал В. А. Козловский.

² Нулевая точка находится на наиболее высокой северной стене замка.

В помещениях найдена поливная керамика в виде обломков венчиков пиал. Полива белая с коричневым орнаментом, черепок светлый. Обнаружены также фрагменты тонкостенной белоглазурной посуды, посуды с голубой поливой, а также части сосуда типа тагора, с плоским поддонцем и голубой поливой. Встречаются обломки с зелено-желтым расплывчатым орнаментом. Неполиванная керамика очень фрагментирована; встречаются венчики чаш и кувшинов. В полу помещения II—большая яма неправильной формы, размером $2,20 \times 1,30$ м, глубиной более 2,5 м. В яме находилось большое количество золы, костей животных, обломков крупных сосудов, главным образом хумов, кувшинов. В небольшом количестве встречается раннесредневековая красноангобированная керамика, а также фрагменты поливной посуды. Весь материал, найденный в помещении и яме, можно датировать X—XII вв.

Помещения IV, V, VI, VII примыкают к северной стене замка, которая, в отличие от всех других, сложена из квадратного сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ см. Этой кладкой стена выложена на высоту 3,5 м, а ниже на 90 см до основного пола — из пахсовых блоков шириной 1 м и высотой 80—90 см. Переход от кирпича к пахсе отмечен небольшим уступом, кирпичи нависают над пахсой на 5 см. Уступ прослеживается во всех помещениях. Стены комнаты IV сохранились на высоту 3,5—4,5 м. В северной их части намечается переход от стен к своду, выложенному сырцовым кирпичом наклонными отрезками; переход к своду отмечен ребром, образованным слегка выступающим нижним рядом кирпичей свода. Размеры комнаты $4,20 \times 2,25$ м.

Восточная стена этого помещения сложена из сырцового кирпича двух размеров: $50 \times 25 \times 10$ и $40 \times 40 \times 10$ см. В нижней части стена сохранилась очень плохо. Западная стена сложена только из продолговатого кирпича вышеуказанного размера. Южная стена сильно разрушена.

В середине северной стены, вверх от ребра свода, расположено световое окошко. Ширина окна 36 см, сохранившаяся высота 90 см. В западной стене, вплотную к северной, расположена дверь с арочным перекрытием, ведущая в помещение V. Ширина ее 90 см, высота 2,30 м. Вторая дверь — в южной стене ведет в помещение VIII, высота ее около 2 м. Со стороны помещения IV она сильно разрушена.

Находящийся над полом культурный слой VII—VIII вв. толщиной 0,5—0,7 м содержит большое количество керамического материала. В основном это фрагменты небольших тонкостенных кувшинчиков, покрытых белым ангобом, с

одной и двумя петельными ручками. Встречаются характерные для раннего средневековья светильники в виде плоских чашечек с оттянутым слегка носиком.

В конце VII или начале VIII вв. помещение IV было заброшено. Со временем образовались небольшие завалы из кирпича, земли и битой посуды. В результате дождей образовалась гладкая корочка натеков, которая покрыла эти наслоения. В них мы обнаружили обрывки писем. Над этими письменами также натечные слои толщиной до 2 м. Среди натеков встречаются фрагменты керамики X—XI вв. Это говорит о том, что помещение в этот период посещалось, но не было обжито. Небольшое количество средневековой керамики найдено на глубине от 0 до 3,60 м.

Помещение V, связанное с помещением IV дверным проходом, имеет ту же планировку, что и комната IV, и по культурному заполнению почти не отличается от нее. В период раннего средневековья помещение, по-видимому, служило кладовой. Западная его часть, отгороженная глинобитной стенкой высотой 50—70 см и толщиной около 30 см, разделена на 4 отсека-клетки. В двух средних находились хумы диаметром 55 см. Стенки клеток и западная стена обожжены. Западная стена комнаты V сложена из квадратного кирпича, а восточная и южная — из продолговатого. В верхней части северной стены — световое окно.

Такие же наслоения вероятны и в других помещениях. Раскоп до основного пола доведен только в помещении VIII.

Планировка северо-западной части сооружения получилась следующая: 4 узких комнаты со световыми окнами вдоль северной стены. Комната IV с южной стороны соединена с помещением VIII, которое, в свою очередь, соединено с узким коридорообразным помещением X, вытянутым с запада на восток. Длина последнего 14,5 м. В южной стене коридора два дверных прохода, ведущих в обособленные двухкомнатные помещения. Ориентированы они так же, как и первые четыре комнаты, с севера на юг.

Шесть помещений, раскопанных в юго-восточном углу замка, еще не дают окончательной планировки.

Раскопки еще не завершены. Замок Зангтепе является кешком, принадлежавшим крупному землевладельцу. Сооружен в конце V в. н. э.

Для предлагаемой датировки имеются следующие данные.

Основным строительным материалом является продолговатый кирпич размерами 50×25×10 см, характерный для

архитектурного строительства Средней Азии в V—VIII вв.³ Не совсем ясным остается факт обнаружения квадратного сырцового кирпича, из которого сложена северная стена замка. Этот размер характерен для более раннего периода. На данном этапе раскопок можно сделать следующие два предположения: 1) данная стена сооружена раньше, и к ней в V в. пристроили весь комплекс помещений, или 2) при сооружении замка еще не были забыты старые строительные традиции,

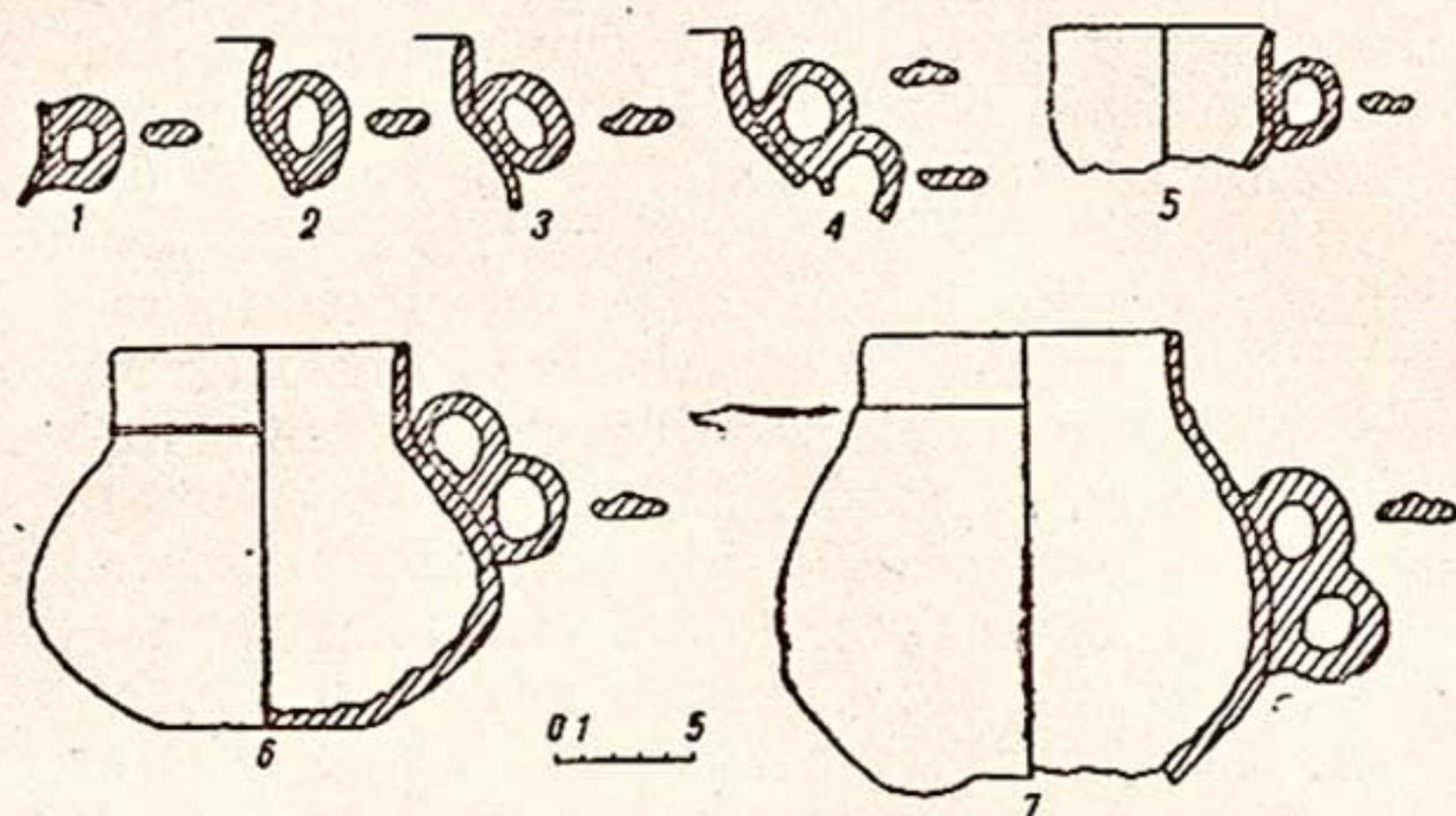


Рис. 2. Кувшины с петлеобразными ручками.

Планировка помещений также характерна для памятников архитектуры VI—VII вв. (замок Колаи-Боло⁴, замок на горе Муг⁵).

Не менее характерной является керамика. Широкогорлые кувшины с двух- и однопетельными ручками, фрагменты которых обнаружены в Зангтепе (рис. 2), типичны и для замков Балалыктепе и Хайрабадтепе (рис. 2, 7). Подобные сосуды встречаются в соответствующих слоях Афрасиаба⁶ (рис. 2, 5) и Пянджикента.

Новой формой для данного периода являются удлиненные горлышки сосудов с ручками, один конец которых прикреплен к венчику, а другой к тулову (не сохранилось ни одного тулова сосуда). Подобное горлышко было встречено в 1961 г. при раскопках на городище Афрасиаб в слоях V—VIII вв.⁷ (рис. 3, 5).

³ Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 119.

⁴ Б. А. Литвинский, Новые материалы по археологии Таджикистана, КСИИМК, вып. 55, М., 1959, рис. 56.

⁵ А. В. Васильев, Согдийский замок на горе Муг, Согдийский сборник, Л., 1934.

⁶ Из раскопок М. Н. Федорова.

⁷ Раскопки С. К. Кабанова.

Характерным для VI—VII вв. является фрагмент миски с волнистым бортиком. Сосуды этого типа часто встречаются

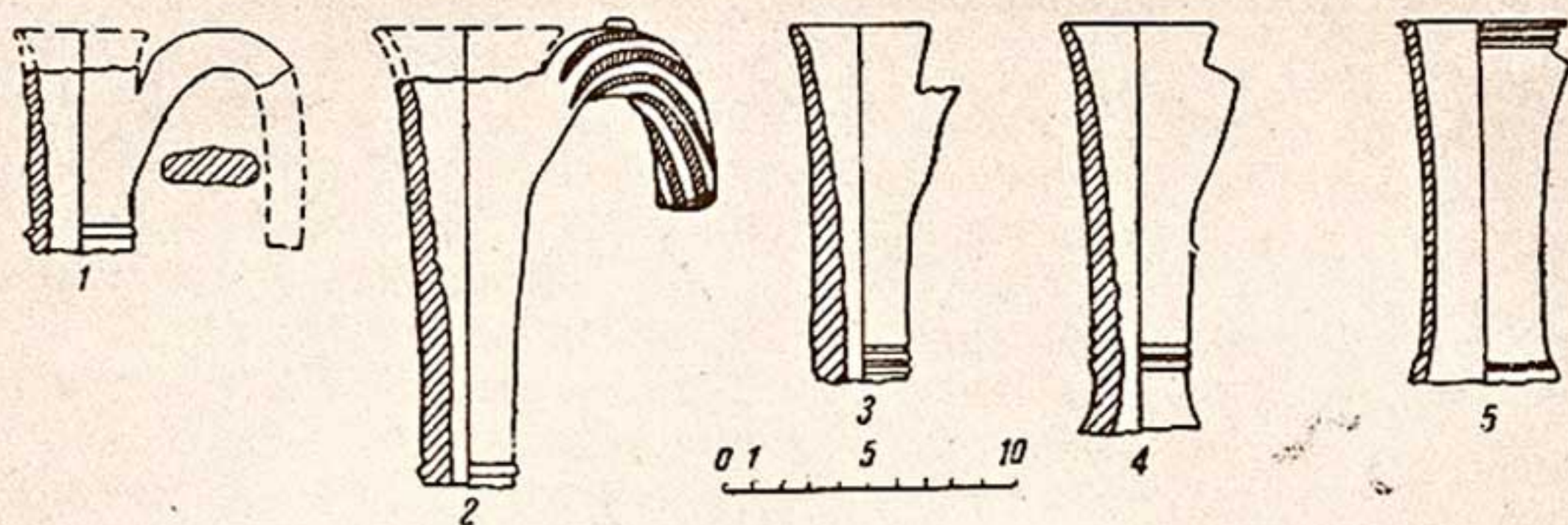


Рис. 3. Удлиненные горлышки сосудов.

ся при раскопках в Пянджикенте⁸. Эта чаша, а также сосуды с удлиненным горлышком имеют общие черты с со-

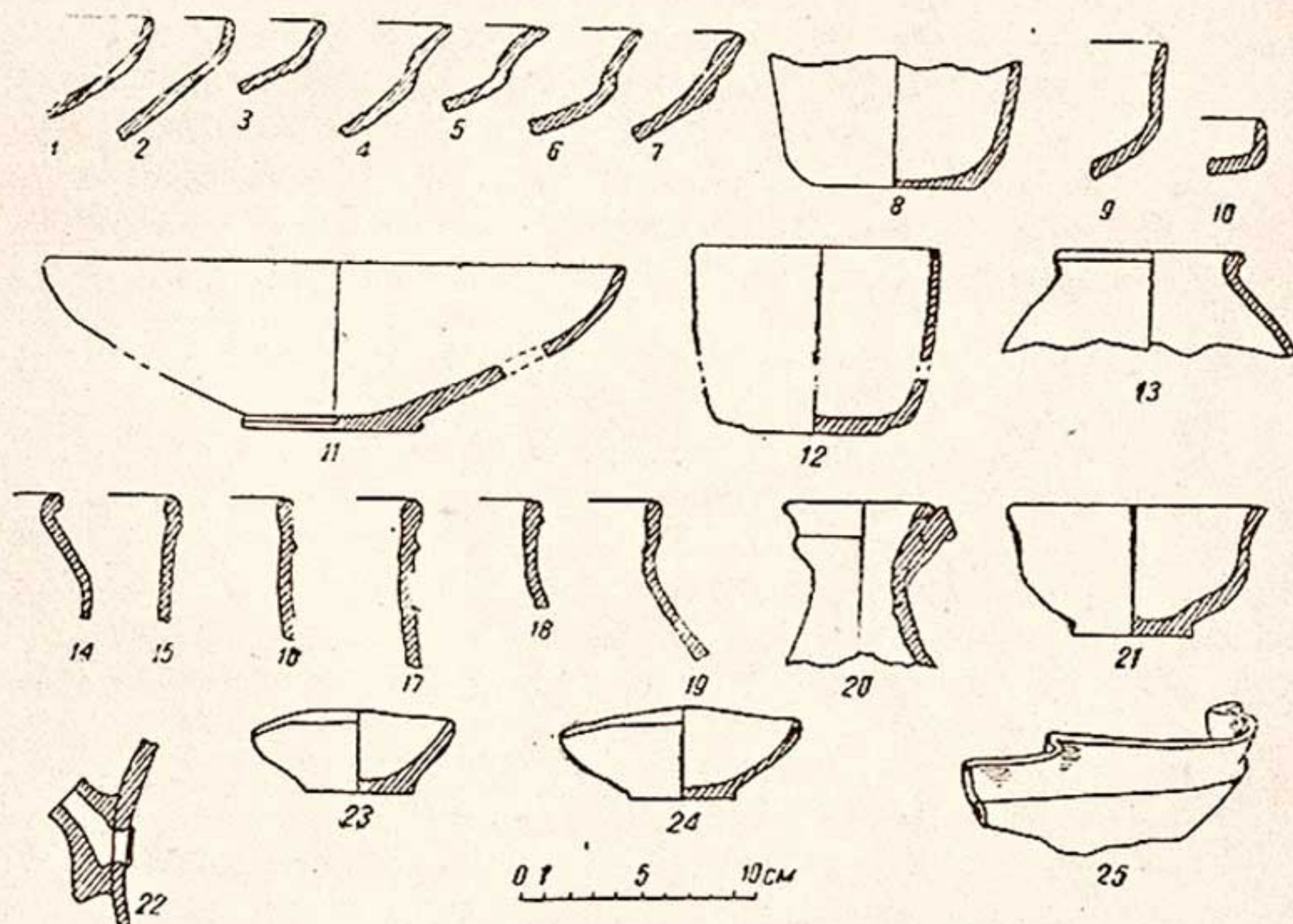


Рис. 4. Тонкостенная керамика.

судами из так называемого «сасанидского» серебра⁹. Встречаются и другие формы сосудов (рис. 4, 5). Вся посуда

⁸ И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, стр. 139.

⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. 57, 58.

сделана на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Черепок тонкий, светло-серого цвета. Сосуды покрывались светло-серым и красновато-коричневым ангобом. Все эти

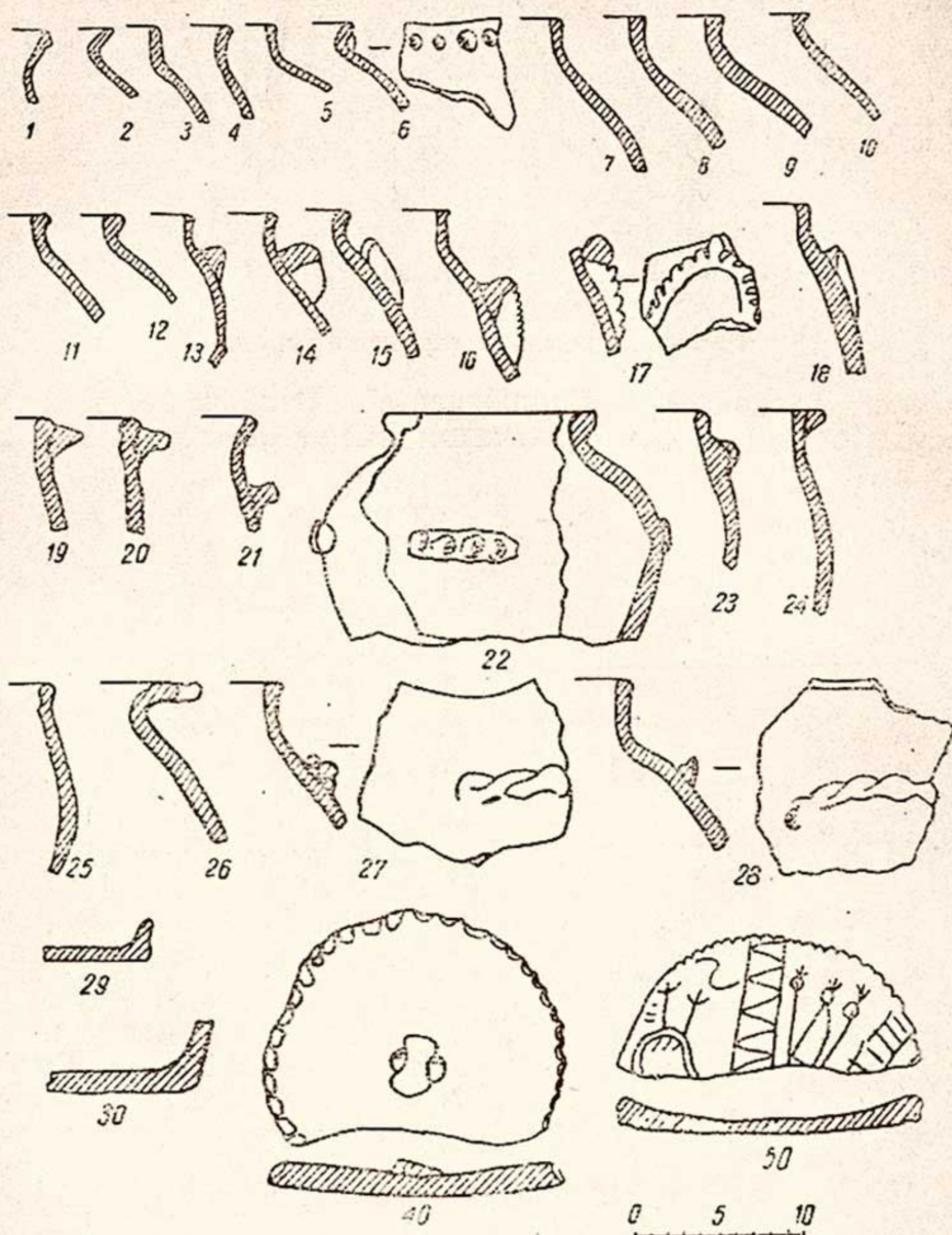


Рис. 5. Котлы.

данные к датировке памятника подтверждаются одной серебряной монетой, найденной на полу помещения XVI. По предварительным данным, она относится к эфталитскому чекану.

В конце VII или в первой половине VIII в. жизнь на территории замка прекратилась. В культурных слоях мы не видим следов разрушения. Почти все помещения в основном заполнены натечными слоями. Некоторые из комнат были обжиты в X—XII вв. В это время сделаны некоторые ремонтные работы, но говорить о ремонтах и перестройках можно будет после того, как раскопочные работы будут полностью завершены.

В XV в., когда почти все помещения были заполнены натечными слоями, а затем и строительными остатками, на разровненной поверхности были возведены какие-то каркасные сооружения, от которых частично сохранились фундаменты и небольшое количество керамического материала.

Необходимо более подробно остановиться на некоторых предметах материальной культуры, обнаруженных нами при раскопках Зангтепе. Во время раскопок обнаружены коконы шелковичного червя. До настоящего времени известны только фрагменты тканей, изготовленных в раннем средневековье. Сведения о среднеазиатском шелке имеются в письменных источниках, ткани изображены в росписях.

Обнаружение коконов в слоях VI—VIII вв. еще раз подтверждает сведения о существовании в Средней Азии, наряду с привозным китайским шелком, местного производства шелка.

Но самой уникальной находкой текущего года являются памятники письменности, обнаруженные в помещениях. После кропотливой работы, связанной с их зачисткой, было установлено, что письма нанесены на тонкие листочки бересты, толщиной от 1 до 2 мм. Трудность фиксации заключалась в том, что надписи имеются на обеих сторонах листка. Береста от малейшего прикосновения рассыпалась. После окончательной расчистки от остатков земли в лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР мы получили несколько кусков бересты с четкими строками неизвестной письменности.

К какой же системе письма они принадлежат?

Народы, населявшие северные области Греко-Бактрийского царства, говорили на различных, но очень близких друг другу, иранских наречиях. По сообщению китайского путешественника II в. до н. э. Чжан Цяня, у населения от Давани (Фергана) до Аньси (Парфия) язык везде одинаков. Наряду с греческим письмом в это же время население употребляло арамейское, а позднее — различные виды индийского.

При преемниках Эвкратиды в 140—130 гг. до н. э. Греко-Бактрийское царство пало под ударами кочевников юэджей. На территории Бактрии осело племя тохаров, и впоследствии страна к северу от Аму-Дарьи стала называться Тохаристаном. В дальнейшем здесь сложилось Кушанское царство.

Возросшее международное значение Кушанской империи требовало создания общего языка и соответствующей письменности. Такой письменностью, по-видимому, была арамейская, которая позднее легла в основу иранских письмен, в том числе согдийского и хорезмийского. Продолжало существовать и греческое письмо, особенно на монетах. На основе греческого алфавита сложилась кушанская письменность. При кушанах употреблялась также индийская письменность брахми и кароштии. Обломок каменного предмета с надписью брахми на территории Средней Азии впервые обнаружен в Термезе во время работы ТАКЭ, а затем при раскопках, проводимых Институтом истории и археологии АН УзССР совместно с Государственным Эрмитажем в 1961 г. на Каратепе.

Памятники согдийской письменности известны с IV в. н. э. из Восточного Туркестана.

Согдийская письменность на территории Средней Азии впервые обнаружена лишь в 1932 г., когда на горе Муг в Таджикистане были найдены документы, написанные на коже, бумаге и дереве¹⁰. Затем документы, написанные согдийским шрифтом, были найдены при археологических работах в различных районах Средней Азии. Согдийская письменность, как считают некоторые исследователи, повлияла на развитие древнетюркского орхонского письма¹¹.

Наряду с названными существовали парфянская и хорезмская письменности, которые развивались на основе арамейского алфавита.

Документы, обнаруженные при раскопках Зангтепе, не похожи на все известные на территории Средней Азии письмена. Предварительные исследования показали, что мы имеем дело с некоторыми видами индийской письменности.

Среди находок древней письменности, обнаруженных А. Стейном в Хотане в районе Дандан-Уйлика, имеются до-

¹⁰ А. А. Фрейман, Описание рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг, Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 33—51. Полный текст переводов сделан В. А. Лившицем, работа находится в печати.

¹¹ В. Радлов, Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Аиртемой в Кенкольской волости Аулие-Ата, ВЗО, т. XI, СПб, 1889, стр. 85—86.

кументы на центральноазиатском брахми¹², сходном со шрифтом наших писем.

Существуют некоторые данные о том, что брахми широко пользовались во II в. н. э. Однако большинство сохранившихся рукописей относится к значительно более позднему периоду, не ранее VII в.

Археологический слой, где найдены наши документы, датируется концом VII в. Монетные же находки говорят, что замок существовал со времени эфталитов, т. е. с конца V в. По сообщениям китайских хроник, у иданьцев (эфталитов) «словесность в грамоте походила на санскритскую»¹³, а язык жителей (иданьцев) совершенно отличен от языков и жужаньского, и гаогюйского, и тюркского¹⁴. Все вышесказанное говорит, что обнаруженная нами письменность является курсивным видом центральноазиатского брахми и имеет много общего с письменами из Хотана.

Основой для письма служили очень тонкие листочки бересты. Писали, так же как и в Хотане, «не кистью», а «тростью»¹⁵. Это хорошо видно при первом взгляде на наши документы. Буквы написаны черной тушью.

На расчищенных до настоящего времени фрагментах мы видим две разновидности писем. Расшифровка наших писем специалистами поможет более точно определить тип письменности, язык документов, их содержание и датировку.

Дальнейшее изучение Зангтепе, а также других памятников этого периода даст новые сведения для характеристики социально-экономических отношений на территории Средней Азии в период IV—VIII вв. н. э.

¹² Aurel Stein, *Ancient Khotan*, V. I, Oxford, 1907, p. 236; V. II, CVII, Fol-132, CVIII, Fol-17, 18.

¹³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М.—Л., 1950, стр. 322.

¹⁴ Там же, стр. 268.

¹⁵ Там же, стр. 301—302.

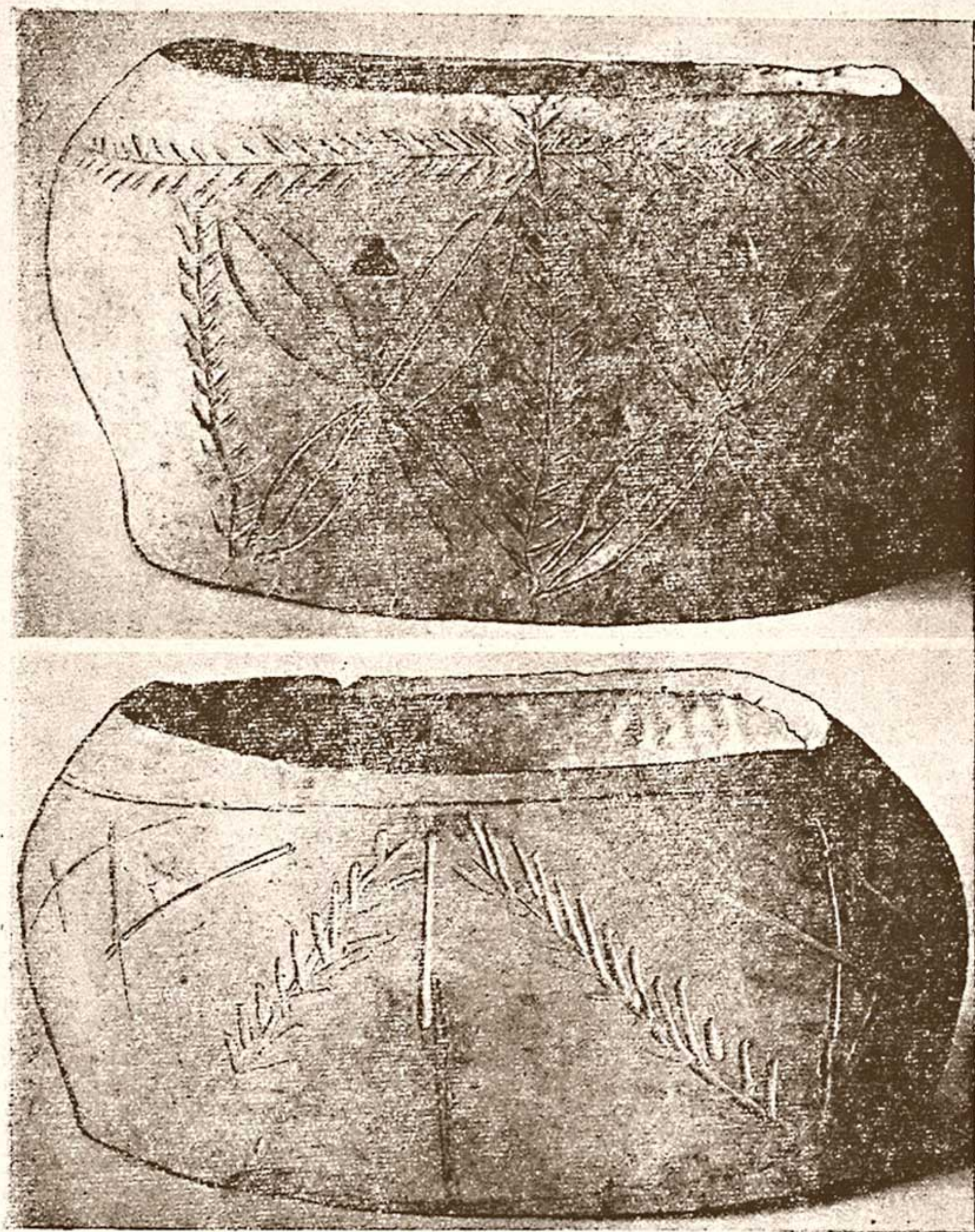
Т. АГЗАМХОДЖАЕВ

ОССУАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА ОКРАИНЕ ТАШКЕНТА

Весной 1958 г. при земляных работах на юго-западной окраине Ташкента в районе 54 разъезда были обнаружены захоронения в хуме и в двух оссуариях. На место находок автором настоящего сообщения совместно с Л. И. Альбаумом был совершен выезд, в результате которого находки доставлены в Институт истории и археологии АН УзССР. Обстоятельств, при которых обнаружены погребения, выяснить не удалось. Как сообщили работники строительства, оссуарии и хум находились на глубине около 1,5 м от дневной поверхности и стояли неподалеку один от другого. Приведем описание оссуариев (см. рис.).

Оссуарий 1. овальной формы, верхняя часть опоясана горизонтальной линией. Лицевая сторона во всю длину украшена до обжига процарапанным врезным орнаментом в виде двух узких ветвей, образующих арочку; по центру проведена вертикальная линия, разделяющая арочку на две половины. Закругленные части оссуария орнаментированы небрежно нанесенными пересекающимися линиями. Размеры оссуария 1: длина 51 см, ширина 31 см, высота 31 см.

Оссуарий 2 имеет почти правильную овальную форму, суженную в основании и верхней части. Как и в первом оссуарии, орнамент только на одной стороне. Лицевая сторона разделена на две части при помощи трех веток «елочки», идущих снизу вверх и ограниченных сверху горизонтальной веткой такой же «елочки». Между елочками помещены изображения четырехлепестковых розеток. С верхней стороны и в середине стенки оссуария между лепестками проделаны четыре сквозные треугольные отверстия, обращенные острием вверх. Размеры оссуария 2: длина 48 см, ширина 32 см, высота 32 см.



. Два оссуария из Ташкента.

Оба оссуария сделаны из хорошо промешанной глины розового обжига, поверхность покрыта серым ангобом. На дне сохранился речной песок.

Впервые оссуарные захоронения были найдены в 1871 г. при земляных работах в саду одного из жителей Ташкента, однако подробности о них отсутствуют¹.

Овальные оссуарии были обнаружены и в окрестностях Ташкента, в Самарканде, Пянджикенте, в Каршинском (фрагменты) и Бухарском оазисах, в Джамбуле, Семиречье, Хорезме и других местах Средней Азии.

Найденные на 54 разъезде оссуарии имеют некоторые аналогии с ранее обнаруженными в Ахангаране², датируемыми VI—VII вв. н. э.³, а также с фрагментами оссуариев, найденными нами в наусах в районе Тюя-Бугуза, которые на основании нумизматических данных и других материалов датируются VII—VIII вв. н. э.

В соответствии с этим оссуарии из Ташкента можно датировать временем возведения наусов Тюя-Бугуза (VII—VIII вв.) или более ранним временем — VI—VII вв.

¹ Н. И. Веселовский, Записки Императорского Русского Археологического Общества, т. II, новая серия, СПб., 1887, стр. 111; Газ. «Туркестанские Ведомости», 24 ноября 1906 г. В. В. Бартольд, К вопросу об оссуариях Туркестанского края, «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении», 1908, № 8, СПб.; см. также Отдельный оттиск, стр. 3; Н. Остроумов, ПТКЛА, XI год, стр. 33, прим. 1.

² М. Е. Массон, Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 29, рис. 21; см также Т. Миргиязов, газ. «Кызыл Узбекистон», 27 февраля 1937 г.; М. Е. Массон, Археологические исследования в Узбекистане, сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939 гг.)», стр. 116.

³ М. Е. Массон, Ахангеран, стр. 30.

Г. В. ШИШКИНА

ЗАМОК БАД-АСИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПАЙКЕНДА

Осенью 1954 г. и весной 1956 г. в районе городища Пайкенд работал археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР¹. Целью работ было изучение пайкендского некрополя с оссуарными захоронениями². Как бы замыкая цепочку наусов, протянувшуюся вдоль края трех-четырехметровой плоской возвышенности, на расстоянии 2,5 км к северо-востоку от городища высятся окруженные песками развалины Бад-Асия (рис. 1). Их размытые, полуразрушенные стены господствуют над местностью и хорошо видны издали. Н. Ф. Ситняковский, обследовавший в 1896 г. Кампыр-дувал, видел Бад-Асия на расстоянии; от местного населения он узнал название и воспринял его как объяснение назначения сооружения — «ветряная мельница»³. Название объясняется, очевидно, тем, что на гребне полуразрушенных стен порывы ветра ощущаются сильнее, чем у их подножья. В 1939 г. на Бад-Асия побывали участники Зеравшанской археологической экспедиции, проводившей работы на городище и в его окрестностях⁴.

Для выяснения назначения сооружения в 1956 г. были произведены раскопочные работы⁵.

¹ В состав отряда входили: в 1954 г. — археологи С. Н. Юренев и Г. В. Шишкина; в 1956 г. — археологи Д. Г. Зильпер, Х. Дуке, Г. В. Шишкина, лаборант Концов и шофер С. С. Петров.

² См. рис. 1, на котором наусы обозначены номерами 1—26.

³ Н. Ф. Ситняковский, ПТКЛА, год третий, протокол № 3, стр. 93.

⁴ Полевой дневник участника экспедиции В. А. Шишкина.

⁵ Работы на Бад-Асия начаты Д. Г. Зильпер, ею раскопаны комнаты 1, 2, хозяйственный двор и сделаны стратиграфические разрезы.

Замок Бад-Асия представляет собой в плане квадрат $24 \times 22,5 \text{ м}^2$, ориентированный углами по странам света; его мощные стены сохранились на высоту до 8 м. Поверхность стен размыта, особенно сильно у основания, а северный и западный углы разрушены большими промоинами (рис. 2).

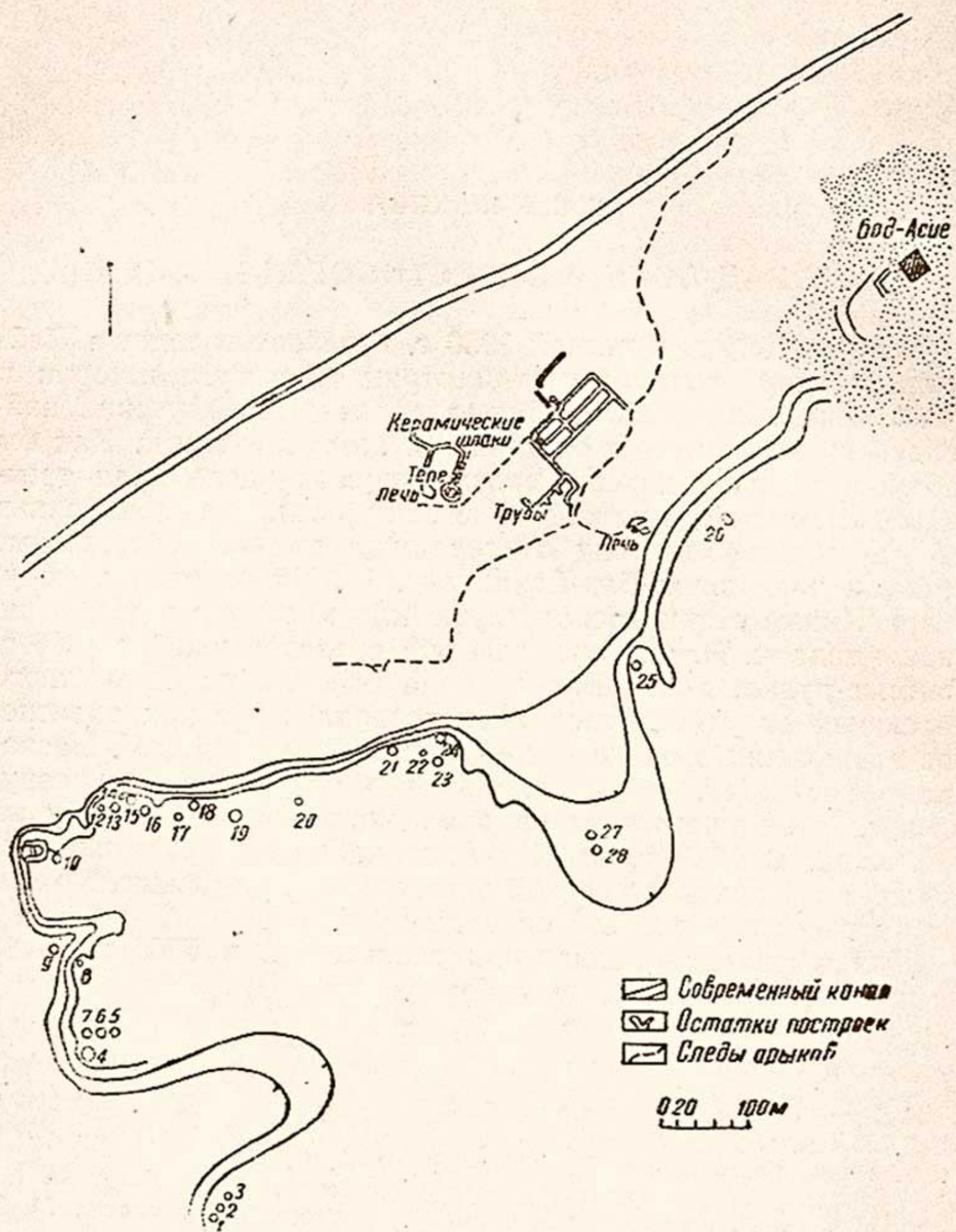


Рис. 1. Глазомерный план Бад-Асия с окрестностями.

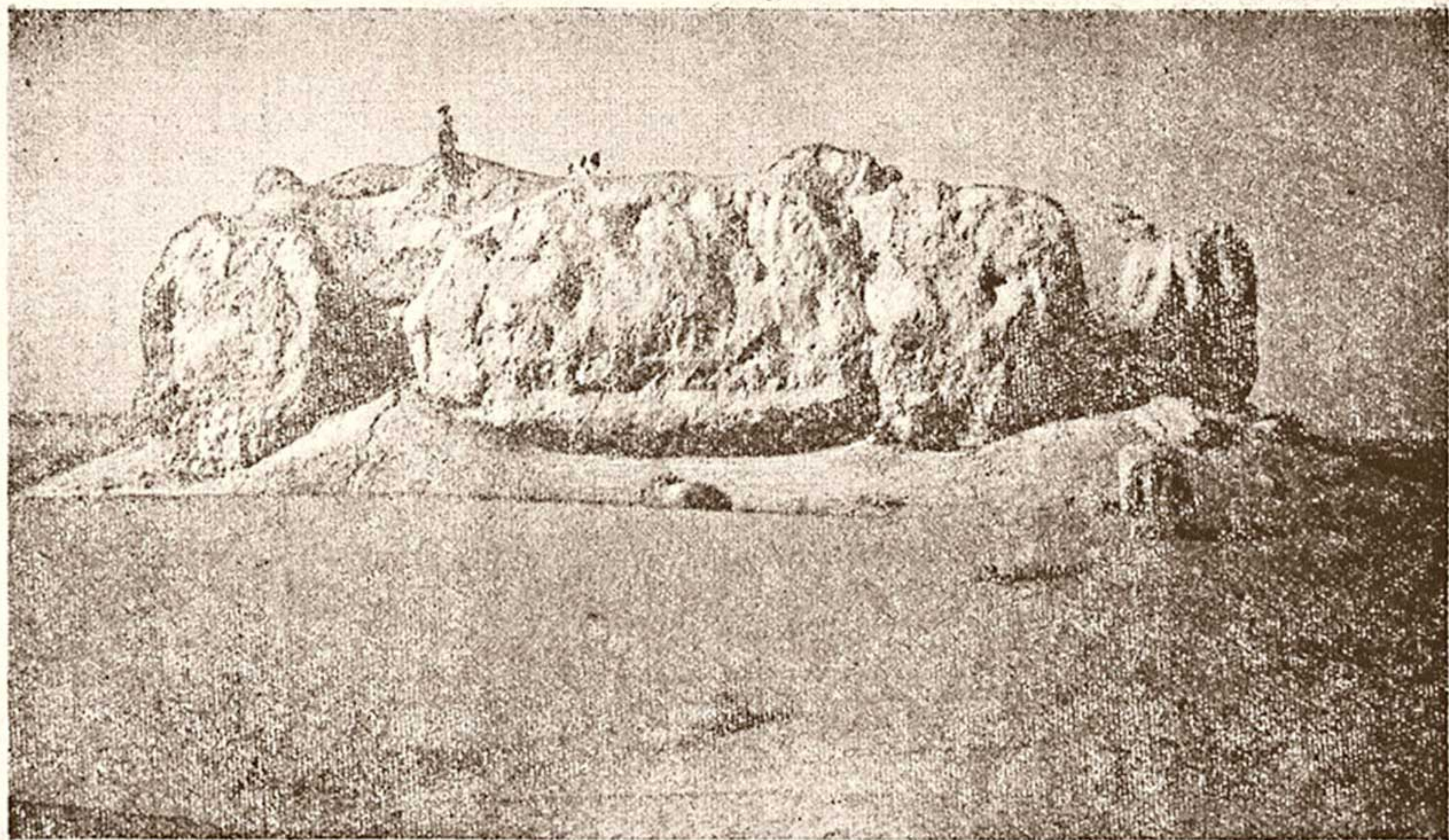


Рис. 2. Вид Бад-Асия с северо-востока.

Сооружение раскопано полностью; в комнатах 1, 2, 3, 5, 6 были заложены шурфы, а через помещение 7 и главный вход прорыта траншея.

Здание возведено на пахсовой платформе высотой 5,20 м. В центре юго-западного фаса она образует два выступа, выдвинутые по отношению к плоскости стены на 1,5 м и оформляющие расположенный здесь вход в здание двумя пилонами. Выявлен общий план, недостающие детали которого легко восстанавливаются (на плане показаны пунктиром, см. рис. 3).

Центральное положение занимает комната 1, контуры которой можно было проследить по рельефу до раскопки. Размеры комнаты — $7,50 \times 4,50$ м², по четырем сторонам проходят суфы шириной 0,95 м и высотой 0,55 м. Суфа, примыкающая к северо-западной стене, не доходит до западного угла комнаты, отделена от него перегородкой (ширина 0,40 м), угол которой оформлен выемкой. Перпендикулярно к оси входа поставлена тонкая стена (0,30 м), которая под прямым углом переходит в перегородку (ширина 0,75 м), отделяющую край юго-западной суфы от дверного проема, и тем самым образует сложный коленчатый вход. При таком устройстве входа внутренность комнаты была скрыта от взоров находящихся в помещении 7, которое, возможно, представляло собой крытый дворик⁶. В южном углу впритык к суфе в пол вкопан хум (сохранилась нижняя часть), обмазанный толстым слоем глины с саманом. В северо-восточной половине комнаты 1 на равном расстоянии от суф из сырцового кирпича сложено прямоугольное возвышение размерами $1,20 \times 1,10$ м² с высотой, сохранившейся на 0,20 м.

Такого рода возвышения, располагавшиеся в центре помещений с суфами, обнаружены при раскопках усрушанского замка VII — начала IX вв. н. э.⁷ и хорезмийских памятников: донжона крепости Беркут-кала и замка № 19 VIII в. н. э. в Беркуткалинском оазисе⁸, замка конца IV — начала V в. н. э. Барак-там⁹. На верхних плоскостях этих возвышений имеются прослойки золы. Исследователи справедливо

⁶ До недавнего времени в Узбекистане у дверей, выходящих на улицу, делались специальные перегородки, мешавшие видеть внутренность двора с улицы, когда открывалась дверь.

⁷ Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Усрушанский замок в Шахристане, СА, 1959, № 2, стр. 207.

⁸ Е. Е. Неразник, Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. I, М., 1959, стр. 102, 115.

⁹ Е. Е. Неразник, М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки Барактама-I в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. I, М., 1959, стр. 90.

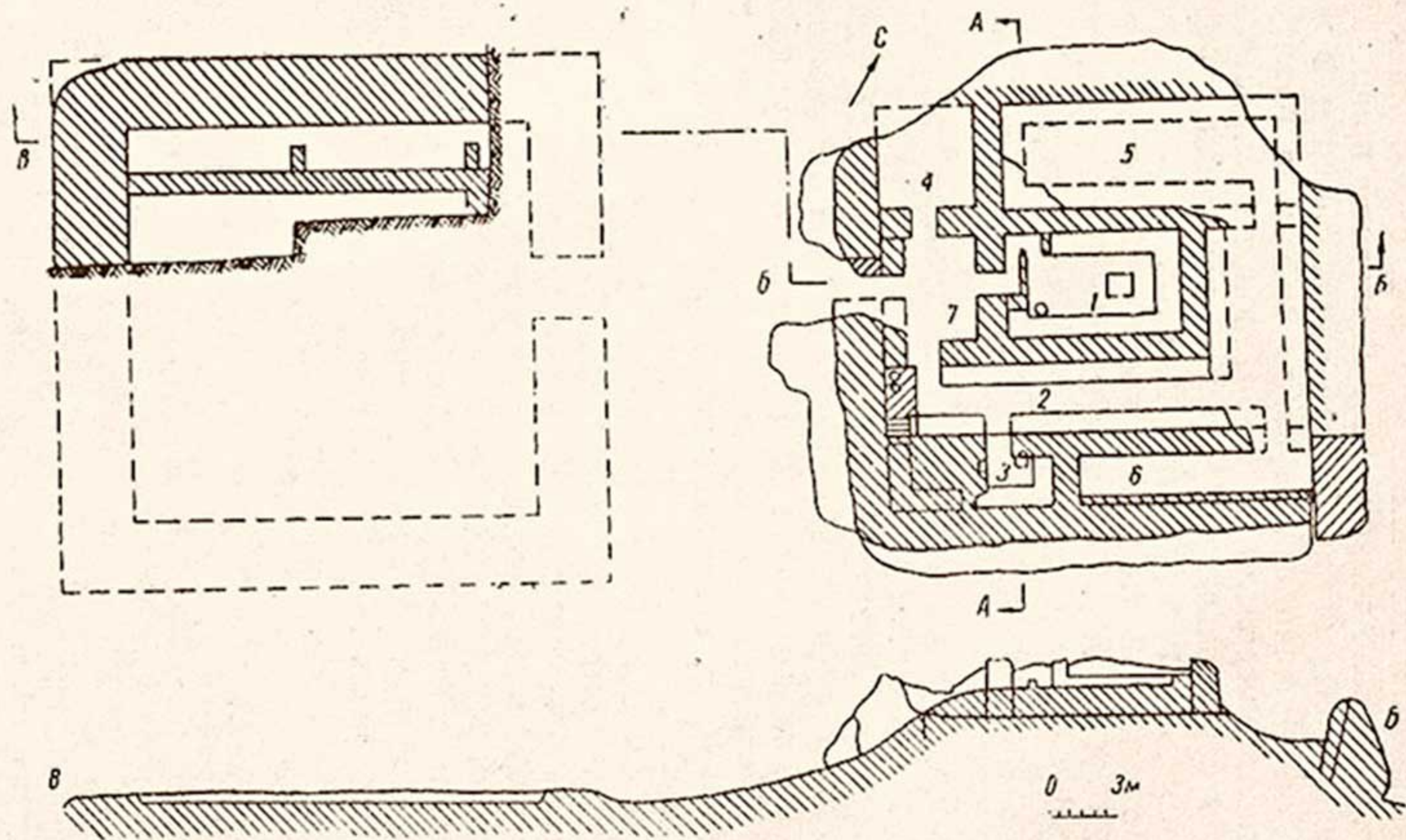


Рис. 3. План и разрез замка.

считают эти возвышения приспособлениями для обогрева. Надо полагать, что и возвышение в комнате 1 служило для этой цели.

Для усрушанского замка¹⁰, донжона Беркут-калы¹¹, подобно замку Бад-Асия, характерно сочетание таких элементов как возвышения жаровни и барьеры, отделяющие суфы от прохода. Особенно широко этот последний прием применен в усрушанском замке. То же наблюдается и в жилом комплексе VII — начала VIII вв. на городище Кува¹². Обе эти особенности, вероятно, имели широкое распространение в жилищном строительстве (Хорезм, Усрушана, Фергана, Пайкенд) в период между VII и IX вв. н. э.

С северо-западной стороны к комнате 1 примыкает комната 5 ($12,45 \times 4,8$ м²). Стены и полы ее размыты, только в южном углу отчасти сохранилась суфа и над ней узкая (0,13 м) полоска штукатурки, окрашенная в интенсивный красный цвет.

Западный угол здания занимает квадратная комната размером $4,50 \times 4,50$ м².

С двух сторон комнату 1 охватывает вытянутое коленчатое помещение с суфами. Подобное коленчатое помещение, с двух сторон окаймляющее центральную комнату, построено во второй строительный период на Балалыктепе в конце V — начале VI в.¹³. Несколько таких помещений раскопано в Пянджикенте¹⁴.

Несмотря на подсобную роль, которую, казалось бы, должно играть помещение такой конфигурации, стены его были покрыты росписями. Росписи сохранились в очень мелких фрагментах на поврежденных ветром и водой поверхностях стен, и определить их характер невозможно. Только в завале у входа в комнату 3 были обнаружены относительно крупные фрагменты. Фрагмент, изображенный на рис. 4, дает наиболее полное представление об орнаменте. На тон-

¹⁰ Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, указ. статья, стр. 206, 213.

¹¹ Е. Е. Неразик, указ. статья, стр. 102.

¹² Материалы Ферганского археологического отряда (руководитель Я. Г. Гулямов, работы производились В. А. Булатовой). Край суфы от прохода отделен барьером в жилой комнате VII—VIII вв. на городище Ак-Бешим; Л. Р. Кызласов, Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции I, т. II, М., 1959, стр. 169.

¹³ Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 116, рис. 92; стр. 125.

¹⁴ В. Л. Воронина, Архитектура древнего Пянджикента, МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 196, 199, 201, рис. 6.

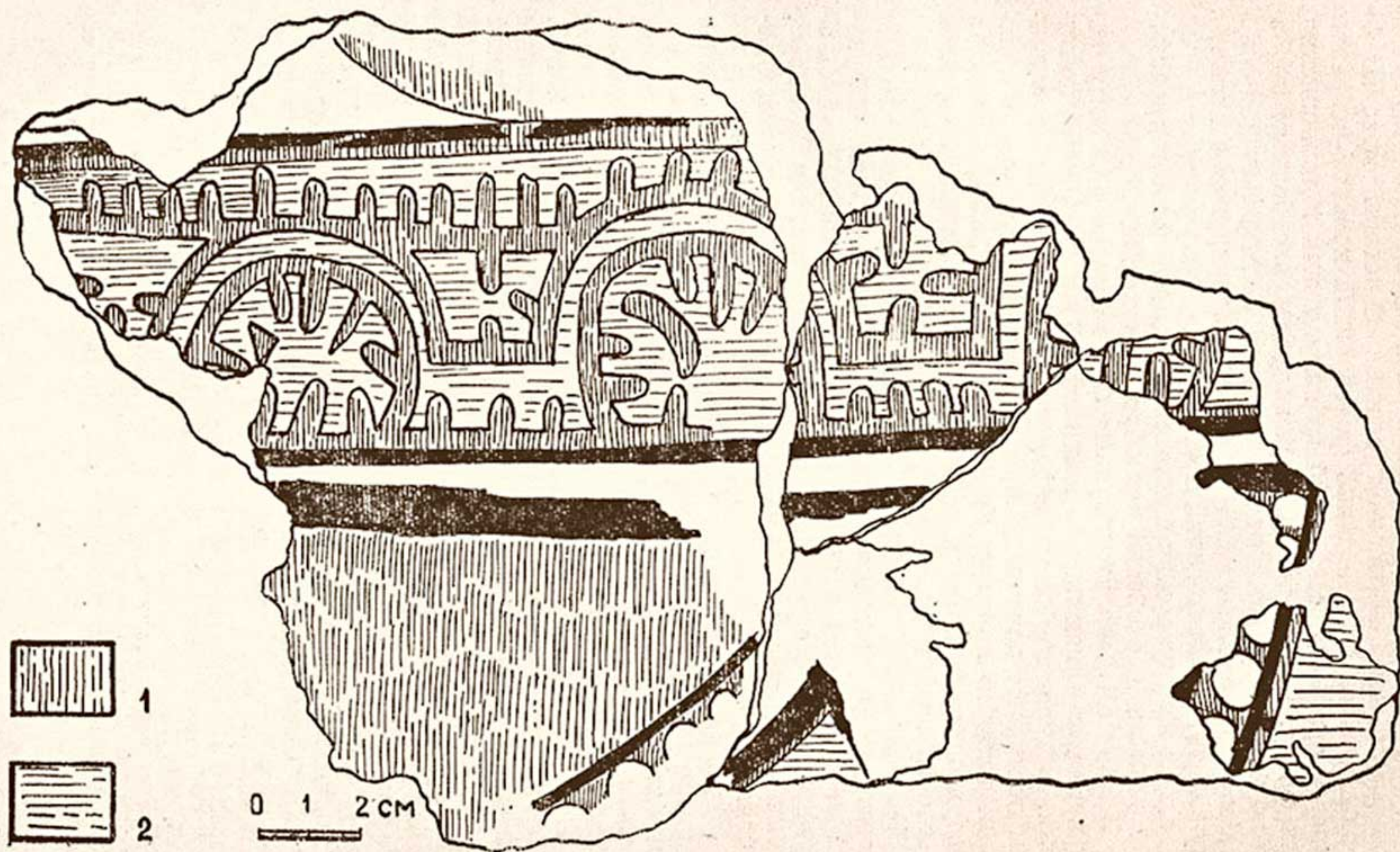


Рис. 4. Фрагмент настенной росписи.
1—красный цвет; 2—синий цвет.

кую известковую¹⁵ основу нанесена ярко-синяя кайма шириной 6,5 см, ограниченная красными, а поверх красных — черными линиями. На синий фон красной краской небрежно нанесен орнамент, состоящий из полукружий и трапециевидных фигур. Ряд темно-красных полукругов с белыми перлами по краю отделяется от каймы белой (незакрашенная основа) и черной полосками. Фоном для полукругов с перлами служил тот же ярко-синий цвет.

Круги и полукружия с каймой из перлов часто встречаются в живописи, особенно в изображениях тканей¹⁶.

На другом довольно крупном фрагменте по красному фону проходит синяя полоса шириной 3,3 см с черными контурами. Остальные более мелкие фрагменты росписи в основном повторяют описанный орнамент, но на двух из них красными тонкими линиями на белую основу нанесена сетка, а поверхности некоторых фрагментов окрашены в серый и светло-зеленый тона.

Основываясь на этих незначительных остатках, можно сказать, что в настенной росписи Бад-Асия применялись разной интенсивности красный (охра) и ярко-синий (ляпис-лазурь) тона. Часто использовалась черная краска (уголь)¹⁷, кроме того применялась серая и в малых количествах зеленая.

Художник, расписывавший помещения Бад-Асия, не был высококвалифицированным мастером и работал небрежно, о чем свидетельствуют неуверенность линий и несимметричность фигур, которые явно должны быть симметричными (например, полукружье с перлами).

По юго-восточному фасаду расположены комнаты 3 и 6. В первой из них размерами $2,9 \times 2,2$ м² стены прорезаны нишами, а большая часть площади занята суфой. Основание одной из ниш лежит на выстилке из одного ряда сырцового кирпича. Поверхность выстилки и ниши обожжена и закопчена. Узкая вытянутая комната 6 ($10,40 \times 1,80$ м²) разрушена ниже уровня полов. Южный угол здания занят массивом кладки ($4 \times 3,20$ м²), сохранившейся на высоту 1 м от пола помещения 2. Суфа этого помещения, проходящая вдоль кладки, не достигая юго-западной стены, прерывается,

¹⁵ Химический анализ произведен в лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР.

¹⁶ Сб. статей «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, Табл. XXVI, XXVII.

¹⁷ Качественный химический анализ красок произведен в лаборатории химической технологии Института истории и археологии АН УзССР. Состав зеленой краски установить не удалось из-за незначительности ее остатков.

и оставшееся метровое пространство занимают три ступени шириной 25—30 см. Здесь было место подъема на второй этаж или на крышу. В общем массиве положенных вперевязку кирпичей выделяется «г»-образная самостоятельная кладка шириной 0,90 м, представляющая собой часть лестничной спирали (сами ступени смыты).

Повседневная жизнь обитателей дома, вероятно, сосредоточивалась в комнате 1, интимность которой подчеркивается сложным устройством входа, а на обыденность ее назначения указывает хум. Парадным помещением следует считать вместительную комнату 5 с красными панелями и, надо думать, с росписями, не дошедшими до нас. Парадно был оформлен и переход в эту комнату по коленчатому помещению с расписанными стенами.

Кухней служило помещение 3, а узкое, вряд ли приспособленное для жилья, помещение 6, скорее всего также имело хозяйственное назначение и могло быть хранилищем.

Здание подвергалось ремонту, существенно не изменившему планировки. От момента основания его до ремонта, очевидно, прошел длительный период, в течение которого обрушились наружный восточный угол и часть стены у главного входа и пришел в негодность верхний этаж, в связи с чем перестала функционировать лестница. Обрушившиеся части стен восстановлены кирпичной кладкой, а тот участок помещения 2, где начинался подъем наверх, был заложен поставленным на ребро сырцовым кирпичом.

Центральная комната 1 на первом этапе обживания подверглась пожару, что видно по сильно закопченной поверхности первичной штукатурки стен, суфы и обмазки пола. После пожара комната штукатурилась дважды. В комнате 4 вся поверхность пола покрыта золой и угольками, но этот пожар следует отнести к более позднему времени, так как после него не производилось ремонта (слой золы и угольков непосредственно перекрывают натеки) и жизнь в доме прекратилась.

О характере наслоений можно судить по заполнению четырех комнат, состоящему в основном из слоистых натеков и размытых завалов. В комнате 1, кроме того, в северном ее углу прослежен плотный завал из сырцового кирпича, а у прохода на полу — свалка битой керамики с кусочками дерева и золой. В помещении 2, за стенкой комнаты 1 на 40—50-сантиметровом натежно-надувном слое, лежит слой керамики с золой, занимающий всю ширину помещения. Остальные помещения размыты до уровня полов или ниже.

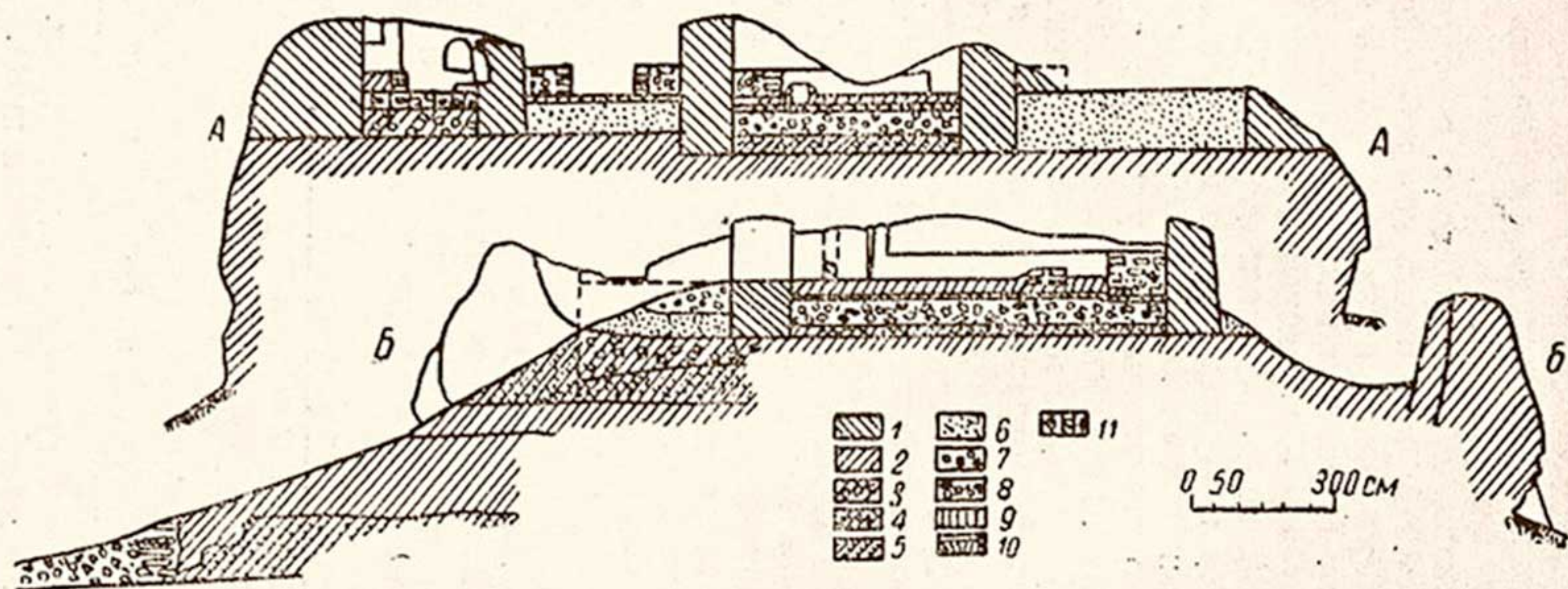


Рис. 5. Архитектурные и стратиграфические разрезы.

1— сырцовый кирпич; 2— пахса; 3— комковатая пахса; 4— пахса с гравием и песком; 5— пахса с гравием; 6— песок с гравием; 7— обломки сырцового кирпича; 8— комья глины и обломки сырцового кирпича; 9— слой, нивелирующий строительную площадку; 10— материковый слой; 11— комковатая пахса с золой и костями.

Весь керамический материал получен из упомянутых выше мусорных куч, содержащих одинаковые керамические формы. Другие слои дали незначительное количество невыразительных фрагментов, не считая венчика хума с вмятинами пальцами, найденного на полу комнаты 1.

Поливная керамика составляет менее 1/10 общего количества керамических форм и представляет собой фрагменты неглубоких сосудов разных диаметров с плавной линией корпуса и слегка вогнутым поддоном. Покрываются они прозрачной блестящей глазурью хорошего качества¹⁸ по белому ангобу, иногда с расплывчатыми зелеными потеками по краю (такой фрагмент найден в ремонтной кладке), чаще с темно-коричневым почти черным, и красновато-коричневым подглазурным орнаментом (рис. 6, 20, 21, 23—25). Найдены: один фрагмент стенки чаши с изломом, фрагмент с поверхностью, обработанной канелюрами и покрытой зеленой глазурью (рис. 6; 22) и фрагмент погремушки темно-зеленой поливы. В печных отвалах на городище Пайкенд среди прочей керамики найдены фрагменты сосудов с подглазурной росписью темно-коричневой и красновато-коричневой красками по белому фону вместе с монетами Насра II (914—943 гг.) и Абдал-Мелика ибн Нуха (958/59 г.)¹⁹. Разделка поверхности сосудов канелюрами обычна для керамики Пайкенда с зеленой поливой из тех же печных отвалов²⁰.

Неполивную керамику Бад-Асия грубо можно разделить на следующие группы:

1. Кувшины разных размеров.
2. Миски.
3. Сосуды особого назначения разных форм с отверстиями в стенках.
4. Крышки к различным по форме и размерам сосудам.
5. Тагора.

Преобладают кувшины с высоким узким горлом и плоской ручкой (рис. 6, 6—8, 11), венчик либо оформлен широким валиком, либо имеет прямой край. Распространена орнаментация углублениями, сделанными кончиком ножа. Тулова

¹⁸ Хорошее качество и сильный блеск пайкендской бесцветной глазури отметили Л. А. Зимин (Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда, ПТКЛА, Год 19, Ташкент, 1915, стр. 85 и сл.) и М. М. Дьяконов (Керамика Пайкенда, КСИИМК, XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 93).

¹⁹ А. Ю. Яковлевский, Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 58.

²⁰ Ф. А. Кондратьева, Керамика с зеленой поливой из Пайкенда, Труды Гос. Эрмитажа, т. 5, Л., 1961, табл. IV, 1—3, 7.

подобных кувшинов имеют крутые плечики с резким переходом к конической нижней части сосуда. Целые формы таких

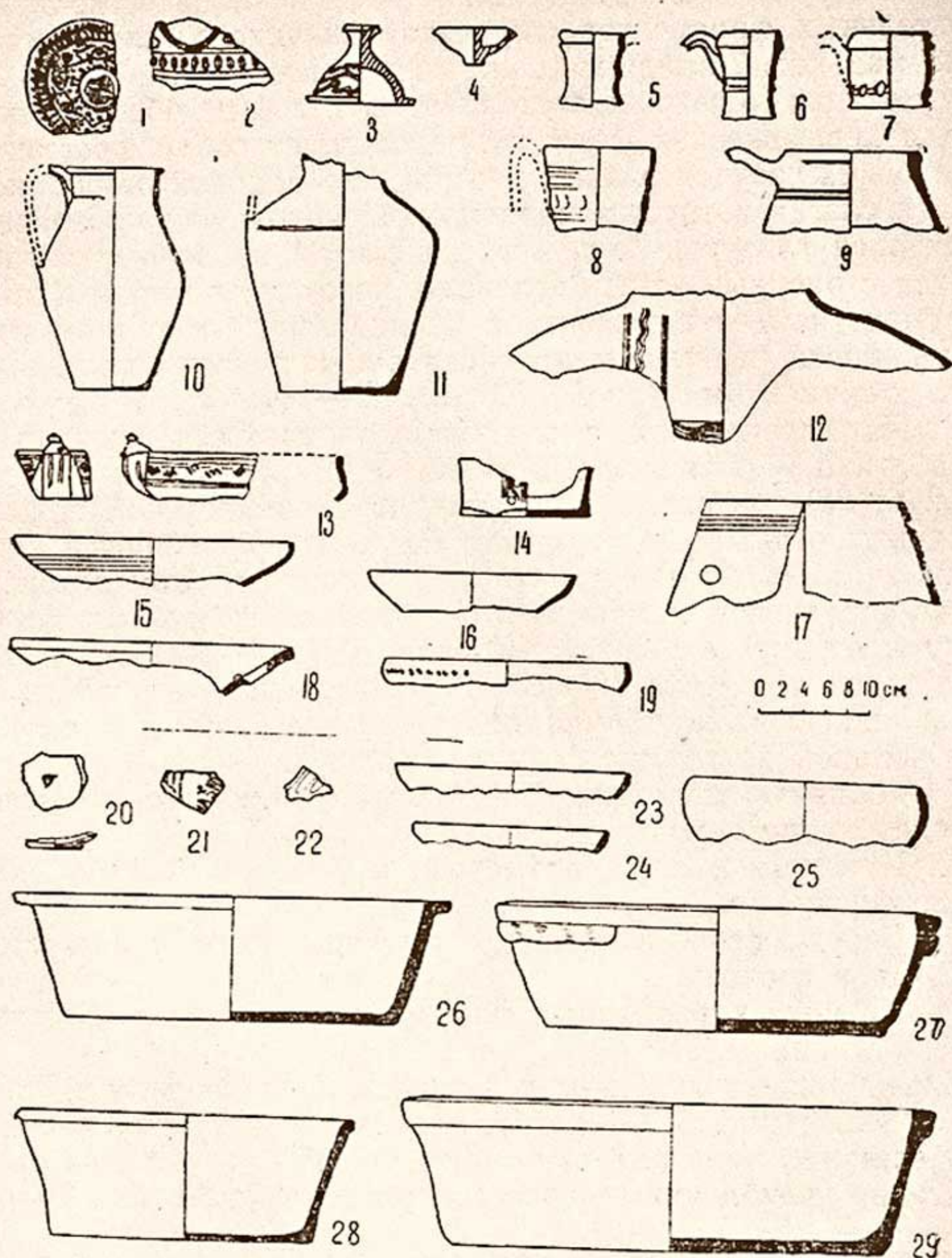


Рис. 6. Керамика из Бад-Асия.

кувшинов найдены при раскопках на Пайкенде Л. А. Зимин²¹. Встречаются фрагменты кувшинов с процарапанным орнаментом (рис. 6, 12).

²¹ Л. Зимин, Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда, ПТКЛА, год 19, Ташкент, 1915, табл. 10.

К другому виду кувшинов относятся широкогорлые, более массивные с жестко профилированным венчиком и очень пологими плечиками.

Донца кувшинов плоские, со следами песчаной подсыпки. Миски имеют коническую форму со слегка закругляющимися у края стенками. Много мисок с ребристой наружной поверхностью (рис. 6, 15). Найдено два фрагмента мисочки необычной формы с наклонным внутрь бортиком, орнаментированным вдавленными линиями (рис. 6, 13).

Сосуды с отверстиями диаметром от 0,3 см до 2 см представлены тремя формами: коническими мисками (рис. 6, 18), донцем кувшинообразного сосуда с двумя маленькими отверстиями и процарапанным орнаментом (рис. 6, 14) и фрагментами боченовидных крупных сосудов (рис. 6, 17).

Крышки делятся на три типа: плоские (рис. 6, 1, 2), полусферические выпуклые (рис. 6, 3) и вогнутые (рис. 6, 4). В их орнаментации применен штамп, насечки и налепы в форме кофейных зерен.

Края тагора либо оформлялись валиком, иногда с волнистым налепом под ним, либо под разными углами отгибались наружу.

Для изготовления керамики употреблялась преимущественно светложгущаяся глина. Изредка встречается черепок красного цвета. Поверхность сосудов покрывалась светлым ангобом.

Вся описанная керамика относится ко второму периоду существования сооружения и отчасти к третьему (о периодах см. ниже) и датируется на основании материалов, добытых раскопками на городище Пайкенд X в.

На основании данных стратиграфии и ремонта устанавливаются следующие периоды обживания дома. Первый период — от момента постройки здания до начала его разрушения. К этому периоду относится настенная роспись, следы которой обнаружены на плоскости стены, позднее перекрытой ремонтной кладкой.

Второй период — период ремонта, когда функционировал только нижний этаж, причем назначение помещений сохранилось прежнее.

И, наконец, третий, когда под жилье использовалась только комната 4. В это время шло интенсивное разрушение здания и в помещении 2 на полу успел накопиться натеchnо-надувной слой в 40—50 см, а в комнате 1 произошли частичные разрушения (завал в северном углу комнаты). Последние обитатели дома, расчищая себе место под жилье, свалили битую керамику своих предшественников в коленчатом

проходе комнаты 1 и в помещении 2. Сюда же они могли сбрасывать и свою битую посуду. Иначе объяснить появление больших керамических отвалов в полуразрушенной комнате трудно. Вряд ли обитатели низины стали бы подниматься на высоту более 8 м для того, чтобы выбросить мусор. Окончательно здание заброшено после пожара в комнате 4.

Здание возведено на предварительно сnivelированной площадке. Платформа сложена из пластов пахсы разной толщины и с различными добавлениями (рис. 5, А—А; Б—Б). В основании платформы лежит слой пахсы (1,30 м), содержащий гравий, над ним два слоя (толщиной 1,60 м и 0,70 м) очень плотной пахсы без примесей. На вышележащем слое, который содержит в большом количестве песок и гравий, возведена юго-западная внешняя стена. Внешний слой пахсы, образующий платформу, имеет комковатую структуру. Внешние северо-западная и юго-восточная стены выложены из сырцового кирпича от уровня платформы; две другие стены сложены из пахсы и кирпичная кладка их начинается только от уровня полов. Северо-восточная стена была расширена в процессе постройки дополнительной лентой пахсы толщиной 0,50 м и имела наклонную несколько вогнутую, выше переходящую в прямую, внутреннюю поверхность. Ширина внешних стен на уровне верхнего края платформы равна 2,5 м, кверху они резко сужаются. Плоскости стен имеют наклон в 73° и по горизонтали делятся на две части, причем нижняя, высотой 2 м от основания, западает по отношению к верхней внутрь стены, образуя навес в 0,40 м. Такое членение стен не соответствует конструкции здания.

Основания внутренних стен, целиком сложенных из сырцового кирпича, лежат на платформе. Ширина этих стен 1 м и 1,25 м. Полы подняты над основанием стен на 1,20 м и 0,90—0,95 м (рис. 5; А—А) с помощью различных заполнителей: в комнате 1 — последовательно наложенными слоями пахсы с гравием, трамбовки из комьев пахсы и битого сырцового кирпича и глиносаманной заливки.

Под обмазкой пола комнаты 3 лежит сорокасантиметровый слой мусора с большим количеством костей животных, ниже — комковатая пахса. Глиняные обмазки полов помещений 2, 5 и 6 нанесены непосредственно на слой песка, смешанного с мелким гравием. Песчаные засыпки под полами известны, но там на песке лежит еще 45 см сцементированного слоя строительного мусора с песком²².

²² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 105; В. Л. Воронина, Строительная техника древнего Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М., 1952, стр. 88.

Стены строились и впритык, и вперевязку, иногда впритык под полом, а выше — вперевязку. Характерно, что стена от одного стыка до другого возводилась сплошной лентой до заранее рассчитанного уровня полов, и только тогда в ней оставлялось пространство для дверного проема. Все полы находятся на одном уровне, за исключением комнаты 3, где слегка завышенный порог заставил повысить и уровень пола. При перестройках уровни полов, как это часто наблюдается на других памятниках, не повышались. Суфы строились уже на подготовленных полах, причем по краю и сверху выкладывались из кирпича, а внутри забивались строительным мусором.

Перекрытия, по-видимому, были плоскими, балочными, на что указывает большое количество угольков, покрывавших пол комнаты 4, погибшей в результате пожара, и наличие полусгнивших кусков дерева в мусорной куче в комнате 1. Освещение комнат 1 и 2 могло быть только верхним.

Сырцовый кирпич, использованный при строительстве стен, имел неустойчивый формат: $45-42 \times 29-30 \times 10$ см; $38 \times 27 \times 10$ см; $37,5 \times 26,5 \times 11,5$ см; $36 \times 28 \times 9$ см; $36 \times 25 \times 11$ см; $35 \times 27 \times 10$ см. Те же варианты размеров наблюдаются и в ремонтных кладках. Чередование ложковых и тычковых сторон в кладке не соблюдалось. Ширина вертикальных швов колеблется от 5 до 10 см, ширина горизонтальных всегда 10 см. Ремонтные кладки очень небрежны, ширина горизонтальных швов колеблется от 10 до 16 см.

При ремонте стены у главного входа применена комбинированная кладка, где в пахсу приблизительно в шахматном порядке небрежно уложены крупные обломки сырцового кирпича. Обломки жженого кирпича ($? \times 19 \times 3,5$ см) использованы в выстилке порога комнаты 4, и появление его здесь относится к последнему периоду жизни дома.

Пахса, примененная при возведении платформы, клалась не только горизонтальными пластами толщиной от 0,40 м до 1,75, но и вертикальными вдоль плоскости стен (рис. 5, Б—Б).

По юго-западному фасу у подножья стен описанного выше здания располагалась квадратная постройка. Поскольку от последней сохранились лишь незначительные остатки, к тому же перекрытые толщей песка, была раскопана наиболее доступная часть ее, примерно одна треть площадки. Стена шириной 2,90 м окружала правильный квадрат (17×17 м²), внутри которого по северо-западной стороне раскопаны два узких помещения ($6,90 \times 1,90$ м²). До нас

дошли только основания стен в 2—3 ряда кирпича, лежащие непосредственно на материковом слое.

Со стороны этой постройки, представлявшей собой обширный двор, окруженный помещениями, платформа здания выступает на 6 м вперед по отношению к наружным стенам и образует основание пандуса (угол наклона $15-16^\circ$), соединявшего оба сооружения в единый комплекс.

Такое сочетание хозяйственного двора с укрепленным домом характерно для замков, возникших в период зарождения феодальных отношений.

Удобным местоположением замка на краю оазиса и господством над окружающей местностью обеспечивался его контроль над границей оазиса со степью. Постройка замка, вероятно, относится к VIII—IX вв., когда существовали упоминаемые в источниках многочисленные рабаты Пайкенда²³. Обширный двор замка при необходимости мог использоваться в качестве одного из таких рабатов.

Запустение рабатов по времени совпадает со вторым периодом жизни замка, когда оборонительное значение последнего было утрачено. В трехстах метрах к юго-западу от замка в низине между подножьем возвышенности и современным сбросовым каналом прослеживаются следы поселения (рис. 1), занимавшего площадь не менее 5 га. Над относительно ровной поверхностью на 4,5 м поднимается тепе диаметром 25 м. Вокруг тепе видны вытянутые прямоугольные контуры стен, когда-то ограждавших дворы, размерами $40 \times 20 \text{ м}^2$, $60 \times 20 \text{ м}^2$; $60 \times 40 \text{ м}^2$; $100 \times 50 \text{ м}^2$. Внутри трех дворов, в одном из углов каждого, расположены квадратные, слегка возвышенные площадки — остатки строений площадью не более $7 \times 7 \text{ м}^2$. Пять дворов составляют единый комплекс, образуя прямоугольник, одной из сторон которого служит русло арыка. Здесь расчищен водопровод из керамических труб.

Другая обособленная группа построек примыкала к тепе. Здесь на поверхности хорошо прослеживается пятно обжигательной печи. Причем тепе, видимо, относится к значительно более раннему времени. Еще одна обжигательная печь располагалась у подножья возвышенности рядом с удлинённым водоемом, к которому подходит ответвление главного русла арыка. Совершенно обособлена печь, раскопанная нами на верхней площадке возвышенности. Она была пристроена к восточной стенке науса 24. В плане печь представ-

²³ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 121.

ляет собой неправильный квадрат со стороной 3 м (рис. 7). Сохранилась только нижняя часть топочной камеры размерами $2 \times 2 \text{ м}^2$, с основаниями арочных устоев по четыре с каждой стороны. Узкое (0,35 м) топочное отверстие на

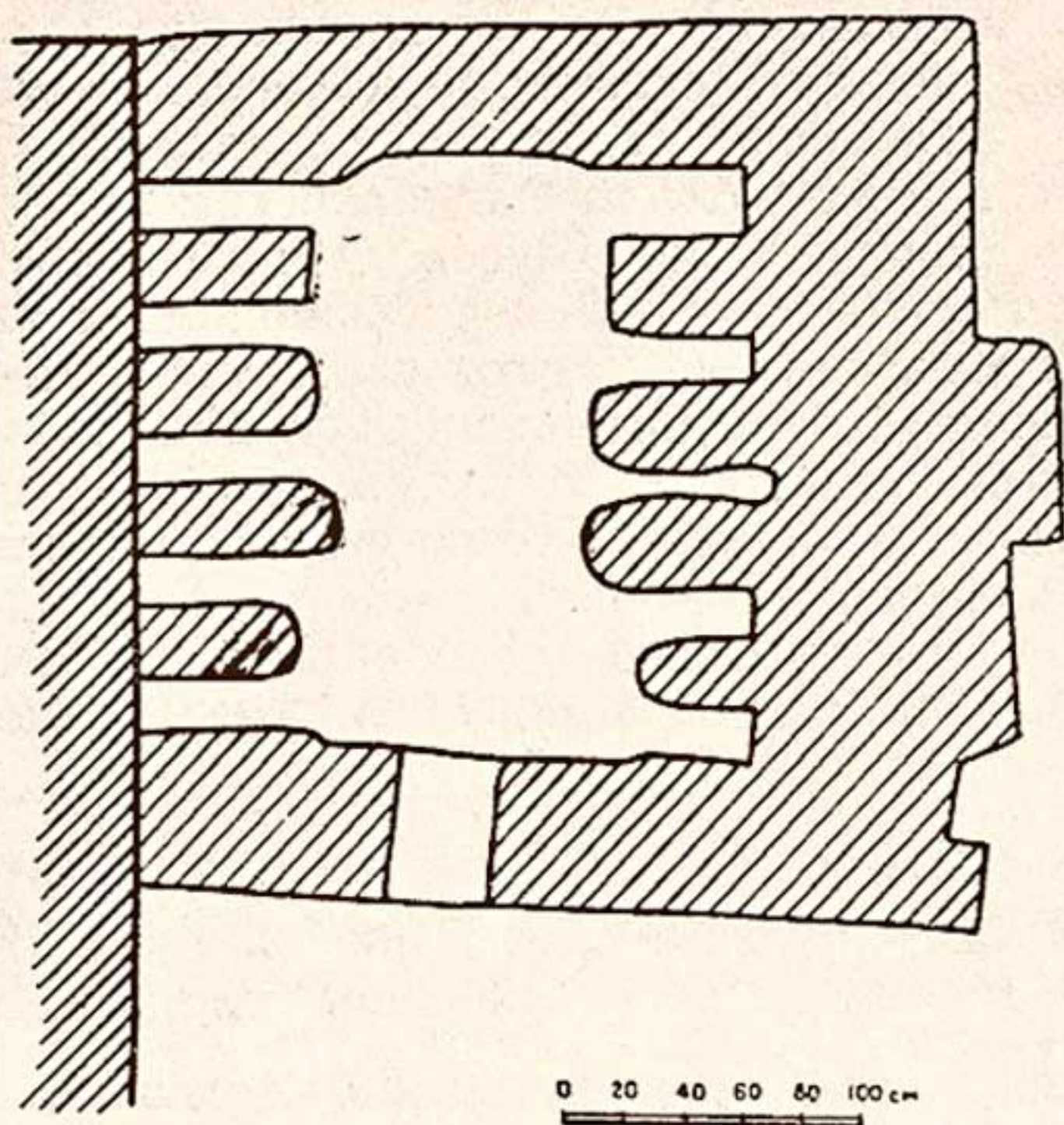


Рис. 7. План обжигательной керамической печи.

0,40 м приподнято над землей. Тут же у восточной стены сбрасывались зола, шлаки, брак. Найдено около 30 фрагментов керамики, только два из которых поливные (подглазурная коричневая роспись).

Поселение около замка и рабат Пайкенда, остатки сооружений которого проследил еще Л. А. Зимин²⁴, а В. А. Шишкин²⁵ нанес на план, объединялись руслом большого арыка.

Непрерывная линия русла арыка хорошо заметна на протяжении почти 1 км. Направление его совпадает с направлением отдельных отрезков арыка, зафиксированных в 1939 г. Общая протяженность русла более 3 км; если это не русло главного канала, снабжавшего Пайкенд водой, то во всяком

²⁴ Л. Зимин, Развалины Старого Пайкенда, ПТКЛА, год 18, стр. 86.

²⁵ А. Ю. Якубовский, Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 61.

случае русло большого арыка; на плане 1939 г. по его направлению видны остатки валов.

К наиболее ранним находкам на территории поселения относятся каменные орудия конца неолита или начала бронзовой эпохи²⁶, собранные сотрудником экспедиции 1956 г. Х. Дуке на выдутых ветром площадках дворов.

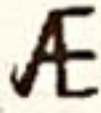
Монетные находки (скифатные монеты, монета китайского образца) указывают на то, что территория поселения в какой-то мере была обжита в доарабское время, в период постройки и использования наусов. Однако подъемный керамический материал, сходный с раскопанным в замке, и тахиридские и саманидские монеты относятся к IX—X вв.

Вся площадь бывшего поселения покрыта керамическими шлаками, которые наряду со следами печей указывают на его ремесленный характер. Жители его занимались производством керамических изделий.

Возможно, что поселение, располагаясь на землях замка, занимало подчиненное по отношению к нему положение.

* * *

При работах в окрестностях Пайкенда около Бад-Асии и на самом городище были найдены следующие монеты.

1. Кушанская I в. н. э. , вес—1,90 г, диаметр 1,51 см (городище).

Толстый монетный кружок имеет неправильную форму. На лицевой стороне—стоящая фигура, на оборотной—стоящая фигура с животным за спиной. Изображения видны плохо.

2. Три скифатные монеты найдены в районе Бад-Асия. Поверхности их абсолютно стерты. Однако совершенно очевидно, что относятся они к хорошо известному теперь благодаря сборам на Варахше²⁷ и Пайкенде²⁸ бухарскому чекану с изображением на лицевой стороне головы в профиль, а на оборотной—жертвенника с надписью вокруг него. Выпуск монет этого типа М. М. Явич относит к III—IV вв.

²⁶ Датировка А. П. Окладникова, См. Л. Х. Шарипова, Новые находки каменных орудий в Бухарской области, «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 74—75.

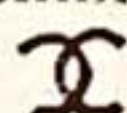
²⁷ В нумизматической коллекции Института истории и археологии АН УзССР таких монет, происходящих из Варахши, более 80.

²⁸ А. Ю. Якубовский, Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 63; Р. Кесати, Раскопки на Пайкенде в 1940 году, Сообщения Гос. Эрмитажа, IV, Л., 1947, стр. 28. Два экземпляра найдены автором статьи при раскопках пайкендских наусов.

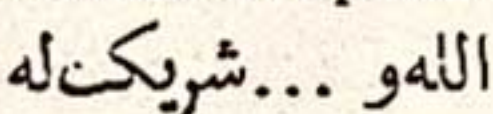
н. э. и, основываясь на изменении типа жертвенника и начертания отдельных знаков надписи, считает его длительным²⁹.

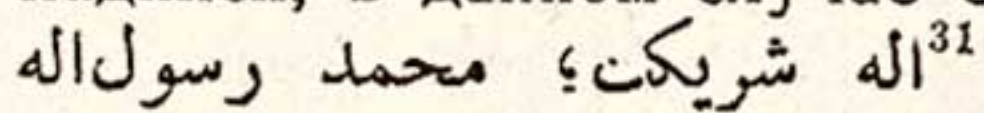
Материалы с городища Варахша, где скифатных монет найдено большое количество, не противоречат такой датировке, но и не уточняют ее³⁰.

3. Литая монета китайского образца с квадратным отверстием VII в. , вес—0,74 г, диаметр—1,50 см (район Бад-Асия).

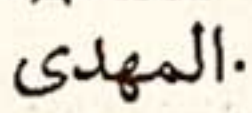
Изображения только на одной стороне. По бокам отверстия знаки , внизу знак десятки „ши“ , вверху неизвестное согдийское слово w'β. Определена О. И. Смирновой.

4. , вес—1,26 г, диаметр—1,70 см (городище).

На одной стороне знак , на оборотной арабская надпись 

Несколько экземпляров монет с таким знаком найдены на Варахше. Надписи на них сделаны неумелой рукой. На одной из варахшских монет вместо надписи лицо в анфас. Монеты, видимо, относятся к началу установления в Мавераннахре арабской власти, когда на монетах местных типов появляются арабоязычные надписи, в данном случае символ веры в разных вариантах ³¹

5. Монета, содержащая большое количество серебра³², весит 2,5 г, диаметр ее 2,48 (район Бад-Асия).

Лиц. Бюст царя в зубчатой короне, увенчанной полумесяцем с точкой. Справа надпись бухарским вариантом согдийского алфавита, слева .

Обор. Схематизированное изображение жертвенника и стражей³³.

²⁹ М. М. Явич, Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите, ТОВЭ, т. IV, стр. 216, рис. 6, 7, стр. 218.

³⁰ В. А. Шишкин, Варахша, стр. 140—142, рукопись.

³¹ Нумизматическая коллекция Института истории и археологии АН УзССР, № 7/214, 4/114, 1/61, 2/20, 62.

³² Качественный химический анализ произведен Л. И. Ждановой в лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР.

³³ J. Walker датирует монеты этого типа временем правления хорасанского наместника Мусейяба ибн Зухейра 779/780—782/783 гг. при Халифе Махди. В его каталоге помещены 19 таких монет, вес их колеблет-

6. Фельс 143 г. х. (760/761 г. н. э.). Æ , вес—2,23 г, диаметр—2,02 см (городище).

Лиц. в поле $\text{لااله الاالله وحده}$

Кругом: $\text{بسم الله... سنة ثلث و ار [بعين]}$

Обор. В поле: محمد [رسول] الله

Кругом: $\text{امربه الا... المه [دى] الامير محمد [د]... مومنين}$ ³⁴.

7. Фельс 151 г. х. (768 г. н. э.), Æ , вес—1,40 г., диаметр—1,72 см (район Бад-Асия). Монета сильно потерта. На оборотной стороне в поле: $\text{محمد (الله) رسول الله}$. Круговые легенды совсем не читаются.

Поскольку подобного типа монеты известны по публикациям³⁵ с полной надписью, этот экземпляр определяется как фельс, чеканенный в 151 г. в Бухаре.

8. 253 г. х. (867 г. н. э.). Æ , вес—2,52 г; диаметр—2,30 см (район Бад-Асия).

Лиц. В точечном ободке в поле: $\text{لااله الا الله وحده}$
 لاشريك له

Кругом между точечными ободками: $\text{ضرب ببخارا على يدى خالد بن احمد سنة ثلث و خمسين}$

Слово, обозначающее сотни, опущено за недостатком места.

Обор. В точечном ободке в поле: $\text{الله محمد رسول الله}$
 خالد

Круговая легенда не читается.

ся от 2,00 до 3,23 г, диаметр в среднем 2,5 см, металл определен как билонный; J. M. A. Walker, A Catalogue of the Arab—Sassanian Coins, London, 1941, XCI—XCII; 164—166; XXIX, 1—16. См. также М. Е. Массон. К вопросу о „черных дирхемах“ Мусейяби, Труды Института истории и археологии, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 181; Е. А. Давидович, О загадочных дирхемах Мусейяби, Мухаммеда и Гитрифи, XXV Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР, М., 1960.

³⁴ См. В. Тизенгаузен, Монеты Восточного Халифата, СПб, 1873, стр. 71—72, № 724; А. А. Быков, Новый клад медных куфических монет из Таджикистана, Гос. Эрмитаж, Труды отдела нумизматики, т. I, Л., 1945, стр. 88.

³⁵ См. В. Тизенгаузен, указ. работа, стр. 83—84, № 802.

Монеты Халида ибн Ахмада — наместника Мухаммада ибн Тахира в Бухаре — уже находили на городище Пайкенд³⁶.

Около 20 монет этого типа с именем خالد найдено на городище Варахша³⁷.

На всех монетах читается (когда возможно) одна и та же дата—253 г. х.

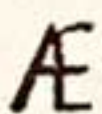
Круговая легенда оборотной стороны: امر به الامير محمد

بن ظاهر مولى الامير المومنين

9. 253 г. х. , вес—1,21 г, диаметр—1,92 см (район Бад-Асия).

Лицевая сторона стерта.

На оборотной стороне в поле: لله | محمد | رسول | الله | خالد

10. 253 г. х. , вес—1,72 г, диаметр—1,55 (городище).

Лиц. В поле: لا اله الا الله وحده | لا شريك له

В круговой легенде можно прочесть: ...على يدي

Обор. В поле: لا اله الا الله | محمد | رسول | الله | خالد

Круговая легенда не читается.

Если чтение имени خالد на этом экземпляре правильно

(из-за малых размеров монеты буквы очень мелкие и χ видна не четко), то перед нами три медные монеты разного достоинства, выпущенные в Бухаре местным правителем Халидом ибн Ахмадом в период правления Мухаммада ибн Тахира (862—873 гг.).

В варахшской коллекции монеты с именем خالد представлены двумя размерами кружков: 1) 2,3—2,4 см, весом 2,69—3,15 г и 2) 1,9 см, весом 1,05—1,35 г.

11. , обломок монеты с именем Насра ибн Ахмада (городище).

В круговой легенде лицевой стороны видно: ببخارا

На оборотной стороне в поле: نصر

³⁶ Л. Зимин, Развалины Старого Пайкенда..., стр. 87.

³⁷ Опись нумизматической коллекции с городища Варахша и ее окрестностей составлена В. А. Шишкиным. См. также Ch. M. Fгаehп, Recensio muporum Muhammedanorum Academia Imp. Sciens, Petropoli, MDCCCXVI, № 11.

Кругом: نصر بن احمد مولى...

Фельсы с такой легендой в большом количестве найдены на городище Варахша и датируются временем правления Насра II ибн Ахмада (914—943 гг.)³⁸.

12. Фельс Насра II ибн Ахмада 303 г. х. (915/916 гг. н. э.).

Æ, вес—1,80 г, диаметр—2,05 (район Бад-Асия). Лиц. В поле в линейном ободке сверху полустертая виньетка, под ней в три строки:

(вместо وحده) محمد | الله | لا اله الا

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلّس ببخارا سنة ثلث وثلث مائه

Обор. В поле в точечном ободке: لله | محمد رسول | الله | نصر

Кругом: مما امر به... نصر احمد اعده الله

13. Обломок медной монеты с именем عبد الملك بن نوح

(343—350 г. х.; 954—961 гг. н. э.) (городище).

14. Обломок фельса 349 г. х. (960/961 г. н. э.) (городище).

15. Фельс Мансура ибн Нуха 362 г. х. (972/973 г. н. э.).

Æ вес—2,40 г, диаметр—2,68 см (городище). Лиц. В точечном ободке в поле: لا اله الا الله وحده لا شريك له

Над верхней строкой точка.

Кругом: بسم الله ضرب هذا الفلّس ببخارا سنة اثنين وستين

و ثلث مائه

На оборотной стороне в точечном ободке в поле: لله محمد

رسول الله | منصور | بن نوح

Кругом: مما امر به الامير السيد الملك المظفر ايد الله

16. Фельс Мансура ибн Нуха. Æ вес—2,16 г; диаметр—2,4 см (Наус 8, дерновы́й слой).

Лиц. В поле: لا اله الا الله وحده | لا شريك له

Над верхней строкой точка.

Кругом ضرب هذا الفلّس

Обор. В поле: لله | محمد | رسول | الله | نوح

Кругом: [مما امر] به الامير السيد الملك المنصور

³⁸ Опись нумизматической коллекции с городища Варахша составлена В. А. Шишкиным.

Монета принадлежит либо Мансуру I ибн Нуху (961—976 гг.), либо Мансуру II ибн Нуху (997—999 гг.).

17. Обломок медной нечитаемой монеты XI—XII вв. (городище).

Всего в наших сборах оказалось 18 монет, поддающихся определению, и 11 целых и ломаных — неопределимых.

Пять монет относятся к ранним этапам жизни города (№ 1—2) и предарабскому времени (№ 3), когда город уже был известен как большой и богатый «город купцов»³⁹; две — к первым векам утверждения арабов (№ 4—5) и 11 — ко второй половине VIII—X вв. Состав нумизматических сборов Н. Н. Одинцова на городище Пайкенд (36 монет, не считая обломков) и Зеравшанской археологической экспедиции (более 200 монет) 1939 г. близок к составу нашей малочисленной коллекции. Там также преобладают саманидские монеты⁴⁰.

Большая часть подъемных монет относится к интересующему нас периоду, когда город с его окрестностями жил интенсивной жизнью. Эти монеты соответствуют и основной массе подъемного материала.

³⁹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 121.

⁴⁰ Л. Зимин, Развалины Старого Пайкенда, стр. 88; А. Ю. Якубовский, Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г., ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 63—64.

В. А. БУЛАТОВА

**БРОНЗОВЫЙ ШТАМП ИЗ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА
VII—VIII вв. (ГОРОДИЩЕ КУВА В ФЕРГАНСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

При раскопках жилого комплекса VII—VIII вв., расположенного в Куве, к юго-западу от буддийского храма¹, в одной из комнат на полу возле суфы был обнаружен бронзовый штамп в виде диска диаметром 5,6 см, толщиной 0,2 см. На гладкой стороне его плоский выступ — ручка подтреугольной формы высотой 1,4 см. В нижней части выступа отверстие для шнура. Верхняя часть диска разбита, вследствие чего утрачен узкий сектор. Сохранившийся фрагмент подклеен, но образовавшаяся лакуна уже не восполнима.

На лицевой стороне в обрамлении из перлов (поясок шириной 0,4 см, перлы диаметром 0,3 см) изображен в сидячем положении полуобнаженный полный мужчина в широких штанах, лежащих мягкими свободными складками. К поясу штанов слева прикреплен небольшой овальный предмет. Ноги, подогнутые и вывернутые пятками вверх, обуты в мягкие сапожки до колен. Правой рукой мужчина упирается в бок, в левой, поднятой на уровень лица, он держит ритон обычной формы — в виде вытянутого изогнутого конуса, нижний конец которого завершается, очевидно, фигуркой. Рядом с левой рукой, в свободном поле, бурдюк, под правой — кувшин грушевидной формы на высоком поддоне. Короткая горловина его заканчивается вытянутым «утиным» носиком. От горлышка к тулову прикреплена слегка изогнутая ручка. Форма позволяет предположить, что кувшин металлический.

Голова, окруженная нимбом, плохо сохранилась (дефектной оказалась именно эта часть штампа) и лица не видно. Единственно, что можно определить, это поворот полного лица влево и обрамляющие его волосы или сложный головной убор. Поворот головы и абрис лица типичны для живо-

¹ В. А. Булатова, Буддийский храм в Куве, СА, 1961, № 3.

писи Пянджикента и Балалыктепе, где луноликие витязи и знатные дамы сидят, жеманно повернув головы друг к другу³. Поворот лица на три четверти при фронтальном положении фигуры — характерная черта искусства раннего средневековья.

Судя по всему, штамп, найденный в Куве, мог быть применен как форма для оттиска изображений на сосудах для вина или медальонах.

Относительно сюжета изображения на нашем штампе не может быть двух мнений — это сцена возлияния, и главный ее персонаж Кувера — бог вина и производящих сил приро-



Металлический штамп из Кувы.

ды. Трактовка образа реалистическая, даже с привкусом бытовизма, что сразу же отличает его от эллинистических прототипов и тем более от несколько изысканного юношески стройного Диониса. Сама по себе тема возлияния широко отражена как на бытовых предметах (торевтика, керамика), так и в монументальной живописи Средней Азии, но центральный персонаж ее чаще всего — правитель, один или с стоящими возле слугами, держащими кувшины и меха с вином. Для него характерна поза уже какого-то канонизированного образца — царь, в сознании своей безграничной вла-

³ Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, табл. 96, 105, 108, 121; М. М. Дьяконова, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., табл. VII, X. XIV.

сти и могущества, сидит поджав ноги, в правой руке — кубок или чаша, левая упирается в бок⁴. Эта же поза придана и нашему божеству.

Ближайшей аналогией ему является сцена возлияния на серебряном блюде из Северного Пенджаба, где изображен Кувера с предстоящей возле Харити, в обрамлении из виноградной лозы (см. Я. И. Смирнов. Восточное серебро, 1909, рис. 41).

Изображение Куверы органически вошло в мир местных художественных образов, не подменяя собой местные божества, а сливаясь с ними и перевоплощаясь в них. Этот образ соединяет в себе черты Йимы — первого царя, великого царя Севера и божества плодородия. Параллели — Кувера — Харити (инд.), Окшо — Анахита (иранск.).

Реалистичность образа, типичные детали часто приводили исследователей к мысли о влиянии греческой мифологии (Бахус, Дионис, Силен). Сходные формы религиозных верований проистекали из той общности путей развития человечества, которая создавала единые посылки для определенных этапов эволюции идеологических воззрений. Было бы странно искать аналогию в греческой религии — местные культы вполне самобытны⁵. Наш Кувера — земледелец и виноградарь. Он славно потрудился и теперь, окруженный плодами рук своих, готов воздать должное богам и самому себе.

Маскароны на керамических сосудах (чаще всего кувшины для вина) повторяют, бесконечно варьируя, все тот же лик благодушно ухмыляющегося Куверы. Олицетворяя сущность сосуда, содержащего пьянящий сок, маскарон одновременно как бы является и апотропеем. Традиция, известная в Средней Азии с незапамятных времен, могла и бога вина превратить в оберег для винных сосудов.

Кувера нашего штампа — это не молодой стройный юноша, а уже располневший коренастый мужчина, может быть, он был чернобородый, с пышной шевелюрой, как и полагается зрелому мужу, а может быть с лысиной, которую украшал венчик кудрей (часть их сохранилась в поле нимба). Однако его физический облик и торжественная, несколько застывшая поза, не позволяют сопоставлять этот образ с

⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.—Л., 1935, табл. 16, 18.

⁵ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 49—50. Это положение хорошо осветил М. И. Артамонов (Антропоморфные божества в религии скифов, Труды Государственного Эрмитажа, Археологический сборник, № 2, Л., 1961, стр. 58—59).

образом, всегда несколько гротескным, Силена. Можно привести аналогии с сосудом из Хотана, где штампом нанесено изображение сидящей фигуры полного лысого старика, держащего в правой поднятой руке ритон в виде быка. Тело старика прикрыто складками пышной одежды, голову окружает нимб⁶. Такая же голова лысого старика с бородой, усами и ритоном в руке встречается на ручках сосудов из «сасанидского» серебра⁷. Подобный оттиск головы, но в более художественном исполнении, нашел Г. В. Григорьев на Кафыр-кале⁸. Анализируя этот материал, исследователь с полным основанием относит его к произведениям художественной промышленности Согда, хотя при персонификации образов не может удержаться от сравнения с Силеном и «девами» буддийского пантеона⁹.

Следует особо подчеркнуть, что изображение старца или юноши типа Бахуса на сосудах среднеазиатского происхождения — тема, определенно отражающая местные религиозные воззрения, в какой-то мере совпадающие с дионисийским культом, но ни в коем случае не повторяющие его и не опускающиеся до гротеска.

Приведенные Г. В. Григорьевым маскароны, выполненные вполне реалистично, передают местные этнические типы и сопровождаются отнюдь не эллинистическими аксессуарами. Штамп из Кувы — один из этих типов. Если рассматривать его детально, то нужно указать на ряд бытовых подробностей, которые являются точными копиями предметов, отраженных в живописи и скульптуре Средней Азии VII—VIII вв. или найденных при раскопках памятников того же времени.

Обратимся к поясу — справа к нему прикреплен округлый предмет. Такие овальные или круглые предметы неоднократно встречаются в живописи и скульптуре, неизменно присутствуя на поясе воина¹⁰. Назначение их трактовалось различно — походные чаши, кошелек. Археологические данные и этнографические параллели позволили точно определить эту деталь костюма VII—VIII вв., сохранившуюся до

⁶ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, Л., стр. 29.

⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Указ. соч., табл. 52, 53.

⁸ Г. В. Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, XII, 1946, стр. 99—100.

⁹ Г. В. Григорьев, Указ. соч., стр. 100.

¹⁰ См. скульптуры воинов из Кувинского храма (экспозиция Института истории и археологии АН УзССР), на костюме воина терракотовой плитки Эрмитажа. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Указ. соч., рис. 9, стр. 57; Л. И. Альбаум, Указ. соч., рис. 112, 114, 115,

недавнего прошлого, как мешочек для мелочей, необходимых в походе, в число которых обязательно входили кремь и кресало¹¹. Ареал их распространения — Средняя Азия и Сибирь.

Мягкие, очевидно, кожаные сапожки без каблуков — это неизменная принадлежность костюма мужского населения Средней Азии. Они то узорные, как у юноши в сцене жертвоприношения (настенная живопись Варахши) или у царей, сидящих на тахте, то простые, как в сценах охоты и битв, но настолько своеобразные по форме, что их нельзя не узнать¹².

Широкие складчатые штаны — тип одежды, распространенной на Востоке и не принятой у греков. Изображены с передачей характерного среднеазиатского покроя.

Ритон, кувшин и бурдюк являются теми реалиями, которые отражают мир вещей, окружавший художника. Археологические находки в Кувинском жилом комплексе VII—VIII вв. и синхронных памятниках Средней Азии (Афрасаиб и др.) дают керамические комплексы, многократно повторяющие формы кувшина, запечатленного на штампе¹³.

Бурдюки известны нам по изображениям на предметах из серебра. Их длительное бытование зафиксировано и современными этнографическими данными. Что касается ритона, то его прототипы уводят нас в глубокую древность. Плавная изогнутая форма связана с первоначальным материалом — рогом, который получал некоторую обработку и художественное оформление. Позднее, при развитии ремесел, ритоны стали делать из глины, стекла, металла, бивней слона, не отказываясь от формы рога, но несколько варьируя ее. Употребление ритонов с их пережиточной, малоудобной в быту формой, как отмечают специалисты, позднее было связано с культовыми и обрядовыми церемониями¹⁴. Несомненно, такова же функция и нашего ритона, близкого по форме парфянским ритонам¹⁵. Однако трудно утверждать, что мастер пользовался парфянскими образцами для подражания. Оче-

¹¹ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, № 24, М., 1952, стр. 110.

¹² И. А. Орбели, К. В. Тревер, Указ. соч., табл. 5, 13, 16, 19.

¹³ Б. И. Маршак, Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., Труды Государственного Эрмитажа, т. V, Л., 1961, стр. 190, табл. 8; И. А. Орбели, К. В. Тревер, Указ. соч., табл. 16, 18; Л. И. Альбаум, Указ. соч., стр. 89, рис. 60, 61.

¹⁴ Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб, 1909, табл. XVII, рис. 41, 110; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959, стр. 67—69; М. И. Артамонов, указ. соч., стр. 85—86.

¹⁵ См. альбом иллюстраций: Парфянские ритоны Нисы, М., 1956.

видно, такая форма, наряду с конусообразной сфероконической или фигурной, употреблялась в Фергане, Согде и Шаше.

Художник, выполнивший кувинский штамп, был мастером своего дела. Твердой привычной рукой он лепит обобщенные формы тела, придает ему характерную позу, прихотливо укладывает складки ткани. Владея художественным чутьем, легко вписывает фигуру и предметы в круг, создавая уравновешенную и живописную композицию. Манера исполнения и уровень профессионального мастерства ставят этот штамп в один ряд с произведениями торевтов и коропластов Средней Азии V—VIII вв., знакомых нам по многим музейным собраниям (Эрмитаж, Музей истории АН УзССР в Ташкенте, Музей истории в Самарканде и другие). Этот вид искусства вводит нас в мир раннефеодальных образов и представлений, знакомит с верованиями, бытом и костюмами эпохи и, главное, служит точным мерилom высокой степени культурного развития народов Средней Азии на этом этапе.

Д. П. ВАРХОТОВА

ДВА СЕРЕБРЯНЫХ БРАСЛЕТА X—XI вв. ИЗ ЧИНАЗА

В мае 1959 г. сотруднику Института истории и археологии АН УзССР Х. Мухамедову были переданы два браслета, найденные школьниками чиназской школы № 2 при работах на пришкольном участке. После очистки оказалось, что браслеты сделаны из серебряной проволоки, перевитой несколько раз. Браслеты однотипны, хотя и несколько отличаются друг от друга (см. рисунок).

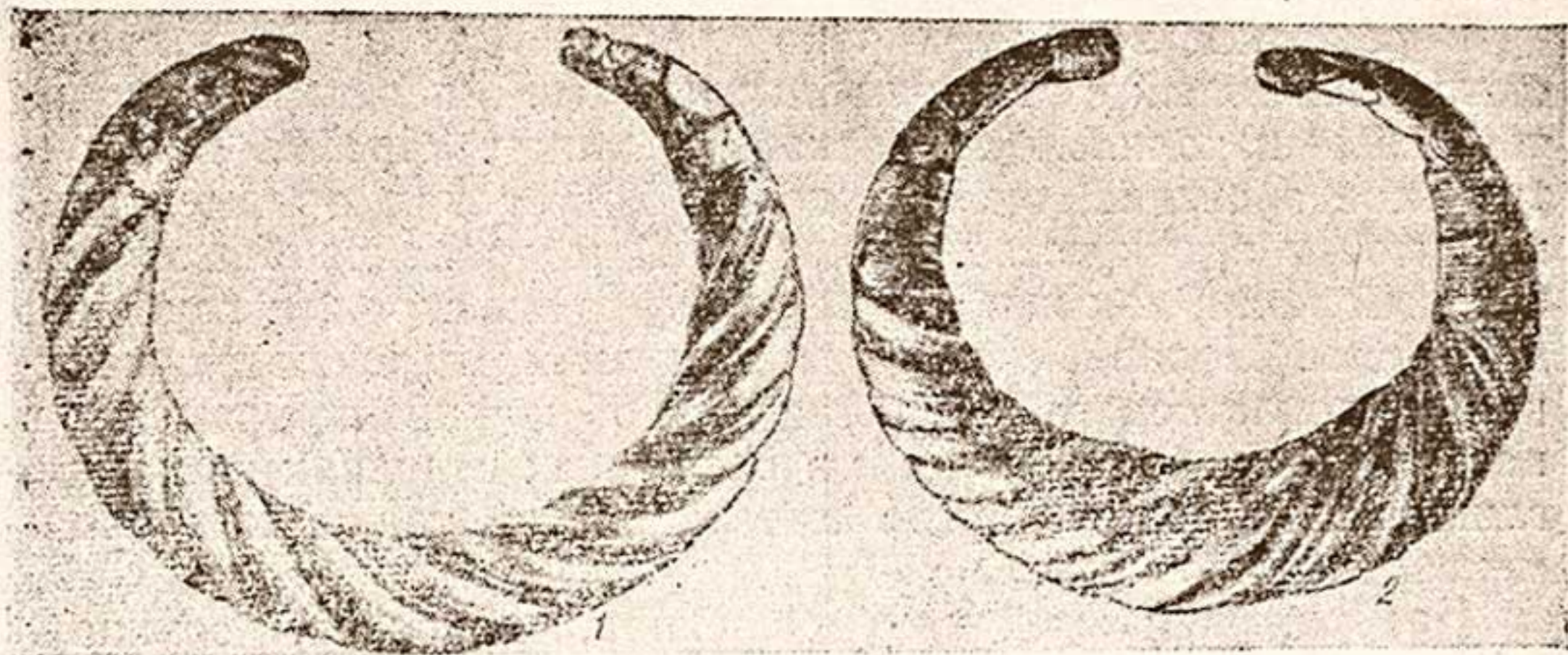
Браслет I. Вес 111,2 г. Массивный, с незамкнутыми концами, свит жгутом из пяти относительно толстых серебряных проволок (возможно, они навиты на металлический стержень). В промежутках между этими проволоками проходят тоненькие крученые проволочки-жгутики. Концы браслетов оформлены в виде стилизованных головок змей. Глаза напаяны тонкой проволокой, и из такой же проволоки сделан широкий пояс, отделяющий головки змей от основной части браслета. Форма браслета — витые проволоки — напоминает перевитые тела змей.

Браслет II. Вес 134,9 г. Браслет с незамкнутыми концами, несколько меньших размеров, но более массивный, чем первый. Скручен из пяти серебряных проволок, в промежутках между ними проходит тройной жгут, в середине — витая проволочка, по сторонам к ней припаяны прямые, более тонкие. Концы украшены сканью и изображают головы змей или драконов. Два широких пояса скани отделяют концы от основной части браслета.

Аналогичные браслеты найдены при раскопках могильников в Казахстане недалеко от Чимкента в 1900 г.¹

¹ Браслеты не опубликованы, экспонируются в отделе Средней Азии Государственного Эрмитажа. Эти сведения предоставлены нам Г. Н. Балашовой.

В Чуйской долине такие же браслеты обнаружены при строительных работах на одном из холмов в пределах городища Шиштюбе. П. Н. Кожемяко датирует их X—XII вв. н. э.².



Два серебряных браслета из Чиназа.

В Музее истории народов Узбекистана есть два серебряных браслета (один из них детский), поступивших из Чиназа в 1951 г. Обстоятельства находки неизвестны. Датируются XI—XII вв. н. э. Браслеты совершенно аналогичны нашим. Там же находится браслет XI—XII вв. из Кокташского клада, несколько упрощенного вида, сделанный из серебра с большой примесью меди. Серебряный браслет, идентичный, чиназским, найден у сел. Уртааул. А. И. Тереножкин датировал его IX—X вв.³.

Подобные браслеты встречены и на Кавказе в могильниках IX—XI вв.⁴. На Руси браслеты и гривны, витые из нескольких проволок, были распространены в X—XII вв.⁵. В Прибалтике среди украшений из могильников IX—XII вв. встречаются витые браслеты со змеиными головами, но они сделаны в несколько другом стиле⁶.

² П. Н. Кожемяко, Раннесредневековые города Чуйской долины, Фрунзе, 1959, стр. 58, табл. XV.

³ А. П. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 154, рис. 69.

⁴ В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов, Акушинский могильник, КСИИМК, вып. 60, М., 1955, стр. 153.

⁵ Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб, 1897, стр. 96; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948; Г. Ф. Корзухина, Серебряная чаша из Киева с надписями XII в., СА, XV, М.—Л., 1951, стр. 68.

⁶ Ф. Д. Гуревич, Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников, КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947.

Возникли браслеты такого типа еще в скифское время. Как пример приведем браслеты из Куль-Обского кургана IV—III вв. до н. э. Они свиты из нескольких проволок, отделаны сканью и украшены на концах фигурками сфинксов или животных⁷.

В скифское время широко распространен «звериный» стиль, связанный с различными культами животных и уходящий своими корнями в далекое прошлое. Утратив свое ритуальное значение, он еще долго бытует как орнаментальный мотив в искусстве. Культ змей и драконов бытовал в Средней Азии, как и в целом ряде других стран, с глубокой древности. Парные изображения змей встречаются начиная с доклассового общества и до недавнего времени в наскальных изображениях и в различных изделиях из камня, глины, металлов и других материалов, а также как орнаментальные мотивы⁸.

Изображения змей на украшениях, вероятно, служили оберегами. Культ змей имел двойное значение. Змея олицетворяла собой доброе и мудрое начало — недаром в древней Греции изображение змеи украшало шлем Афины — богини мудрости. Легенды и предания говорят о змеях и драконах, охраняющих клады и священные деревья, земные недра и древние могилы. Считалось, что им подвластны источники, они могут вызывать дождь⁹. Часто змеи выступают и как символ зла. Дракон или змей иногда символизирует врага¹⁰. Согласно легендам многие города погибли из-за змей.

Может быть, встречающиеся двойные изображения змей символизируют борьбу двух начал — доброго и злого. Различные предания, связанные со змеями, сохранились до наших дней. Пережитком являются и стилизованные изображения змей на наших браслетах.

В Ташкентской области обнаружено уже несколько браслетов описываемого типа. Все они обладают одной характерной особенностью — сделаны из серебра. Браслеты, вероятно, среднеазиатского происхождения, их можно отнести к изделиям местного ремесленного производства, поскольку и сырьевая база была рядом. Серебряные рудники

⁷ «Русские древности в памятниках искусства», вып. I, СПб, 1889, стр. 62.

⁸ М. Э. Воронец, Каменное изображение змей из кишлака Сох. Ферганской долины, КСИИМК, вып. 61, М., 1956; Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 101—108.

⁹ Г. А. Пугаченкова, Драконы мечети Анау, СЭ, 1956, № 2, стр. 126.

¹⁰ Там же, стр. 127.

Шаша славились издавна, при них функционировали даже монетные дворы¹¹. Датировать браслеты можно X—XI вв., учитывая, что с XI в. начинается кризис в добыче серебра¹². Его уже не хватало для чеканки монет, и едва ли в такое время могли делать массивные серебряные украшения. Во время кризиса даже переплавляли для чеканки монет серебряную посуду¹³ и, вероятно, другие изделия. После кризиса подобных браслетов, видимо, уже не делали. Этим объясняется то обстоятельство, что серебряные вещи среднеазиатского происхождения гораздо чаще обнаруживают за пределами Средней Азии.

Техника изготовления, богатство, сложность и своеобразное изящество браслетов говорят о высоком художественном мастерстве среднеазиатских ювелиров. Наши браслеты — еще одно свидетельство глубоких корней среднеазиатского искусства, сохранившего в течение многих веков связь и преемственность с культурами древности, чему не смогли помешать все превратности исторических судеб.

¹¹ М. Е. Массон, К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 16.

¹² Там же, стр. 33.

¹³ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

М. Н. ФЕДОРОВ

УНИКАЛЬНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ДИНАР СУЛТАНА САНДЖАРА ИЗ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1960 г. при работах Сурхандарьинского археологического отряда на городище Мунчактепе у станции Кумкурган Шурчинского района археолог Д. П. Вархотова обнаружила небольшой клад серебряных монет, оказавшихся динарами султана Санджара. Клад представляет большой интерес, проливая свет на очень важный, но малоизученный раздел нумизматики Средней Азии — чекан «Великих Сельджуков». Этот клад представляет особый интерес, так как здесь найдены серебряные динары, битые в пору так называемого «серебряного кризиса».

Сельджукские монеты и особенно серебряные встречаются в Средней Азии очень редко. Достаточно сказать, что в Южной Туркмении, наиболее богатой такими находками, за время с 1884 по 1946 г. найдено и зарегистрировано в литературе всего 6 серебряных монет¹.

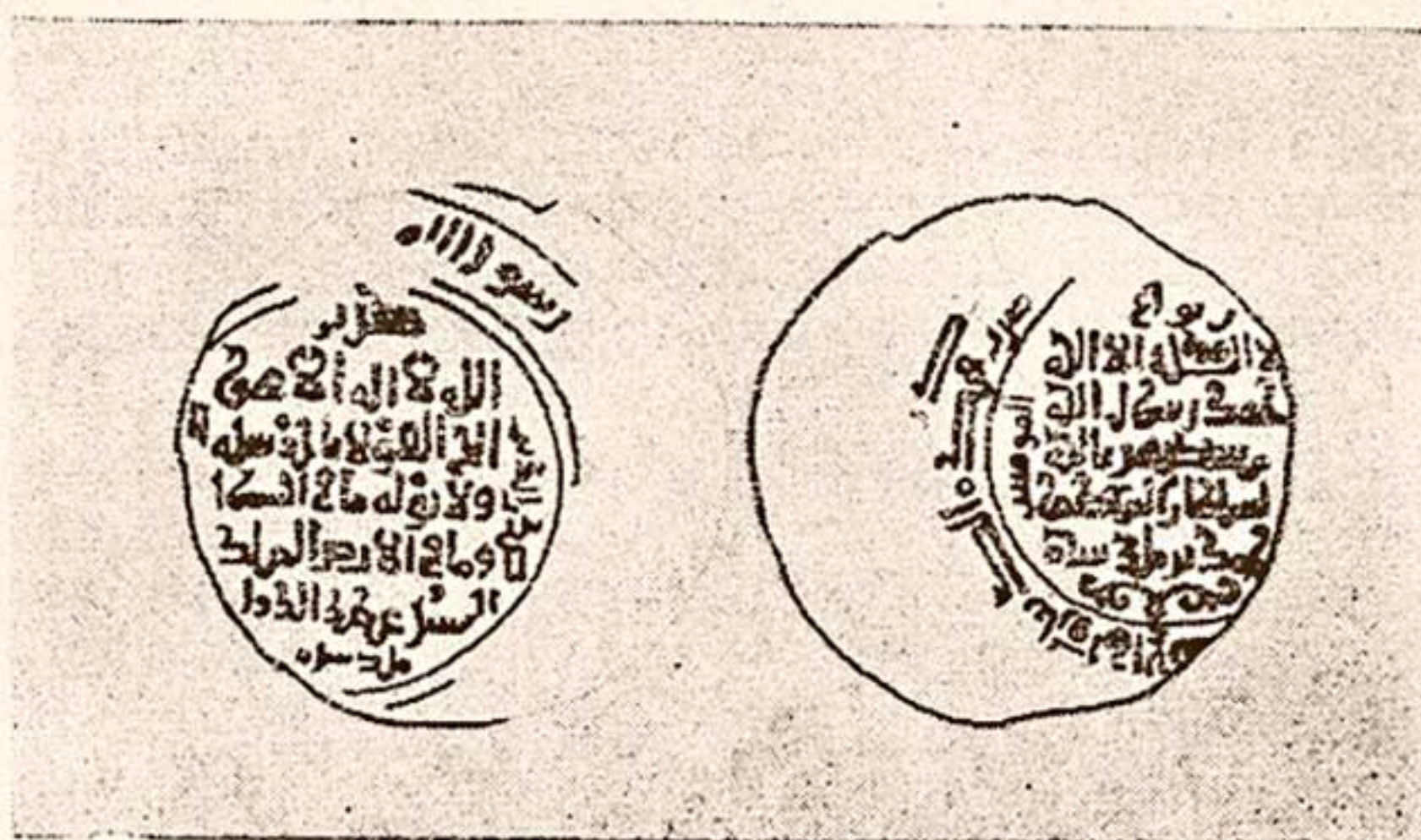
Клад состоит из монет и монетных обломков общим весом 85 г. Выбиты эти динары на монетных дворах Мерва, Балха и Герата Султаном Санджаром при халифах ал-Мустазхире (1094—1118 гг.); ал-Мустаршиде (1118—1135 гг.) и ал-Муктефи (1136—1160 гг.). Датируется он первой половиной XII в. Одна из монет дала точную дату — 522/1128 г.

Подробное описание клада послужит темой особой, развернутой работы. Предметом данного небольшого сообщения является уникальный серебряный динар с именем султана Мухаммада б. Меликшаха и впервые встреченным на монетах эпитетом города Мерва той эпохи, выбитый Санджаром сыном Меликшаха. Серебряные сельджукидские

¹ З. А. Альхамова, Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884, до 1946 года (по опубликованным данным), Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 131.

монеты очень редки. Так, в каталоге монет туркменских династий из Британского музея, составленном С. Лэн Пулем, чекан «Великих Сельджуков» представлен 22 монетами; 20 золотых и 2 серебряных². В каталоге мусульманских монет из собраний Эрмитажа, составленном А. К. Марковым, этот чекан представлен 77 монетами, но между ними нет ни одной серебряной³.

Среди монет клада имеется динар, который как по содержанию и размещению легенд, так и по красоте и изысканности их исполнения отличается от остальных.



Вес монеты 2,78 г, диаметр 2,3 см. На аверсе в поле, в ободке из одного линейного круга калема, имя халифа ал-Мустазхира и султана Мухаммада б. Меликшаха. Справа от легенды *المومنين* слева *الامير* Над легендой искаженное *ابو الفتح*; под ней арабеска.

Круговая внутренняя легенда в ободке из одного линейного круга:

...ضرب هذه الدينار بمرور الحي س[نه]...

Круговая внешняя не сохранилась.

² S. Lane Pool., The coins of the Turkuman Houses of Seljook, Urtuk., Zengee etc. in the British museum, London, 1877, p. 27—37.

³ А. (К.) Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб, 1898, стр. 368—371.

ابو الفتح
لا اله الا الله

محمد رسول الله
المستظهر بالله
السلطان المعظم
محمد بن ملك شاه

На реверсе в поле в ободке из двух линейных кругов. 256 стих II суры корана, имя и титулатура Санджара; по бокам легенды **ملك شاه** под ней **سنجر بن** над ней **صلوات الله**

Титулатура Санджара довольно скромная: он именует себя «правителем востока», а не «султаном» и «шаханшахом» как на более поздних монетах.

Круговая легенда в ободке из двух линейных кругов:

سنجر بن
الله لا اله الا هو
الحى القيوم لا تاخذه سنة
ولا نوم له ما فى السموات
و ما فى الارض المک
المشرق عضد الدولت
ملك شاه

Можно дать реконструкцию матрицы, восстановив круговые легенды по обрывкам их на данной и на других монетах. Надо отметить, что такого типа круговые легенды характерны для чекана великих сельджуков, начиная от Тогрул бека и кончая Мухаммадом и Санджаром — сыновьями Меликшаха⁴. Варьируют только легенды в поле и внутренняя круговая легенда аверса, где чеканится год выпуска и наименование монетного двора. Круговая легенда аверса внутренняя: **بسم الله الرحمن الرحيم ضرب هذه الدينار بمر و الحى منه...**

Круговая легенда аверса внешняя составлена из II части третьего и начала четвертого стихов 30 суры корана: **الله الامر من قبل و من بعد يومئذ يفرح المومنين بنصر الله**

⁴ S. Lane Pool, Op. cit., p. 23—37 № 53—74.

Круговая легенда реверса состоит из 33 стиха 9 суры и 9 стиха 61 суры:

محمد رسول الله ارسله بالهدى و دين الحق ليظهره على الدين كله و لو كره المشركون

Расшифровывая легенды, автор обратил внимание на то, что на монете помимо имени Санджара, который выбил этот динар, выбито имя и титулатура Мухаммад б. Меликшаха, причем расположение легенд и их содержание указывало на то, что Санджар в это время находился в зависимом положении от Мухаммада б. Меликшаха в качестве наместника Хорасана. Султан Санджар был последним из могущественных сельджукидских государей. По сообщению Ибн ал-Асира, он родился в Раджабе 479 г. (X—XI—1086) в стране Джезира (мосульский вилайет Ирака)⁵. Его отец, султан Меликшах б. Алп-Арслан, умер, когда Санджару было 6 лет. В стране вспыхнула борьба за престол между родственниками и наследниками султана, продолжавшаяся девять лет. Первые годы Санджар не принимал активного участия в борьбе. В 1092—1094 гг. верховным правителем был Наср ед-дин Махмуд б. Меликшах, который умер от оспы; затем к власти пришел его брат Баркиярук, разбивший войска своего дяди Тутуша. Вскоре против Баркиярука выступил его второй дядя Арслан-Аргун б. Алп-Арслан, который к 490 г. (1096—1097) овладел всем Хорасаном. Еще в 488 г. (1095) Баркиярук посылает против мятежника войско во главе с Бурибарсом б. Алп-Арсланом. Однако Арслан-Аргун разбил войска Баркиярука. Бурибарс был взят в плен и задушен по приказу своего брата. В мухарраме 490 г. (XII/1096—I/1097) Арслан-Аргун погиб от кинжала одного из своих гулямов⁶. Еще при жизни Арслан-Аргуна Баркиярук снарядил против него новое войско во главе со своим братом Санджаром, приставив к нему опытного в военных делах опекуна и везира. После смерти Арслан-Аргуна Баркиярук назначил Санджара наместником Хорасана⁷. Последний поселился в Мерве и на протяжении 20 лет правил Хорасаном, оставшись в Мерве и после восшествия на трон султанов. С этого времени (т. е. с 1097 г.) Санджар принимает активнейшее участие в междоусобной борьбе и политической жизни Хорасана и Мавераннахра. Сначала он выступил на стороне Баркиярука. Так, в 1097 г. Санджар разбил войска Мухаммада б. Сулеймана,

⁵ Ибн ал-Асир, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 393.

⁶ Ибн ал-Асир, там же, стр. 381—382.

⁷ Ибн ал-Асир, там же, стр. 382.

выступившего против Баркиярुка⁸. В том же году Баркиярук возвращается в Ирак, который вскоре становится ареной борьбы за престол султанов и где на протяжении нескольких лет шла ожесточенная вражда между Баркияруком и его братом Мухаммадом б. Меликшахом⁹. В 493 г. (1099—1100) эта борьба кончилась тем, что Баркиярук ушел в Хорасан¹⁰. На этот раз он встречается со своим братом Санджаром уже не как с союзником, а как с врагом: в битве при Ан-Нушаджане войско Баркиярука было разбито, а сам он бежал¹¹.

Однако вскоре после этого Баркиярук вновь собирает войска и в 494 г. (1100—1101) в Хаммадане наносит поражение Мухаммаду. Наконец, в 495 г. Мухаммад вынужден заключить мир, но через месяц выступает снова против своего старшего брата. Борьба шла с переменным успехом до 497 г. (1103—1104), когда Мухаммад был наголову разгромлен и вынужден заключить мир, получив в удел Азербайджан, Армению, Месопотамию с Мосулом и Арабский Ирак, где был признан независимым правителем и сюзереном Санджара. В 498 г. (1104—1105) Баркиярук умирает¹². Вскоре после этого Мухаммад и Санджар встречаются в Багдаде, где халиф ал-Мустазхир биллах утвердил за Мухаммадом султанство, а Санджара сделал его наследником¹³.

В свете этих событий становится понятным, почему на ранних монетах Санджара имеется имя Мухаммада б. Меликшаха. Таким образом, хотя бы номинально Санджар признавал Мухаммада своим сюзереном.

В 1118 г. Санджар становится верховным правителем сельджукидской империи. Став султаном, Санджар не переехал в Ирак, а сделал своей столицей Мерв. Султан Санджар был одним из самых могущественных представителей династии «Великих Сельджуков», не случайно хорезмшах Мухаммед б. Текеш предпочитал почетный эпитет «Санджари» на своих монетах всем другим¹⁴. Санджар играл ведущую роль в политической жизни Хорасана и Мавераннахра.

⁸ Ибн ал-Асир, МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 383.

⁹ Стэнли Лэн-Пуль, Мусульманские династии, перевод, примечания и дополнения В. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 126, примечание № 2.

¹⁰ Ибн ал-Асир, там же, стр. 384.

¹¹ Ибн ал-Асир, там же, стр. 385.

¹² The Encyclopaedia of Islam, v. 1, 2, Leyden — London, 1913. p. 662.

¹³ Ибн ал-Асир, МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 393.

¹⁴ Е. А. Давидович, Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды ИИА АН УзССР, вып. VII, Ташкент, 1955, стр. 171.

Большой научный интерес представляет предположенное нами чтение эпитета средневекового города Мерва — **الحى** — «живущий», «оживленный», а также «вечно живой» **مروالحي**.

Мерв оживленный, т. е. многолюдный, богатый город — таково примерно значение этого эпитета¹⁵. В применении к городу Мерву такой эпитет мог появиться не раньше XI—XII вв. Ибо еще в конце X в. арабский географ Макдиси, посетивший во время одного из своих многочисленных путешествий город Мерв, писал: «Мерв был бы превосходный город, если бы в нем не было мало населения; он обезлюдел, исключая немногих жилищ»¹⁶.

В XI—XII вв. Мерв представляет собой уже совсем иную картину: это период наивысшего расцвета города. Центральной частью Мерва XI—XII в. было сохранившееся до нашего времени городище Султан-Кала, стены которого неоднократно ремонтировались и переделывались¹⁷. Город постоянно разрастался и вскоре территория к северу и югу от него была также ограждена крепостными стенами. Историк XII—начала XIII в. ар-Равенди сообщает, что «Мерв... был столицею со времен Чагры-бека и столько времени наполнялся запасами, кладами, сокровищами царей и эмиров государства»¹⁸. Приток военной добычи способствовал росту и украшению города, куда стекались многочисленные ремесленники и купцы, обслуживавшие нужды двора, войска и «эмиров государства». Таким образом, эпитет **الحى**

является новым и очень красноречивым свидетельством того расцвета, который переживал Мерв в XI—XII вв. Насколько известно, автору, позже этот эпитет в применении к городу Мерву не встречался, что не трудно объяснить. После окончательного разгрома города монголами в 1223 г.¹⁹, Мерв на протяжении двух столетий был оставлен людьми и лежал в руинах вплоть до 1410 г., когда Шахрух приказал заново отстроить город²⁰.

¹⁵ Как справедливо отметил В. А. Шишкин, возможны и другие варианты прочтения этого эпитета, например, «чистый». Автор предлагает первый вариант. Ибо, возможно, эпитетом «оживленный» сельджукидская администрация стремилась подчеркнуть мощь, богатство и многолюдность главного города империи.

¹⁶ Ал-Макдиси, МИТТ, т. I, стр. 194.

¹⁷ М. Е. Массон, Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг., Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 218.

¹⁸ ар-Равенди, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 356.

¹⁹ W. Barthold, *Turkestan down to the mongol invasion*, London, 1958, p. 449, 545 and 470.

²⁰ Абд-ар-Раззак Самарканди, МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 530.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ СОХРАННОСТИ ГИПСОВОГО ДЕКОРА В ПАМЯТНИКАХ XI—XIII вв. н. э.

Применение полуводного гипса для декоративных целей известно в Средней Азии с весьма отдаленного времени. Многочисленные примеры резки орнамента по еще неокрепшему гипсу и подготовки оснований под росписи говорят о высоком мастерстве древних зодчих, умевших правильно использовать материал.

Полуводный гипс при использовании его в кладке обладает целым рядом положительных свойств. К ним относятся: способность к быстрому затвердеванию, самозалечиванию трещин в затвердевшем материале и сохранению в нем некоторой пластичности, отсутствие усадки при затвердевании, достаточно высокая прочность. При использовании того же гипса в качестве декоративного материала выступают его отрицательные свойства — неводостойкость и высокая гигроскопичность, благодаря которым гипсовый орнамент и росписи по гипсу находятся под угрозой разрушения даже во внутренних не отапливаемых помещениях. Попеременное увлажнение и высыхание приводит к перекристаллизации гипса, вызывающей разрыхление структуры орнамента или штукатурки, они начинают крошиться и постепенно разрушаются.

Эти отрицательные свойства гипса как декоративного материала и побудили древних строителей искать пути для повышения его сохранности. Одним из таких способов было уменьшение открытых поверхностей и боковая защита резного штука путем заключения отдельных орнаментальных мотивов в керамические решетки (мечети Магокки-аттари и Намазгох в Бухаре XII в., мавзолее Х в. в Тиме, средний и северный мавзолей XI—XII в. в Узгенде, мавзолее Мир-Сеид-Бахром в Кермине и др.). Сплошные панно из чистого гипса наблюдаются обычно в жилых, вероятно отапливаемых поме-

щениях (дворец правителей в Термезе XII в., панели из дворца Саманидов на Афрасиабе).

Однако разрезка орнамента керамическими решетками, частично защищавшими штук и обеспечивающими легкость замены разрушившихся небольших деталей, не могла полностью обеспечить сохранность гипса, особенно в штукатурках под роспись, где было необходимо сохранить большие поверхности при тонком слое гипса. Поиски были направлены на изменение свойств самого материала, придания ему сопротивляемости введением специальных добавок. Три однотипных случая использования весьма остроумных способов такого рода, требовавших большой наблюдательности и ловкости в исполнении, и являются темой данной статьи.

Первый и наиболее ранний случай — это штукатурка стен комнаты с резным деревом из мавзолея Куссама (Самарканд, Шах-и-Зинда). В. М. Филимонов датирует эту штукатурку XI в. н. э., что подтверждается и типом строительного кирпича из стены мавзолея.

Слой штукатурки (проба № 940¹), толщиной 4—5 см, лежит на глиносаманной смазке, покрывающей непосредственно кладку стены. Штукатурка представляет собой тонкий слой гипса с естественной примесью запесоченного лесса, слегка обожженного при обжиге гипса, придающего штукатурке розоватый оттенок. Множество тончайших волокон пронизывает гипс. Среди них попадаются оболочки зернышек с длинной, заостряющейся к концу остью и целые зернышки (рис. 1). Форма их овальная или похожая на вытянутый конус, вершина которого переходит в ость. Попадаются очень тонкие высохшие стебельки. Волокна сравнивались при большом (до 112-х) увеличении с хлопком, пухом рагозы, шерстью и остью, скрепленной с оболочками зерен. Все типы волокнистых добавок исключаются, кроме последней. Добавка является остью колосков дикорастущих злаков типа лисохвоста, мятлика, дикого газона. Тоненькие стебельки — это высохшие разветвления колоса — метелочки мятлика или газона. Колоски дикорастущих злаков, очевидно, ошипывались, после созревания слущивались с основания, перетирались для отделения зерна и добавлялись в гипс при его затворении. Шероховатые волоски ости являлись прекрасной арматурой, предохраняющей штукатурный слой от коробления и растрескивания при перекристаллизации гипса.

¹ Проба № 940, как и последующая № 938⁶, была отобрана В. М. Филимоновым.

Здесь же в мавзолее Куссами в помещении зиаретхаи имеется аналогичная штукатурка под наиболее ранней росписью. Относительно датировки этой росписи имеются разногласия. Пока можно сказать лишь одно, что она относится к более позднему времени, чем проба № 940, так как метод сохранения гипсовой штукатурки здесь усовершенствован.

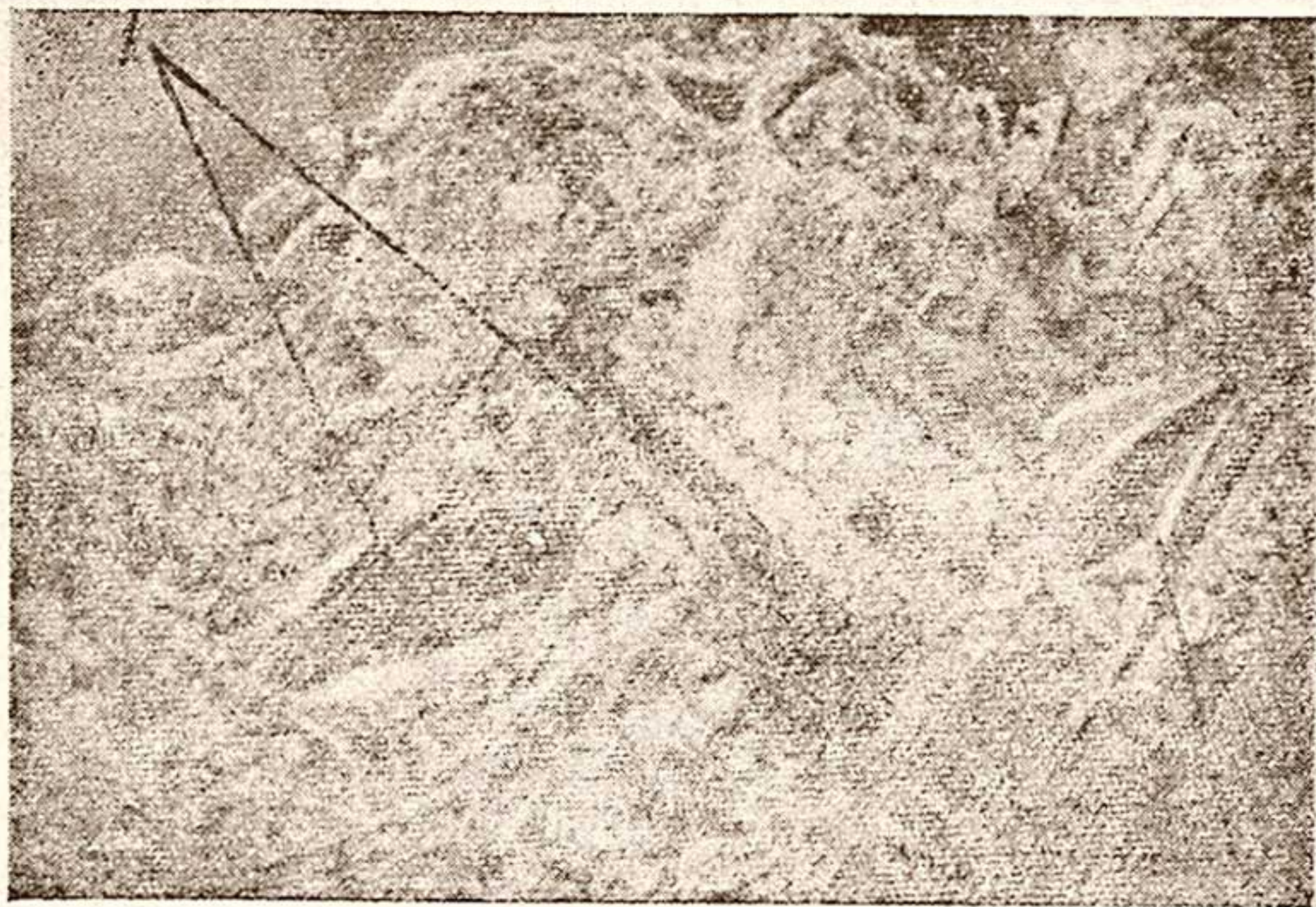


Рис. 1. Излом штукатурки.

1—зернышко диких злаков; 2—ость зернышек. Увеличено в 20 раз.

Верхний слой штукатурки (проба № 938^б), толщиной 4—5,5 см, покрытый росписью красного тона, лежит на слое сероватого гипса (проба № 938^а), выравнивающего поверхность стены. Материал этого слоя прочный (60—80 кг/см² при сжатии) и плотный, хорошо сохранился, несмотря на длительное пребывание в сыром помещении. В составе его различаются гипс, затворенный нормальным количеством воды, содержащий небольшую естественную примесь сильно запесоченного лесса и 1—2% тонкой активной золы, придающей гипсу серый оттенок и обеспечивающей стойкость против воздействия сырости.

Верхний слой (№ 938^б) имеет чистую белую окраску, при просмотре невооруженным глазом в изломе производит впечатление тонкого, пропитанного гипсом войлока, немного на-

поминает и асбестовый картон. При увеличении выступает гипс с небольшой примесью запесоченного лесса (того же, что и в нижнем слое штукатурки) без золы, но с большим количеством тех же волокон вместе с зернышками, что и в пробе № 940. Задача укрепления гипса была разрешена весьма успешно: красочная штукатурка сохранилась в значительной своей части, несмотря на то, что на нее было нанесено еще два слоя штукатурки с новой росписью.

Вторым аналогичным случаем является резной штук, покрывающий соффиты входной арки северного мавзолея 1152 г. в Узгенде (рис. 2). В сложном двухплановом орнаменте штука были применены одновременно два способа улучшения гипса: введения ости колосков диких злаков и тонкой активной золы.

Штук содержит в настоящее время 8% золы, 2% колосков и 90% двуводного гипса². Первоначально (в пересчете на полуводный гипс) штук содержал около 88% полуводного гипса, 9% золы и 3% ости колосков.

У самой поверхности резьбы, приблизительно на глубину 2—3 мм, штук осветлен большим содержанием гипса. Зольная добавка не превышает здесь 3—3,5%. Количество волокнистой добавки уменьшается по мере приближения к вертикальным щекам арки.

Порядок изготовления штука представляется таким. На кирпичную кладку соффитов при заполнении открытой части швов накладывался тонкий слой гипса, содержащего 9—10% золы. После затвердевания этого слоя, происходящего медленнее, чем у чистого гипса, накладывался слой с несколько меньшим содержанием золы, поверх него до начала схватывания наносился тонкий слой гипса с небольшим количеством золы. После схватывания, но до полного затвердевания, по еще мягкому материалу производилась нарезка орнамента. Мастер и его помощники должны были находиться во время работы на специальных подмостях. При резке орнамента светлый гипс добавлялся небольшими порциями для окрашивания заглублений резьбы.

Толщина штука в самой высокой части несколько превышает 3 см, глубина рельефа составляет 1,5, 0,7 и 0,5 см. Мелкий орнамент второго плана заглублен относительно главного на 3—5 см. Гипс для штука применен чистый, очень

² В состав штука вводился первоначально полуводный гипс $\text{CaSO}_4 \times 0,5 \text{H}_2\text{O}$. После присоединения воды он превратился в двуводный $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$.

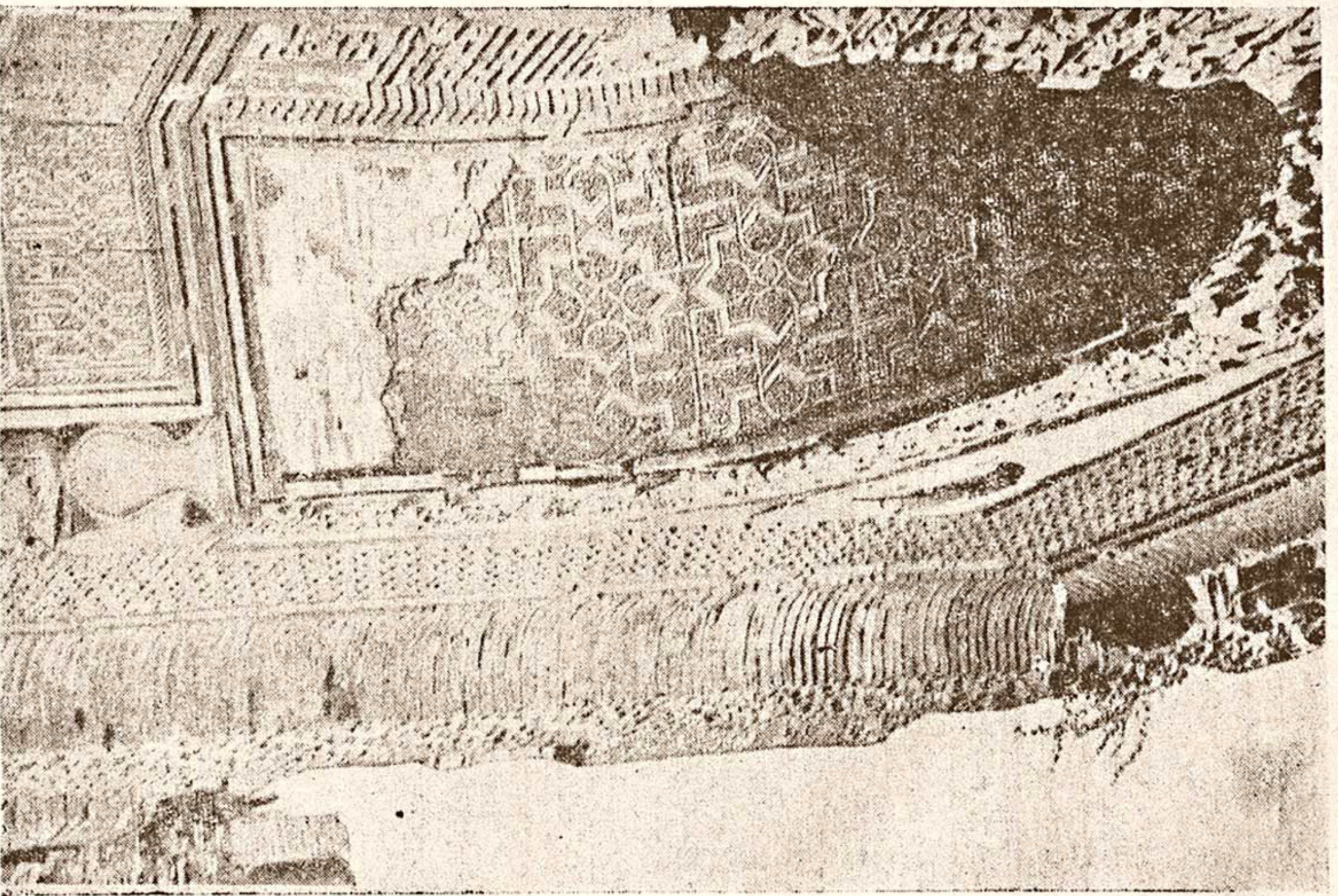


Рис. 2. Резной шtuk в софитах входной арки Мавзолея 1152 г.
в Узгенде.

тонкого помола, зола хорошо сожжена и очищена, угольные частицы почти полностью удалены. Поверх резьбы, возможно, в процессе последующих ремонтов, штук покрыт тонким слоем чистого белого гипса и окрашен светлой охрой.

Третьим, наиболее сложным и качественным примером применения комбинированного способа предохранения гипса является резной штук, покрывающий стены в интерьере мавзолея Шах-Фазиль в селении Сафид-Буленд. Мавзолей датируется Б. Н. Засыпкиным XIII в. н. э.³ Вполне вероятно, что эта датировка может быть пересмотрена после детального сравнительного анализа всех его элементов. Частичная утрата декора обнажила местами фигурную кладку парусов из жженого кирпича, напоминающую кладку мавзолея XI в. в Султан-Саадат (Термез). Возможно, что покрытие штукатуром стен было произведено позднее. И сама техника производства штука, как будет видно из последующего изложения, близка к узгендскому мавзолею 1152 г.

В резном покрытии интерьера мавзолея выявлены следующие виды орнамента.

1. Панель — представляет собой слой светлой гипсовой штукатурки, толщиной 1—1,5 см, покрытой процарапанным орнаментом без рельефа (рис. 3, внизу).

2. Пояс куфической надписи из букв, толщиной 1,5—1,6 см, выступающих на фоне более мелкой резьбы. Поверхность орнамента светлая, в изломе его материал имеет густой темно-серый оттенок (рис. 3, орнамент почти полностью утрачен).

3. Широкий пояс с круглыми мотивами, напоминающими щиты. Геометрический орнамент щитов заключен в ленту куфической надписи и розетку с гладким полем. Фон розетки заполнен неглубокой резьбой по светлому, слегка подкрашенному гипсу. Толщина этой части 6—7 мм. В резьбе щита слой достигает 2 см. Материал резьбы тот же, что и у букв куфической надписи: светлый снаружи и темный внутри.

4. Широкий пояс куфической надписи (рис. 3, вверху), выполнен из больших букв, толщиной до 3,5 см округлого сечения на фоне более мелкой резьбы. Буквы выполнены из светлого розоватого гипса. Надпись окаймлена узкой ленточкой с чудесными шестилепестковыми розетками, выше которой идет лента геометрического орнамента.

³ Б. Н. Засыпкин, Архитектурные памятники Ферганы, Сб. «Искусство Средней Азии», РАНИОН, М., 1930, стр. 72.



Рис. 3. Резной шук в интерьере мавзолея Шах-Фазиль в сел. Сафид-Буленд.

5. Ярус парусов, отделанный арочками из фестонов, в которые заключены мотивы щитов, украшенных выпуклыми как бы чеканными бляхами. Бляхи (рис. 4) имеют сложную конструкцию: сформованы отдельно и укреплены на стене при помощи деревянных колышков, запущенных в еще неза- твердевший гипс на стене.

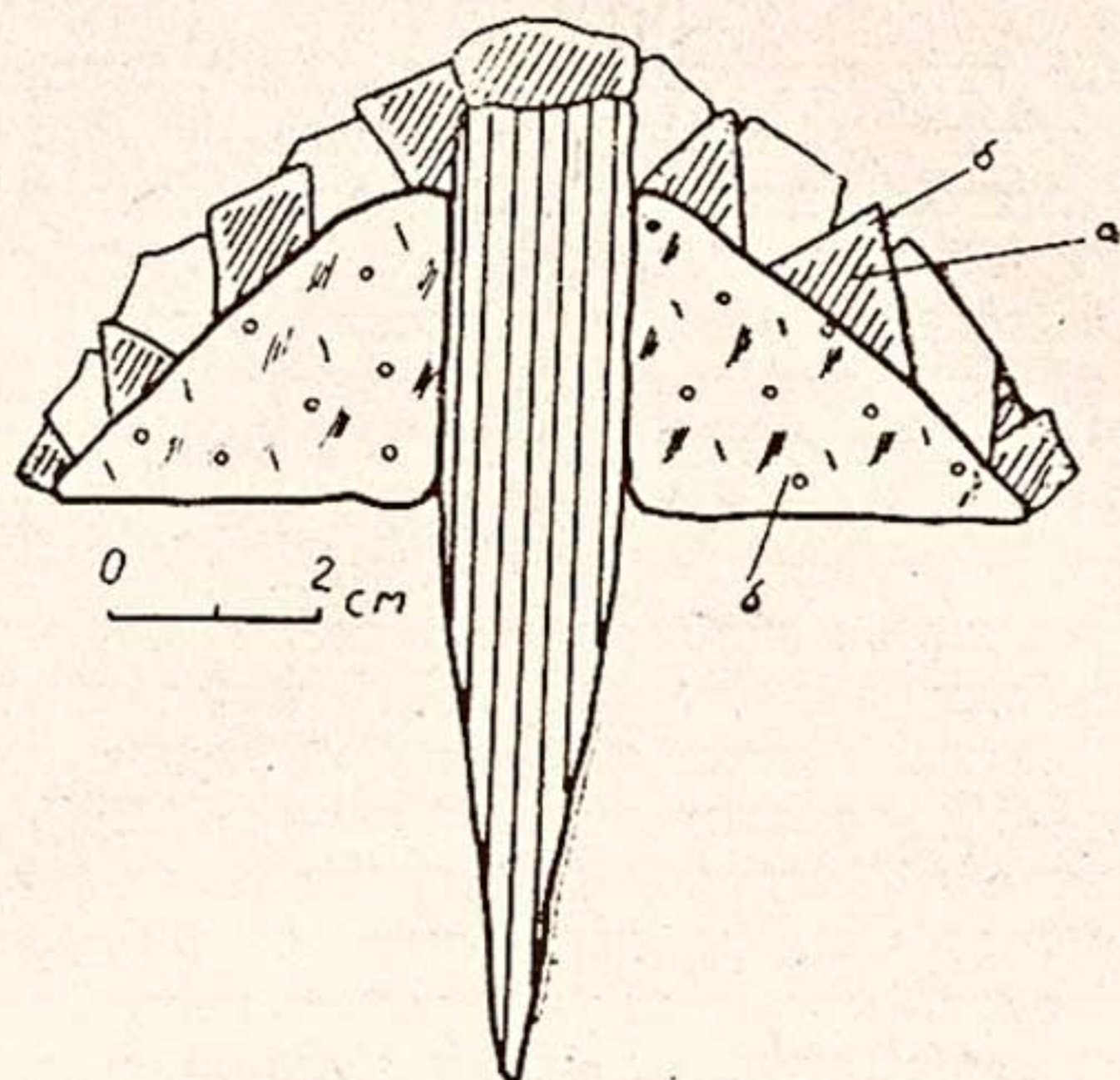


Рис. 4. Разрез „бляхи“ на орнаменте типа щита в поясе парусов мавзолея Шах-Фазиль;
а—темный гипс, б—светлый гипс.

6. Последней над ярусом парусов проходит лента куфической надписи, выполненной так же, как и самая нижняя, из плоских букв, толщиной 1—1,3 см, из двуцветного материала.

Купол был также покрыт резьбой, но она сохранилась лишь небольшими фрагментами. При обследовании декора выявилось интересное обстоятельство: резьба по штуку была произведена непосредственно на стенах лишь частично, преимущественно по тонким штукатурным слоям. Отдельные же элементы — буквы куфической надписи, «бляхи» щитов, шестилепестковые розетки верхнего бордюра, круглые вставки нежного «пояса щитов» и бордюра выше яруса парусов — приготовлены отдельно и «приморожены» черным гипсовым раствором. Такой способ значительно сокращал объем трудных работ на подмостях и позволял произвести более тщательную отделку элементов декора.

Анализ двенадцати отобранных для исследования проб⁴ выявил два основных типа материала, названных условно «светлый» и «темный» гипс. Несколько отдельно стоит гипс с покраской от заполнения углов квадрата в «поясе щитов» на стенах. Он несколько отличается от «светлого» гипса большей белизной материала и меньшим количеством примесей.

«Светлый» гипс представляет собой мелкопористую прочную массу розовато-землистого оттенка без заметных невооруженным глазом включений. Под микроскопом просматривается очень плотная гипсовая структура с включениями слегка обожженного светлого лесса. Большое количество частиц гипса пережога и сравнительно полный обжиг лесса указывает на то, что обжиг происходил при повышенной температуре. Гипс является техническим ганчем, т. е. гипсом, имеющим естественную примесь лесса. В массе раствора имеется волокнистая добавка того же точно типа, что и в материалах Узгенда и Самарканда. Химический анализ показал, что в «светлом» гипсе имеется 26% примеси лесса, 6,5% известняка, 4,5% волокнистых добавок и 63% двуводного гипса. Наличие известняковой примеси обусловило высокую прочность материала, добавка шероховатых усиков дикорастущих злаков, как и в узгендском штукe, играла роль своеобразной арматуры, особенно важной в тонких слоях штукатурки.

«Темный гипс» при исследовании оказался тем же самым ганчем повышенного обжига, содержащим естественные примеси лесса и известняка, но с добавкой растительной золы, составляющей в среднем около 15% от всего материала. «В среднем» потому, что содержание зольной примеси изменяется по сечению каждого элемента. В основании оно достигает 18—20%, к поверхности уменьшается. Самая верхняя часть покрыта «светлым» гипсом, нанесенным на еще незатвердевший «темный» орнамент, благодаря чему резкая граница между двумя видами материала отсутствует (рис. 4, 5). Размер волокнистой добавки тот же, что и в «светлом» гипсе. Наличие в гипсе известковой примеси было особенно благоприятно при зольной добавке. Кремнезем золы образует с известью устойчивые во влажных условиях силикаты кальция, повышая тем водостойчивость материала в целом. Не-

⁴ Некоторые из этих проб были частично переданы в 1949 г. покойным Б. Н. Засыпкиным, а частично отобраны автором во время обследования мавзолея в 1961 г.

смотря на длительный срок работы, «темный» гипс хорошо сохранился и обладает высокой, порядка 80—100 кг/см², прочностью.

Крепление отдельно приготовленных элементов резьбы на стенах произведено «темным» гипсом, содержащим наибольшее (до 20%) количество золы. Весь штук вместе с укрепляющим детали раствором находится на слое глиносаманной штукатурки, наложенной непосредственно на кирпичную кладку.

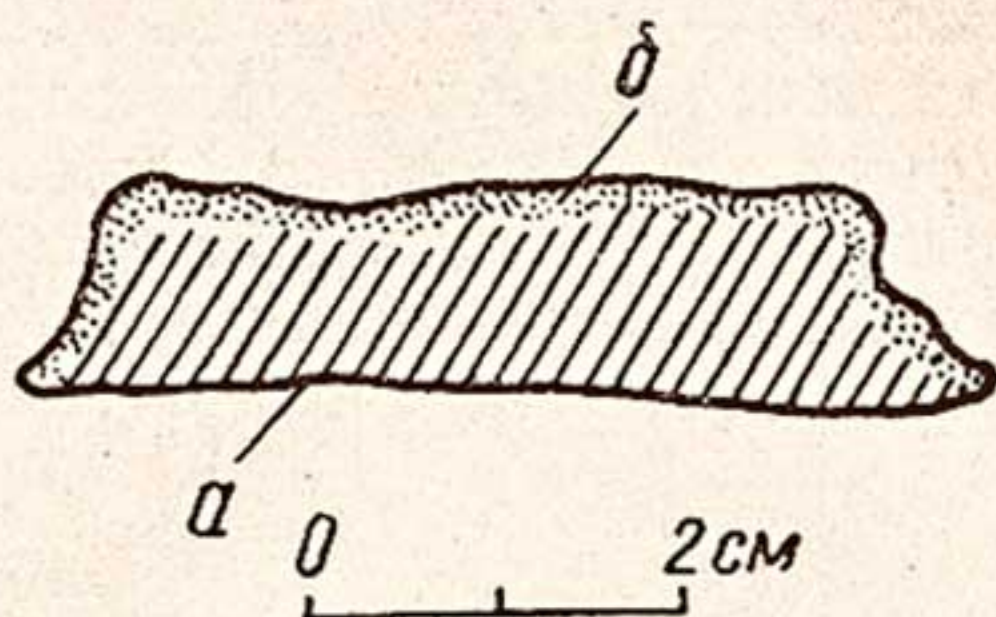


Рис. 5. Разрез буквы из вижней полосы кувической надписи в интерьере мавзолея Шах-Фазиль.

Сложность технологического процесса в изготовлении резного штука из двух типов материала объясняется стремлением предохранить его от разрушения и, одновременно, сохранить единую расцветку орнамента за исключением специально окрашенных частей. Крупные детали выполнялись из «светлого» гипса лишь с тонковолокнистой добавкой, потому что меньше реагировали на сырость вследствие своей массивности. Прочие детали со сложным орнаментом бережно и тщательно вырезались из водостойкого «темного» гипса и им же крепились на стене. Выпуклые круглые бляхи из «светлого» гипса были защищены водостойким креплением с нижней стороны, а с наружной — толстым (до 10 мм) слоем резьбы из того же водостойкого материала, поверхность ее также осветлена на незначительную толщину (рис. 4).

Весь штук покрыт, видимо, уже в более поздний период, тонким слоем побелки. Возможно, что покраска части деталей голубоватой краской была произведена в то же время.

Таким образом, на протяжении двух-трех веков прослеживается принципиально одинаковый способ сохранения гипсовых штукатурок на длительный период времени, оказавшийся весьма эффективным и свидетельствующий о вы-

соком уровне знаний свойств вяжущих материалов, получаемых на основе полуводного гипса.

Позже, в XIV, XV и особенно в XVI в., способ повышения долговечности гипса введением зольных добавок получил широкое распространение, но уже только в качестве материала для скрепления деталей керамической мозаики, в гидроизоляционных устройствах и некоторых штукатурках.

Использование в качестве армирующего материала шероховатых усиков от колосков диких злаков, равно как и художественная резьба по гипсу с зольными добавками в сооружениях позже XII—XIII вв. ещё не обнаружена. Да и в этот период ограничивается лишь приведенными случаями. Близость технологических приемов в изготовлении штука в Узгендском мавзолее и в мавзолее Шах-Фазиль говорит или об устойчивости этих приемов, или же о более узком промежутке времени между возведением обоих сооружений.

Ф. А. БУРНАШЕВА

ГЛАЗУРНАЯ ПОЛИВА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ АФРАСИАБА X—XII вв.

Средневековые керамисты создавали из простого глиняного черепка изумительную по красоте глазурованную посуду с полихромной яркой гармоничной росписью. Неудивительно, что она с давних пор привлекает внимание художников, археологов, этнографов, искусствоведов.

В настоящей статье мы остановимся на качестве глазурей X—XII вв., их составах и на некоторых видах использованного сырья.

Исследовались пробы, собранные работниками лаборатории и археологами Института истории и археологии АН УзССР.

По основным компонентам, приведенным в таблице, афрасиабские глазури подразделяются на три группы:

1. Свинцовые поливы, нанесенные по ангобированному и расписанному черепку (наиболее массовая часть глазурованных изделий Афрасиаба представлена блюдами, чашами, светильниками и кувшинами). Характерным представителем может служить широко известный тип керамики с черно-коричневым эпиграфическим подглазурным орнаментом по белому ангобу.

2. Щелочные поливы, нанесенные непосредственно на черепок (встречаются на светильниках с высокой ножкой); цвет поливы синевато-голубой.

3. Свинцово-оловянные заглушенные одноцветные зеленовато-голубые поливы (наблюдаются на чашах, блюдах и светильниках).

Кроме перечисленных групп, часты находки фрагментов блюд и чаш с расплывчатым зеленовато-голубым орнаментом по белому фону, известных в археологии под наименованием «ишкорные». По качеству они ближе к свинцово-

оловянной группе. Так как фрагменты этой группы изучены недостаточно, вопрос об их составе в данной статье не рассматривается.

Наиболее древняя глазурь — щелочная, по данным Лукаса, применялась уже в 5 000 году до н. э. в Египте. Свинцовая глазурь появилась позднее, в 945—745 гг. до н. э.¹ Очередность появления их на Афрасиабе еще точно не установлена.

Свинцовая глазурь — прозрачная, с сильным блеском, как правило, наносилась на глиняный черепок поверх белого, а в отдельных случаях и цветного ангоба с многоцветной росписью. Ангоб и подглазурный орнамент являются по составу цветными глинами, иногда с примесью различных окислов. На Чупаната (около Самарканда) имеются месторождения желтых, розовых, оранжевых, красных глин, которые могли употребляться для ангобирования и росписи керамики. Беложгущихся глин на Чупаната нет, их могли привозить из окрестностей Самарканда и из других городов. В XIX в. привозили в Самарканд высокопластичную глину из «Ташкентского уезда»², вероятно, беложгущуюся, хотя в настоящее время такие глины привозят местные гончары из Пянджикента и Карнаба.

Ангоб наносился с целью замаскировать цвет черепка или создать фон для полихромной орнаментировки.

Поверхность свинцовых глазурей испещрена сетью мелких трещин (цеком) (рис. 1, А). Наличие цека и его характеристика (мелкопетлистый или крупнопетлистый) показывают степень согласованности глазури и подглазурного основания³. Чем мельче цек, тем более глазурь склонна к отслаиванию, т. е. тем более глазурь не согласована с основанием. Очевидно, только высокая упругость свинцовых глазурей обеспечивает прочность сцепления поливы и подглазурного основания: случаи отслаивания встречаются редко.

Белый, розовый и оранжевый ангобы почти не остекловываются, но темно-красный ангоб остекловывается полностью, взаимодействуя с поливой, образует на поверхности черепка, вместо прозрачной глазурной пленки, коричневую

¹ А. Лукас, Материалы и ремесленные производства Древнего Египта, М., 1958, стр. 257, 270.

² Н. А. Кирпичников, Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области, Справочная книжка Самаркандской обл., Самарканд, 1897, стр. 116.

³ С. А. Разумовский, Изготовление бессвинцовых легкоплавких глазурей, М., 1953, стр. 11.

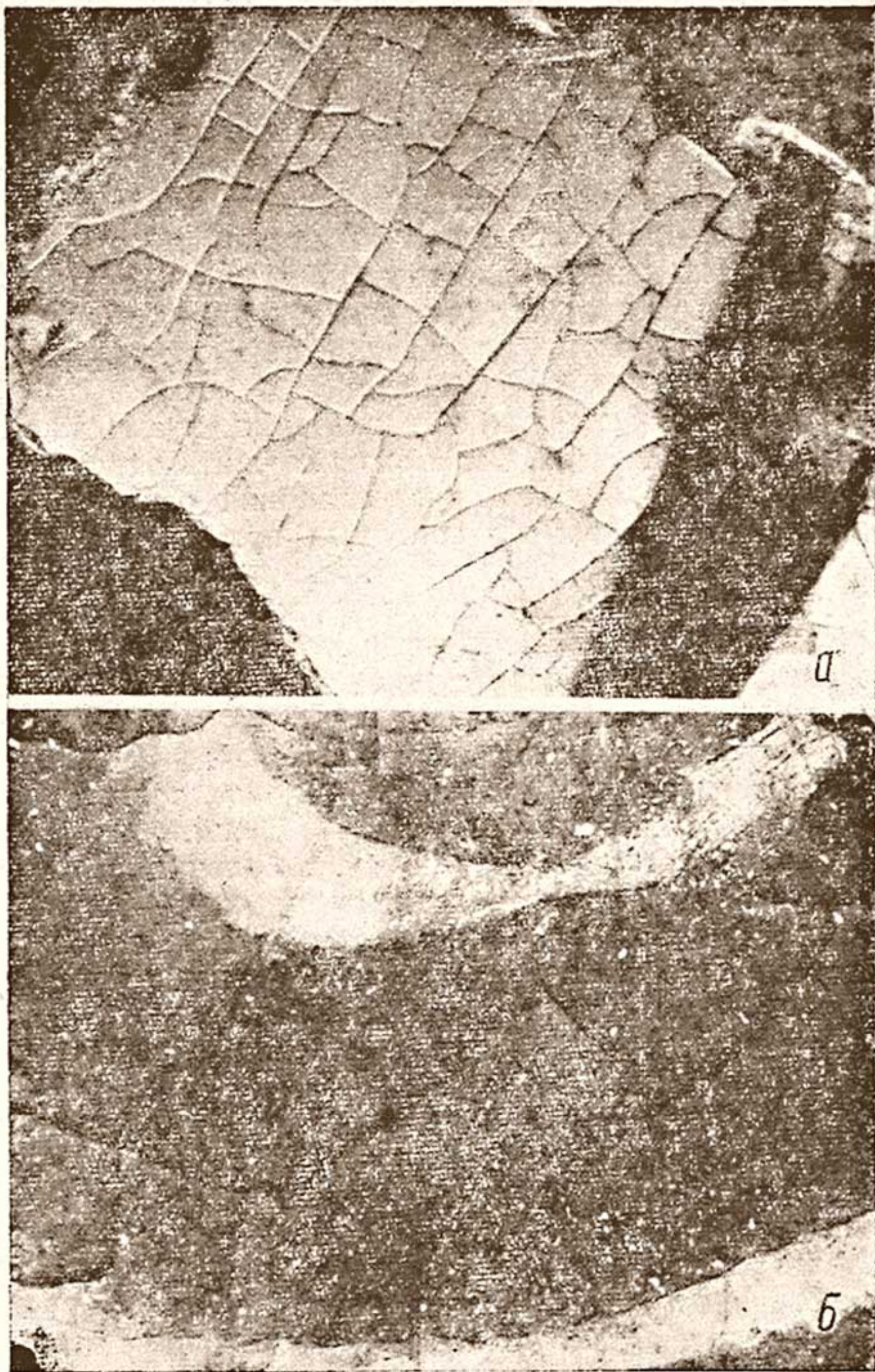


Рис. 1.

А—свинцовая глазурь, нанесенная по белому ангобу с подглазурной росписью минеральными красителями; покрыта мелкопетлистым цеком; Б—щелочная глазурь, нанесенная непосредственно на черенок; покрыта среднепетлистым цеком.

бесцветную глазурь. Из подглазурных красителей частично остекловываются черно-коричневые, зеленые остекловываются полностью.

Твердость свинцовых глазурей самая низкая; при сравнении с другими видами глазурей по шкале Мооса она находится в пределах 5 класса.

Качественной характеристикой глазури является наличие пузырей в глазурном слое, причем открытые поверхностные пузыри — признак низкокачественной глазури. Закрытые пузыри обязательно присутствуют в глазурях, их концентрация и размеры определяют вид глазури, так как зависят от ее состава.

В свинцовой глазури концентрация пузырей меньше, чем в щелочной глазури. Это может служить одним из определяющих признаков для распознавания основных компонентов глазури. Диаметр закрытых пузырей в свинцовых глазурях 0,02—0,25 мм, плотность расположения 5—10 шт/мм², причем пузыри просматриваются на окрашенных участках, на белом фоне пузыри трудно различимы. Особенно сильно увеличивается концентрация пузырей (до 20 шт/мм²) на участках, окрашенных зеленой краской вследствие применения медных красителей.

Толщина глазурного слоя 0,025—0,1 мм, толщина ангоба 0,05—0,1 мм, толщина краски 0,05—0,15 мм.

Щелочная глазурь — прозрачная, с большим количеством пузырей, плотность расположения которых 20—30 шт/мм², а диаметр 0,05—0,55 мм. Обычно такая глазурь наносится непосредственно на черепок, без ангоба. Черепок употребляется кашиновым, содержащий SiO₂ до 90%⁴. Щелочная глазурь на кашиновом черепке преимущественно хорошей сохранности со стеклянным блеском.

Следы ирризации и белесоватости на щелочной глазури наблюдаются чаще, чем на свинцовой, что объясняется, по аналогии со щелочными стеклами, малой химстойкостью щелочных силикатов: от действия воды на их поверхности образуется едкая щелочь или карбонаты, которые разрушают поверхность стекол (глазурей)⁵.

Толщина глазури 0,5—1,6 мм, но встречаются затеки толщиной до 4 мм. На некоторых образцах замечен контактный

⁴ Н. С. Гражданкина, Строительные материалы мавзолеев Миздахкана, сб., «Архитектурное наследие Узбекистана», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960 г., стр. 51.

⁵ И. И. Китайгородский и др., Технология стекла, М., 1951 г., стр. 50—54.

слой — светлые остеклованные кристаллы — между глазурью и черепком, толщиной 0,05—0,25 мм, который получается в результате взаимодействия поливы с основанием в процессе обжига вследствие возникающих реакций между элементами глазури и черепка.

Глазурная поверхность покрыта среднепетлистым цеком (рис. 1, Б), т. е. согласованность щелочной глазури с черепком выше, чем свинцовой глазури с основанием.

Твердость щелочных глазурей находится в пределах 7 класса по шкале Мооса.

Основным компонентом щелочных глазурей являются окислы натрия, вводимые содой, и окислы калия, вводимые поташем. В Узбекистане природные запасы соды в древности не разрабатывались. Щелочи вводились золой солончаковых растений⁶.

Вероятно, это золы растений из семейства маревых, которые отличаются значительным содержанием глауберовой, поваренной и различных углекислых солей⁷, другими словами, состоят в основном из натриевых солей.

Подобная зола, полученная из самаркандской керамической мастерской, имеет следующий состав:

Na_2SO_4	NaCl	Na_2CO_3	K_2CO_3	MgCO_3	CaCO_3	Остаток
16,6	33,8	20,7	6,5	7,4	4,4	10,6

Глазурь, изготовленная из нее, является натриевой, но не калиевой, не поташной.

Рентгено-спектральные выборочные анализы щелочных глазурей показывают, что содержание калия находится в пределах 1%.

Свинцово-оловянная глазурь — непрозрачная, со стеклянным блеском, наносилась непосредственно на глиняный черепок, но цвет его светлее, чем у черепка со свинцовой глазурью. Это можно объяснить более высокими температурами обжига свинцово-оловянной глазури, чем свинцовой глазури.

Цек — среднепетлистый, иногда вообще отсутствует. Толщина глазури 0,15—1,25 мм. Пузыри сверху не просматриваются, видны только в изломе, диаметром 0,2 мм. Твердость свинцово-оловянных глазурей по шкале Мооса находится в пределах 6 класса.

⁶ Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 196; С. В. Филипова, Архитектурная майолика, М., 1956, стр. 19; Н. А. Кирпичников, указ. работа, стр. 118.

⁷ Флора Узбекистана, т. II, Институт ботаники, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 207.

Производство свинцово-оловянной глазури — местное: на Афрасиабе, в раскопе В. Д. Жукова (квартал керамистов), найден керамический штырь с налетами глазурной фритты желто-зелено-голубоватого цвета и с застывшей каплей заглушенной глазури голубого цвета. Цвет капли одинаков с имеющимися в том же раскопе фрагментами светильников, блюд и чаш. Очевидно, штырь служил для помешивания глазурной шихты при фриттовании. По составу фритта также является свинцово-оловянной.

Т а б л и ц а

Результаты спектрального анализа глазурей⁸

Виды глазури	Элементы глазурей												
	Si	Al	Mg	Ca	Fe	Mn	Ni	Ti	Y	Zr	Cu	Pb	Ag
Свинцовая глазурь	5	5	5	5	4	2	2	3	1	2	4	5	2
Щелочная "	5	5	5	5	5	2	1	3	2	2	4	3	1
Свинцово-оловян- ная	5	5	5	5	4	2	2	3	1	2	5	5	2
Фритта	5	5	5	5	4	2	2	3	1	1	4	5	3

Виды глазури	Элементы глазурей											
	Sb	Bi	Zn	Sn	Ga	Be	Na	K	Sr	Ba	Li	P
Свинцовая глазурь	3	1	2	2	1	1	5	—	2	2	—	—
Щелочная "	—	1	—	2	1	1	5	5	2	2	3	—
Свинцово-оловян- ная	2	1	2	5	1	1	5	4	2	2	—	—
Фритта	4	1	2	5	1	1	5	5	3	2	—	3

Обозначения:

- не обнаружено,
- 1 около тысячных долей %,
- 2 — „ сотых „ %,
- 3 — „ десятых „ %,
- 4 — „ одного %,
- 5 — много.

В лаборатории Института истории и археологии АН УзССР кусочки фритты выдерживались в печи и нагревались до температуры 800° в течение часа. Цвет глазурной фритты

⁸ Спектральные анализы проводились в Центральной химической лаборатории при Главном Геологическом управлении, гор. Ташкент.

стал более голубым, но гетерогенность уменьшилась незначительно. При повторной выдержке при температуре 950° цвет глазури не изменился, но глазурь несколько оплавилась. Время выдержки также равнялось одному часу. Вероятно, чтобы глазурь стала однородной, ее нужно дополнительно размолоть и, предварительно размешав, повторно провести фриттование. Таким образом, можно сделать вывод, что свинцово-оловянные глазури подвергались многократному фриттованию.

Проведенные исследования позволяют утверждать следующее:

1. Производство глазурованной посуды было местным, чему способствовала местная сырьевая база, а именно чупантинские глины, пески, кварциты, известняки; свинец из Илакского округа Мавераннахра (где велись разработки серебро-свинцовых рудников уже в IX—X вв.)⁹; олово из оловодобывающих рудников Рабиджана, которые функционировали в X—XII веках.

2. Химико-технологическое исследование глазурей должно продолжаться для выяснения их химических составов, которые помогут уточнить параметры и технологию производства. В дальнейшем по полученным данным можно составить хронологическую таблицу, указывающую время существования того или иного вида поливной посуды.

⁹ У. И. Исламов, Зарождение геологических знаний в Средней Азии, сб. «Очерки по истории геологического изучения Средней Азии», Ташкент, 1956, стр. 40.

В. А. ШИШКИН

ВАСИЛИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ВЯТКИН

(К тридцатилетию со дня смерти)

В. Л. Вяткин — один из наиболее известных археологов дореволюционного Туркестана, сын семиреченского казака, родился в августе 1869 г. Образование он получил в Ташкентской учительской семинарии, курс которой закончил в 1894 г. Приехав в Самарканд, В. Л. Вяткин работал сначала переводчиком областного правления, делопроизводителем, позднее — советником, членом областного статистического комитета. В совершенстве владея языками местных национальностей, молодой ученый сразу же заинтересовался этим старинным городом, его историей и памятниками прошлого. Предметом пытливого изучения сделались многочисленные вакуфные документы, собранные в областном правлении, а затем и разнообразные исторические источники, благодаря которым он вскоре стал лучшим в то время знатоком истории города и области. Достоин удивления, что молодой чиновник, не получивший специального историко-востоковедческого образования, без всякого научного руководства, через два года после приезда в Самарканд, начал публикацию серии научных работ, которые свидетельствуют о его глубоких и разносторонних знаниях. Сначала это были еще довольно бесхитростные переводы — пересказы различных легенд, но за ними последовали серьезные и обоснованные рецензии, а затем и исследования, основанные на изученных им первоисточниках. Среди работ этого периода мы находим и прекрасный этнографический этюд о праздновании нового года (науруза) в Самарканде, и биографии мистиков-суфиев, и полный перевод «Самарии» с комментариями, и очерки по исторической топографии окрестностей Самарканда.¹ Серьез-

¹ Большая часть дореволюционных работ В. Л. Вяткина печаталась в «Справочных книжках Самаркандской области», (начиная с вып. IV,

ное внимание ученого мира обратил на себя молодой ученый исследованиями «К исторической географии Ташкентского района» и «Материалы к исторической географии Самаркандского вилаята», в которых им были использованы обильные указания вакуфных грамот. Эти работы явились новым словом не только по содержащимся в них историческим сведениям, но и в отношении методики исследования впервые привлекаемой категории источников.

Занятия исторической топографией привели естественно к археологии, тем более, что этому способствовало увлечение В. Л. Вяткина памятниками древней архитектуры, изучением которых он усиленно занимался. Поэтому, когда в 1902 г. возник вопрос о подыскании подходящего кандидата на должность смотрителя памятников Самарканда, выбор пал на В. Л. Вяткина, «как лица, изучающего историю Средней Азии по мусульманским источникам и, попутно, вопросы по истории памятников строительного искусства, а главное, как лица, знающего разговорный и письменный язык местных туземцев»². Назначение состоялось 18 апреля 1903 г.

В том же году В. Л. Вяткин получил и первое ответственное научное поручение — составление точного плана Самарканда и его окрестностей с нанесением всех памятников и остатков древних стен, окружавших Самарканд с прилегающими районами³. Поручение было с успехом выполнено. В 1904 г. В. Л. Вяткин оказывал помощь в раскопках на Афрасиабе В. В. Бартольд и в том же году произвел первые самостоятельные раскопки в местности Намазгох. С 1905 г. основным объектом археологических исследований В. Л. Вяткина сделался Афрасиаб. В первый же год он открыл и частично раскопал соборную мечеть Самарканда, сожженную в 1220 г. при взятии города монголами. Позднее он раскапывал цитадель и многие другие места городища, а в 1912—1913 гг. производились раскопки комплекса зданий в

1896 г.) и в газете «Туркестанские Ведомости», помещавшей на своих страницах, наряду с обычным газетным материалом, также и серьезные краеведческие статьи. Отчеты о раскопках 1904—1905 и 1908—1909 гг. помещены в «Известиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Список работ В. Л. Вяткина, составленный Е. К. Бетгером, см. в «Трудах Ташкентского гос. университета», вып. 172, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 124—127.

² Письмо Туркестанского ген.-губернатора Археологической комиссии от 29/31 марта 1903 г. № 3756. Архив Археологической комиссии, д. № 693—1895 г. (в Институте археологии АН СССР).

³ Протокол заседания русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии от 26 апреля 1903 г. (Известия РКСВА, вып. II, 1904, стр. 6—8).

западной части городища, благодаря которым были найдены замечательная резная алебастровая панель и остатки стенной росписи. Эти раскопки были возобновлены в советское время, в 1925—1930 гг. Тогда же исследовалась местность около соборной мечети, где были обнаружены остатки капитального здания, декорированного резной терракотой. Это здание В. Л. Вяткин принял за развалины караханидской мечети⁴. Кроме Афрасиаба и его ближайших окрестностей, В. Л. Вяткин исследовал мавзолей Исмаила Самани в Бухаре (1925 г.), производил небольшие раскопки в древнем Термезе (в качестве участника экспедиции московского музея восточных культур 1927 г.), совершил рекогносцировку на городище Арбинджан (1929 г.), ознакомился с памятниками Хорезма (1929 г.), и т. п.

Особо следует упомянуть исследование остатков обсерватории Улугбека, раскопки которой производились в 1908—1909 и 1911 гг. В результате был открыт огромный каменный квадрант (или, как теперь доказано — секстант), являвшийся главным инструментом обсерватории⁵.

Большое количество записей, сохранившихся в архиве В. Л. Вяткина, показывает, как упорно и настойчиво в течение многих лет изучал он архитектурные памятники Самарканда, описывая детальнейшим образом конструкции, майоликовые и мозаичные облицовки, надписи и т. п. Знания, накопленные им в этой области, не нашли достаточного отражения в его печатных работах. Но, независимо от этого, роль В. Л. Вяткина — знатока архитектурных памятников Самарканда, не исчерпывается его небольшими, но ценными популярными книжками⁶. Он охотно делился результатами своих исследований как со своими сотрудниками и помощниками, так и с заезжавшими в Самарканд научными работниками и интересующимися лицами. Все новое, что узнавал В. Л. Вяткин, так или иначе входило в научный обиход и развивалось другими учеными, исследователями памятников Средней Азии.

⁴ М. Е. Массон считает его мавзолеем XII в.

⁵ Раскопки обсерватории были продолжены в 1941 г. учеником В. Л. Вяткина И. А. Сухаревым, работавшим в составе экспедиции под руководством М. Е. Массона, и закончены в 1948 г. экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством В. А. Шишкина (см. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. V, 1953 — «Обсерватория Улугбека»).

⁶ Памятники древностей Самарканда, Три издания: 1927, 1929, и 1933 гг.; Архитектурные памятники Самарканда, М., 1929.

Охране памятников В. Л. Вяткин посвятил много сил и времени. В дореволюционное время он берег и опекал их как «смотритель древностей». В его обязанности входило наблюдение за техническим состоянием зданий, организация необходимых ремонтов. Ему же приходилось бороться и с хищениями, не только такими, как кража «неизвестными лицами» надгробий из мазара Чиль-Духтарон или мозаичной плиты с мавзолея Гури-мир, оказавшейся позднее в Берлине, но и с притязаниями петербургских чиновников от науки на прямое разграбление и уничтожение архитектурных шедевров Самарканда. Бороться в этом случае приходилось с таким влиятельным учреждением, как Археологическая комиссия при министерстве двора. Только благодаря энергичным протестам В. Л. Вяткина удалось предотвратить полную гибель мавзолея Ишрат-хана и снятие изразцов со зданий ансамбля Шах-и-Зинда для хранения их в музее Штиглица в Петербурге. В. Л. Вяткина глубоко возмущало это чиновничье-барское отношение к культурным сокровищам Туркестана. «Мы надеемся, писал он, что не только содействия, но и разрешения не последует на такое постыдное для нас дело, как варварское калечение доставшегося нам от былых времен художественного наследия».

После Октябрьской социалистической революции мы видим В. Л. Вяткина в числе тех представителей русской интеллигенции, которые с первых же дней стали честно сотрудничать с Советами. В 1918—1919 гг., до расформирования областного правления, он состоял в должности помощника областного комиссара⁷. В 1920 г., после свержения власти бухарского эмира, выполнял поручение Чусоснабарма самаркандско-бухарской группы войск Красной Армии по учету археологических ценностей Бухары⁸. Позднее В. Л. Вяткин работал в качестве члена областной плановой комиссии при Самаркандском облисполкоме.

⁷ Удостоверение, выданное В. Л. Вяткину Самаркандским областным и городским Исполнительным комитетом от 26 ноября 1924 г. за № 17906, хранится временно в числе некоторых других архивных материалов В. Л. Вяткина в Институте истории и археологии АН УзССР.

⁸ Телеграмма члена Реввоенсовета самаркандско-бухарской группы, войск Филиппова (без даты и номера); Удостоверение Чусоснабарма от 2 окт. 1920 г. за № 29 на имя В. Л. Вяткина, возвращавшегося в Самарканд по окончании археологических работ в Бухаре (хранится там же). В. Л. Вяткиным была выполнена тогда работа по регистрации и охране рукописей из собраний бывших сановников и пр. См. В. В. Бартольд, Отчет о командировке в Туркестан, август—декабрь 1920 г. «Изв. РАН», серия II, т. XV, стр. 197.

Одновременно с этим В. Л. Вяткин не оставляет и своей деятельности по охране памятников. Уже в 1917 г. он вместе с другими энтузиастами-инженерами Б. Н. Кастальским и М. Ф. Мауэром входит в комиссию по спасению грозившего падением северо-восточного минарета медресе Улугбека. Когда образовалась Самаркандская комиссия по охране памятников, вошедшая в систему Средазкомстариса, он стал ее председателем. После упразднения Средазкомстариса В. Л. Вяткин был также первым председателем Узбекистанского комитета по охране памятников, находившемся тогда в Самарканде. Позднее, до самой смерти, последовавшей 26 июня 1932 г., В. Л. Вяткин состоял в должности археолога Узкомстариса.

При оценке работ наших предшественников необходимо учитывать время и условия, в которых они жили и работали. Следует отметить, что у В. Л. Вяткина не было археологической школы, не было предшественников, у которых он мог чему-нибудь научиться. Методы исследования профессора Веселовского, работавшего в Самарканде, в 1885 г. и позднее неоднократно посещавшего этот город, были еще весьма примитивны и не выходили за пределы чисто вещеведческих интересов. Другой ученый — высококвалифицированный историк-востоковед — В. В. Бартольд обладал глубоким и разносторонним знанием исторических источников. Его интересовали в археологии исторические вопросы: в работах на Афрасиабе он ставил перед собой задачу найти подтверждение данным средневековых авторов. Но и он не владел ни в какой мере методикой археологических исследований. Типичный кабинетный ученый, он сам признавался в этом, был мало приспособлен к полевым исследованиям, и после 1904 г. даже не делал попыток заниматься археологическими раскопками. Для всех работ В. Л. Вяткина, включая и последние раскопки 1929—1930 гг., характерны случайно разбросанные траншеи и шурфы; только в редких случаях предпринимались раскопки целых помещений. При этом почти не обращалось внимания на стратиграфию культурных наслоений. Заставляла желать лучшего и примитивная фиксация добытого раскопками, часто она совсем отсутствовала. Раскопки велись преимущественно «вширь», с целью охвата возможно большей территории.

Как бы обобщением работ В. Л. Вяткина более чем за двадцатилетний период, считается его книга — «Афрасиаб — городище былого Самарканда», вышедшая в Самарканде в 1927 г. Книжка встретила достаточно суровый отзыв В. В. Бар-

тольда, который, отметив, что В. Л. Вяткин издал «монографию, представляющую значительный шаг вперед по сравнению с тем, что было напечатано об этом городище до сих пор», выражает и «некоторое чувство разочарования» тем, что в работе отсутствуют ссылки на источники, которые «вероятно содействовали бы исправлению неточностей». Вторым недостатком работы В. Л. Вяткина он считает отсутствие указаний на раскопки, проводившиеся еще в дореволюционное время, и на такие открытия, как остатки живописи, алебастровые панели и пр.⁹

Еще более строг отзыв А. Ю. Якубовского, отметившего формалистический подход В. Л. Вяткина к описываемому материалу, отсутствие продуманной исторической тематики и т. д.¹⁰

Все это верно. Ни истории Самарканда, ни тем более попыток «поставить вопрос о происхождении и развитии феодального города», как желал бы А. Ю. Якубовский, В. Л. Вяткин не сделал, да и вряд ли мог сделать. Нельзя забывать, что В. Л. Вяткин был талантливым самоучкой-краеведом, начитанным и пытливым, но без специальной подготовки. Вряд ли мы можем осуждать В. Л. Вяткина и за то, что он стоял на идеалистических позициях, как и В. В. Бартольд — крупный, реалистически мыслящий ученый, но не преодолевший буржуазно-идеалистического подхода к исследованию исторических явлений. Древность Средней Азии была исследована тогда настолько слабо, что В. В. Бартольд писал: «Самые ранние из существующих городов и поселений относятся только к тому Туркестану, который застали в VII в. н. э. арабские завоеватели»¹¹. С неверными представлениями о запоздалом развитии культуры Средней Азии было связано и преувеличение роли заимствований из других стран, прежде всего из Ирана. Поэтому периодом возникновения поселения на Афрасиабе считали IV и V вв. н. э., так как предметы большей древности, встречавшиеся на Афрасиабе, в то время не могли быть датированы.

Однако мы должны отметить, что эта дата возникновения города на Афрасиабе не была для В. Л. Вяткина оконча-

⁹ В. В. Бартольд, Рец.: В. Л. Вяткин, Городище Афрасиаб. Сб. «Иран», т. II, Л., 1928, стр. 181—185.

¹⁰ А. Ю. Якубовский, Из истории археологического изучения Самарканда, Труды Отдела Востока. Государственный Эрмитаж, т. 2, стр. 327—330.

¹¹ В. В. Бартольд, Ближайшие задачи изучения Туркестана, «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 9.

тельной. Раскопки 1929—1930 гг. заставили пересмотреть прежнюю точку зрения. В подписанном В. Л. Вяткиным отчете Узкомстариса за 1929/1930 г. уже сообщается, что раскопки «установили период культуры в этой части Афрасиаба (около соборной мечети,— В. Ш.), относящийся ко II—III вв. н. э.». Таким образом, В. Л. Вяткин определил, что поселение на Афрасиабе восходит по крайней мере к кушанскому времени. Это свидетельствует о значительной эволюции во взглядах на прошлое древнейшего Самарканда, как и на необходимость раскопок «вглубь», ибо на этот раз В. Л. Вяткин заинтересовался и нижележащими слоями.

В. Л. Вяткина часто упрекали в том, что он не опубликовал своих данных о раскопках на Афрасиабе. Действительно, после отчета о раскопках 1905 г. и опубликования работы об обсерватории Улугбека он ничего не издавал. Объяснить это можно только тем, что публикацию полного отчета он откладывал до какого-то времени, до какого-то решающего этапа своих исследований, и только неожиданная болезнь, скосившая этого крепкого и бодрого человека, помешала ему выполнить это намерение¹².

Долгое время был мало доступен и архив, оставшийся после смерти В. Л. Вяткина. Приобретенный Сурхандарьинским музеем, он был вывезен в Термез. Позднее, к сожалению, он был рассеян по разным учреждениям, а часть его, возможно, находится в частных руках. В 1947 г., по распоряжению соответствующих учреждений, архив В. Л. Вяткина подлежал передаче в Центральное архивное управление УзССР, но сдан был не полностью. Значительная его часть не была внесена в опись и осталась в Сурхандарьинском музее, где хранилась без описи в фанерном ящике. По просьбе автора эти бумаги в мае 1962 г. переданы в Институт истории и археологии АН УзССР для передачи в Центральный исторический архив УзССР, и временно хранятся в указанном Институте. Среди них ценны тетради с дневниками раскопок на Афрасиабе в 1925 и 1929 гг., в Термезе в 1927 г., записи, сделанные во время поездки в Хорезм в 1929 г., различные заметки, выписки из источников и т. п.

При всех недостатках работ В. Л. Вяткина, обусловленных в значительной мере состоянием археологической и ис-

¹² О желании написать большой отчет по Афрасиабу, предпослав ему общий очерк городища, говорил и сам В. Л. Вяткин еще в 1926 г., когда автор этих строк посетил его проездом в Самарканде. Возможно, что изданная им книжка «Афрасиаб» и является только первой, вводной частью к предполагавшемуся труду, который не был написан.

торической науки того времени, в памяти потомков он остается талантливым исследователем, всецело увлеченным своим делом и зажигающим других своим энтузиазмом. Его ученые заслуги получили признание при жизни: он был избран членом-корреспондентом Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, за открытие обсерватории Улугбека и другие труды награжден большой золотой медалью имени академика Розена. В советское время ему было присвоено звание профессора, он состоял также почетным членом Туркестанского восточного института и т. д. В. Л. Вяткин пользовался большим уважением и популярностью среди местного населения Самарканда, которому было хорошо известно его доброе к нему отношение.

ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ ОШАНИН

9 января 1962 г. на 78 году жизни скончался заслуженный деятель науки Узбекской ССР профессор Л. В. Ошанин. Л. В. Ошанин родился 7 марта 1884 г. в семье одного из представителей славной плеяды первых русских исследователей природы Средней Азии, педагога и общественника Василия Федоровича Ошанина, принадлежавшего к передовой, прогрессивной части русской интеллигенции Туркестанского края.

Окончив биологический факультет Петербургского университета, а затем Военно-медицинскую академию, Лев Васильевич в качестве врача уезжает в Закаспийскую область для борьбы с эпидемией чумы. Впоследствии Л. В. Ошанин работал в Обуховской городской больнице в Петербурге и в земской больнице Каменец-Подольска, а в годы первой мировой войны — в полевых госпиталях.

Летом 1917 г. Л. В. Ошанин возвращается в Среднюю Азию. Вначале он работает в Ташкентской городской больнице, а затем долгое время в клинике Ташкентского медицинского института. Свои первые научные работы молодой ученый опубликовал в «Среднеазиатском медицинском журнале», одним из редакторов которого был сам Л. В. Ошанин.

Лев Васильевич участвовал в организации первого высшего учебного заведения в Туркестане (1918 г.), слившегося в 1920 г. с Туркестанским государственным университетом. В 1925 г. Л. В. Ошанин становится доцентом университета, а в 1931 г. — профессором.

В 1939 г. он основывает кафедру антропологии. С 1943 г. Лев Васильевич совмещал преподавательскую и научно-организационную деятельность в университете с работой в ка-

честве старшего научного сотрудника в Институте истории и археологии Академии Наук УзССР.

Еще в 1923 г. Лев Васильевич глубоко заинтересовался проблемами антропологического состава населения Средней Азии, что и определило всю его последующую научную деятельность. За два десятилетия организованные им антропологические экспедиции, охватившие Хорезм, Иссык-Куль и Терской Алатау, Бухарскую и Самаркандскую области, Памир, верховья Зеравшана и Каракумы, долины Чаткала и Пскема, собрали огромный измерительный и описательный антропологический материал, дополненный обследованием жителей Ташкента, каратегинцев и т. п.

Даже после того, как по состоянию здоровья Лев Васильевич вынужден был прекратить личное участие в экспедициях, он руководил работой, выполнявшейся его учениками.

Огромный материал, собранный экспедициями, позволил Льву Васильевичу создать яркую и детальную картину сложного по своему антропологическому составу населения всей Средней Азии. Глубоко эрудированный ученый, человек с широким кругозором, Лев Васильевич не ограничился, однако, описанием современного населения. Обширный антропологический материал был использован им с привлечением исторических, археологических, этнографических и отчасти лингвистических данных для воссоздания истории образования племен и народов Средней Азии. Ученый-гуманист, Л. В. Ошанин, вопреки буржуазным фальсификаторам истории, убедительно доказал глубокие исторические корни этногенеза узбекского, таджикского и других народов Средней Азии, вскрывая последующие смешения и наслоения новых компонентов. «Антропология,— писал Лев Васильевич,— является прежде всего наукой исторической в том широком смысле, в каком историю понимали основоположники марксизма».

Капитальный труд Л. В. Ошанина «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов» (1957—1959) войдет в золотой фонд советской антропологической и исторической науки.

Лев Васильевич останется в памяти всех знавших его как необычайно скромный и отзывчивый человек, всегда готовый оказать помощь добрым советом, дружеским вниманием. Отличавшийся огромным трудолюбием, Лев Васильевич не оставлял работы до последних дней своей жизни. Уже будучи тяжело больным, он заканчивал свой последний труд

«Антропологическое исследование скелетов Тимура и тимуридов», подготовляемый ныне к печати.

Общественная и научная деятельность Л. В. Ошанина получила высокую оценку. Он был избран депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и Почетными Грамотами Верховного Совета УзССР.

Товарищи по работе, друзья и ученики Льва Васильевича навсегда сохраняют память о нем, как о большом сердечном человеке и крупном советском ученом-марксисте.

| **ВСЕВОЛОД ДАНИЛОВИЧ ЖУКОВ** |

11 мая 1962 г. после длительной и тяжелой болезни скончался старший научный сотрудник сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР, кандидат исторических наук Всеволод Данилович Жуков. Ушел из жизни скромный человек и ученый, много сделавший в области изучения памятников древности Узбекистана.

В. Д. Жуков родился 8 октября 1902 г. в Москве. В 1928 г., окончив восточный факультет Среднеазиатского государственного университета, В. Д. Жуков работает научным сотрудником Среднеазиатского музея, Узкомстариса, Института языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР, Музея истории и Института востоковедения АН УзССР. В 1946 г. В. Д. Жуков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Дворец термезских правителей (по данным раскопок 1936—1937 гг.)». В 1948—1951 гг. В. Д. Жуков заведывал Самаркандской археологической базой Академии, а с 1951 г. и по день смерти являлся старшим научным сотрудником Института истории и археологии АН УзССР.

В. Д. Жуков возглавлял ряд археологических отрядов, вел раскопки в районах Бухары, Самарканда, Термеза, участвовал в работах Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР, Южно-Туркменистанской и Узбекско-Зеравшанской археологических экспедициях и др.

Перу В. Д. Жукова принадлежат около 30 печатных работ. Среди них такие важные публикации, как «Кайрак с двуязычной надписью», «Материалы к изучению пригородов городища Варахши», «Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза», «Дукентский клад монет XIII—начала XIV века» и другие.

Все, знавшие В. Д. Жукова, надолго сохраняют о нем добрую память.

СПИСОК

- Печатных работ Всеволода Даниловича Жукова (1934—1961 гг.)¹
- Typketning orini. — Maʼsala, 1934, N 2, 35—38.
- Археологическое исследование территории Чирчикстроя. — «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, №1, стр. 103—104 (то же на узб. яз.).
- Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. — Известия Узбекского филиала АН СССР, Ташкент, 1940, №10, стр. 21—27 (то же на узб. яз.: Узбекистон филиалининг ахбороти, Ташкент, 1940, №4, стр. 62—67).
- Кирпич из развалин Старого Термеза. — Труды Узбекского филиала АН СССР, Серия I, История и археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 205—214.
- Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. — Труды Узбекского филиала АН СССР, Серия I, История и археология, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 168—196, с 21 рис.
- Стеклянные «медальоны» из дворца термезских правителей. — Известия Узбекского филиала АН СССР, Ташкент, 1940, №4—5, стр. 59—66.
- Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей. — Труды АН УзССР, Серия I, т. 2, Ташкент, 1945, стр. 133—162, с 37 рис.
- Последний хорезмшах (Из борьбы Джелаледдина Менгуберта с монголами). — Ташкент, 1944, 16 стр. (Академия наук УзССР. Институт истории и археологии. Художественно-историческая библиотечка бойца). Рец: Б. В. Лунин, исторический журнал, М., 1944, №12.
- То же. На узбекском языке в параллельном издании. Перевел Я. Г. Гулямов, Ташкент, 1945, 12 стр.
- Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза. — Труды АН УзССР, Серия I, т. 2, Ташкент, 1945, стр. 82—97, с 21 рис.
- Изучение пригорода Нисы в 1946 г. — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 170—190, с 9 рис.
- Остатки монументального сооружения XIV в. [Дворцовые сооружения эпохи Тимура в Самарканде]. — Известия АН УзССР, Ташкент, 1949, №4, Стр. 112—113.
- Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. — Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. 4, Ташкент, 1951, стр. 41—84, с 28 рис.
- Ценная публикация [О журнале «Доклады АН ТаджССР, Вып. 11, 1954, посвященном публикации результатов археологических исследований на территории Таджикистана]. — Известия АН УзССР, Ташкент, 1955, №3, стр. 109—111.
- Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г. [в Самарканде]. — «Эпиграфика Востока», XI, М.—Л., 1956, стр. 30—32, с 1 рис.
- Материалы к изучению Баш-Тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. — Труды Института истории и ар-

¹ Составил Б. В. Лунин.

- хеологии АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 173—204, с 22 рис.
- Материалы к изучению пригородов городища Варахша.—Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 145—148.
- Некоторые результаты археологических работ в Кувинском районе Ферганской области (научное сообщение).—Известия АН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1957, №2, стр. 93—96, с 1 рис.
- Археологическая разведка на Бури-Тепе в 1956 г. (Материалы по обследованию территории Чим-Курганского водохранилища).—Известия АН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, №5, стр. 53—58, с 4 рис.
- К вопросу изучения истории Даргома.—Известия АН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, №4, стр. 55—56.
- Остатки древних поселений на берегу р. Кашка-Дарья (Материалы по обследованию территории Чим-Курганского водохранилища).—Известия АН УзССР, Серия общественных наук, Ташкент, 1958, №2, стр. 86—89, с 3 рис.
- Дукентский клад монет (предварительное сообщение).—«История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 176—207, с 11 рис.
- Находка сестерция Нерона в кушанских слоях в Южном Узбекистане.—«Эпиграфика Востока», XIII, М., 1960, стр. 125—127, с 1 рис.
- Обследование городища Старая Кува в 1956 г.—Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, 80, М., 1960, стр. 80—84, с 3 рис.
- Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе.—«История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 177—191, с 9 рис.
- Новые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд).—«Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1961, №4, стр. 54—57, с 2 рис.
- Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (дополнение к предварительному сообщению).—«История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 307—312, с 2 рис.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского археологического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного просвещения.
Изв. АН УзССР — Известия Академии наук УзССР.
ҚСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
СА — Советская археология (журнал).
СА (сб.) — Советская археология (сборник).
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР.
ТИИАЭ АН ТССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Туркменской ССР.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ІСАГУ — Труды Среднеазиатского Государственного Университета.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
-

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. (Предварительное сообщение о полевых работах экспедиции).	5
А. П. Окладников. Краткий отчет о раскопках Ходжакентской пещеры в 1958 г.	23
У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана.	31
Х. К. Насретдинов. Разведка следов каменного века в Бостандыкском районе в 1959 г.	46
И. А. Анбоев. Древности Голодной степи.	51
О. Б. Обельченко. Курганы около селения Хазара.	57
В. Я. Зезенкова. Краниологический материал из могильников Бухарской области.	66
Л. И. Альбаум. Раскопки замка Зангтепе.	73
Т. Агзамходжаев. Оссуарные захоронения на окраине Ташкента.	84
Г. В. Шишкина. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда.	87
В. А. Булатова. Бронзовый штамп из жилого комплекса VII—VIII вв. (городище Кува в Ферганской области).	110
Д. П. Вархотова. Два серебряных браслета X—XI вв. из Чиназа.	116
М. Н. Федоров. Уникальный серебряный динар Султана Санджара из Сурхандарьинской области.	120
Н. С. Гражданкина. Некоторые способы повышения сохранности гипсового декора в памятниках XI—XIII вв. н. э.	126
Ф. А. Бурнашева. Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X—XI вв.	137
В. А. Шишкин. Василий Лаврентьевич Вяткин (К тридцатилетию со дня смерти).	144
<u>Лев Васильевич Ошанин</u>	152
<u>Всеволод Данилович Жуков</u>	155
Список сокращений.	158

История материальной культуры Узбекистана.

(Сборник статей. Отв. ред. д-р ист. наук В. А. Шишкин).

Вып. 4 Т., Изд-во Акад. наук УзССР,

1963.

(Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии).

Вып. 4, 1963. 160 стр.

902.6

Редактор *Б. Ш. Патлах.*

Технический редактор *Х. У. Карабаева.*

Корректор *Р. И. Тимошева*

Р-02073 Сдано в набор 6/II-1962 г. Подписано к печати 7/II-1963 г.
Формат $60 \times 90^{1/16} = 5,0$ бум.—10 печ. л. Уч.-изд. л. 9,62 Изд. № 586/62.
Тираж 1000. Цена 69 к. Переплет 15 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9.
Заказ 1313. Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

Цена 84 к.